

НАУКОВА БIBLIOTEKA OMU im. I.I. МЕЧНИКОВА

79-2
1199

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

ОДЕССА

ВЪ ПЕРВЫЯ ЭПОХИ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ПРОФЕССОРА В. К. НАДЛЕРА.

ОДЕССА.

Типографія В. В. Кирхнера, Пушкинская ул., № 19.

1893.

79-a
1199

79-а
1199

Содеряніе І-й главы.

Одесса и ея исторія.

Традиціонныя представенія объ Одесской истории.

Завоеваніе и колонизація Новороссії.

Воззрѣнія государственныхъ людей прошлаго вѣка на колонизацію и градостроеніе.

Какъ основывались города въ концѣ XVIII вѣка?

Географическое положеніе Одессы.

Древне-эллинскія поселенія на мѣстѣ Одессы.

Хаджибей и его исторія.

Хаджибейская крѣпость и Хаджибейское поселеніе.

Составные элементы населенія Хаджибая.

Характеръ Хаджибейской жизни.

Взятіе Хаджибая Де-Рибасомъ.

Проектъ Левашева.

Каховскій и его донесенія объ Аджибѣ.

Сооруженіе Хаджибейской крѣпости.

Военный элементъ и его вліяніе.

Проектъ военного и торгового порта въ Хаджибѣ.

Высочайшіе реєскрипты 27-го мая 1794 года, 22-го августа 1794 года.

Легенда и дѣйствительность.

Преосвященный Гаврійль и основаніе первыхъ церквей въ г. Хаджибѣ.

Задачи, возложенные на Де-Рибаса.

Жизнь и характеръ Де-Рибаса.

Воинские подвиги и дипломатическая заслуги.

Устроеніе города и раздача участковъ.

„Пріютъ для единовѣрныхъ народовъ“.

Откуда взялось имя „Одесса“?

Организація греческой эмиграціи.

„Попечитель“ Кесоглу и его похвальныя дѣянія.

Одескіе типы и порядки.

Павель I и его отношеніе къ Новороссії и Одессѣ.

Ревизія Одессы и ея результаты.

Дозволено цензурою. Одесса, 27 Апрѣля 1893 года.

79-а
1199

Преобразования.
Упадокъ и бѣдствія.
Рѣшительныя мѣры магистрата.
Прошеніе на Высочайшее имя.
Исторія „объ апельсинахъ“.
Милостивые рескріты.
Первое проявленіе самодѣятельности.
Возобновленіе работъ по сооруженію порта.
„Досуги и фантазіи Крымскаго судьи“.
Характеръ Одесской жизни въ началѣ XIX-го вѣка.
Неудавшаяся вечеринка.
Дюкъ-де-Ришелье и Одесскія удобства.

Исторія города Одессы представляетъ большой и своеобразный интересъ. Въ противоположность сотнямъ и тысячамъ городовъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ едва влачащихъ свое существованіе, Одесса развилаась и разрослась съ невѣроятною почти американской быстротою. Не прошло еще и столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ ея имя впервые упоминается въ официальныхъ документахъ, а уже ея населеніе достигло до 350,000 душъ, и ни одинъ городъ на всемъ югѣ Европейской Россіи не можетъ сравниться съ нею ни по изящной, чисто европейской, внѣшности, ни по колоссальнымъ торговымъ оборотамъ, ни по культурному значенію и влиянию вообще. Спрашивается, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать причинъ такого быстрого, почти необычнаго для европейскихъ условій, развитія: въ особыхъ-ли условіяхъ мѣстности, въ чрезвычайныхъ-ли усилияхъ правительства и въ громадныхъ средствахъ, затраченныхъ на строеніе города, въ мудrosti-ли администраторовъ и правителей, поставленныхъ во главѣ вновь возникающаго поселенія, или, наконецъ, въ какихъ либо иныхъ болѣе общихъ, такъ сказать, стихійныхъ условіяхъ, — вотъ вопросы, разсмотрѣнію которыхъ будутъ посвящены ниже-следующія страницы.

Съ дѣтства и съ школьнай скамьи мы привыкли смотрѣть на Одессу, какъ на искусственное созданіе государственной мудрости и прозорливости. Съ представленіемъ объ Одессѣ въ нашемъ воображеніи тотчасъ-же возстаютъ величавые образы царственной жены, Екатерины II, свѣтлѣйшаго князя Тавриче-

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ
І.І.МЕЧЕНІЙ

скаго и героя Измаила адмирала Де-Рибаса. Намъ повторяли и повторяють, что Одесса возникла по волѣ великой Императрицы, что Она предназначила быть здѣсь первому торговому порту на берегахъ Чернаго моря, что мѣсто для нового города избрано было послѣ долгихъ и тщательныхъ изслѣдований, что сама Академія наукъ призвана была дать ему имя, что на постройку Одессы ассигнованы были миллионныя суммы, и что, благодаря мудрости своего первого строителя де-Рибаса, городъ съ самаго начала пошелъ быстрыми гигантскими шагами на пути своего развитія. Но за этою эпохой первоначального процвѣтанія, говорять намъ далѣе, наступила въ жизни юной Одессы эпоха упадка. Императоръ Павелъ I не любилъ Одессы, созданія своей великой предшественницы, онъ отняль у нея всѣ дарованныя ей привилегии, пріостановилъ всѣ работы по постройкѣ города и сооруженію порта. Одесса была близка къ конечной гибели, но она спасена была отъ нея мудрыми мѣропріятіями и щедростями Императора Александра I. Дюкъ де-Ришелье, назначенный правителемъ Одессы и всего Новороссійскаго края, получилъ отъ великодушнаго Александра такія широкія полномочія и такія колоссальныя средства, которыя дали ему полную возможность въ теченіе немногихъ лѣтъ исполнить по отношенію къ Одессѣ всѣ великія предначертанія Екатерины II.

Таково въ немногихъ словахъ традиціонное сказание объ основаніи и быстромъ развитіи Одессы. Теперь посмотримъ на сколько согласуется это сказание съ дѣйствительною исторіею, основанною на первоначальныхъ и документальныхъ источникахъ.

Возникновеніе Одессы относится къ той эпохѣ русской исторіи, которая, по справедливости, можетъ быть названа эпохой колонизаціи и градостроенія. Во второй половинѣ XVIII вѣка наступилъ тотъ великий моментъ въ нашей исторіи, когда закончилась, наконецъ, тысячелѣтняя борьба между сѣверною и южною половиною восточной европейской равнины, между лѣсомъ и степью, между осѣдлымъ и кочевымъ бытомъ. Государство, постепенно сложившееся среди болотъ и лѣсовъ сѣвера, окрѣпшее среди неустанной, вѣковой борьбы съ безчисленными, окружавшими его со всѣхъ сторонъ, врагами, одолѣло, наконецъ, своего исконнаго противника, подчинило своему господству южныя стени и побѣдоносно раздвинула свои предѣлы до самыхъ береговъ Чернаго моря. Въ его распоряженіи оказались теперь миллионы десятина травянистой степи, которой никогда еще не

касался плугъ земледѣльца, которая отъ самаго сотворенія не знала иного населенія, кроме кочеваго. Ему принадлежали теперь устья и нижнія течения колоссальныхъ рѣкъ, предназначенныхъ самою природою для сплава продуктовъ и товаровъ; въ его рукахъ находились, наконецъ, побережья одного изъ важнѣйшихъ, культурныхъ морей древности, усѣянныхъ когда то цвѣущими торговыми поселеніями грековъ. Но въ этой громадной странѣ, на этихъ обширныхъ берегахъ, на этихъ колоссальныхъ рѣчныхъ устьяхъ давно уже замерла всякая историческая жизнь, давно уже водворилась „мерзость запустѣнія“. Южно-русскія степи не имѣли почти вовсе осѣдлаго населенія, гигантскія рѣки протекали среди мертвыхъ пустынь и дикихъ плавней, а богатые торговые города, процвѣтавшіе въ древности на сѣверномъ побережїи Понта, давно уже превратились въ развалины и, въ большинствѣ случаевъ, исчезли даже вовсе съ лица земли. Новая Россія была, въ дѣйствительности, страна новая, безлюдная, дѣвственная. Въ этой странѣ необходимо было начинать все съзнова. За эпохой завоеванія должна была наступить эпоха колонизаціи и градостроенія.

Государственные люди второй половины XVIII вѣка имѣли свои особые, совершенно своеобразные взгляды на значеніе государства и на его задачи, на вопросы національные и экономические. Национальная точка зрѣнія, опредѣляющая въ наши дни характеръ и направленіе политики, не существовала въ тѣ времена. Государство стояло выше народности и носило на себѣ до извѣстной степени характеръ космополитическій. Процвѣтаніе и могущество государства зависѣли, по мнѣнію тогдашніхъ политиковъ, отъ количества населенія и отъ его экономическихъ качествъ, а отнюдь не отъ его національного состава и характера. Государства, страдавшія отъ малонаселенности, должны были заботиться прежде всего объ увеличеніи населенія и привлекать съ этого цѣлью въ свои области такихъ переселенцевъ, которые представляли бы собою наибольшую экономическую цѣнность, другими словами, наибольшую способность къ труду и созданію капиталовъ. Подобная теорія являлась особенно пригодною для такого государства, какъ Россія, въ распоряженіи котораго находились десятки миллионовъ квадр. верстъ земли, совершенно невоздѣланной и необитаемой, и гдѣ вопросъ о возможно скорѣйшей колонизаціи являлся вопросомъ самымъ существеннымъ и безотлагательнымъ. Для русского государства

необходимо было заселить какъ можно скорѣе пустынныя стѣпи Новороссіи, а такъ какъ старыя русскія области не въ состояніи были доставить въ сколько нибудь достаточномъ количествѣ матерьяль для этого заселенія, то не оставалось иного средства, какъ привлекать всѣми силами и средствами колонистовъ изъ сосѣднихъ культурныхъ странъ, открыть въ Новой Россіи гостепримное убѣжище для грековъ, болгаръ, сербовъ, арнаутовъ, армянъ, призывать сюда колонистовъ изъ Германии и другихъ европейскихъ странъ и надѣлять этихъ пришельцевъ всевозможными привилегіями и пособіями.

Настоящее время никакъ не можетъ примириться съ такою политикою нашихъ государственныхъ людей прошлаго вѣка, и результаты ихъ дѣятельности, сказавшиеся прежде всего въ пестромъ національномъ составѣ населенія Новороссійскаго края, представляются ему, если и не опасными, то во всякомъ случаѣ вредными и несогласными съ истинными интересами русскаго народа, явленіями. Намъ кажется, что подобные взгляды, порожденные современною національною доктриною, страдаютъ еще большею односторонностью, нежели космополитическая возврѣнія политиковъ прошлаго вѣка. Что-бы тамъ не говорили мнимые поборники строго-національного начала, но иностранная колонія въ Новороссіи сдѣлали свое дѣло и принесли свою несомнѣнную долю пользы. Онѣ явились чуть не первыми піонерами культуры въ нашей окраинѣ, онѣ подали первый толчокъ къ развитию земледѣлія и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, наконецъ, иностранные поселенцы явились важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ элементомъ въ исторіи развитія нашихъ новороссійскихъ городовъ вообще и по преимуществу Одессы.

Рука обѣ руку съ колонизаціею страны, съ привлечениемъ иностранныхъ поселенцевъ шло градостроеніе въ Новой Россіи. Города основывались и строились цѣлыми десятками, они возникали и строились по волѣ Правительства, на мѣстахъ, избранныхъ назначеными для этой цѣли строителями и администраторами. Государство XVIII вѣка, а вслѣдъ за нимъ и его органы, чиновники, считали себя всемогущими и всевѣдущими и отнюдь не допускали какой либо иниціативы, кромѣ своей. Для основанія города требовалась прежде всего Императорская резолюція, гласившая: „повелѣваемъ на семъ мѣстѣ воздвигнуть градъ“, мѣсто же избиралось, разумѣется, мудрыми усмотрѣніями мѣстнаго администратора. Такимъ администраторами, а затѣмъ строи-

телями города являлись очень часто люди совершенно несвѣдущіе и неопытные въ дѣлахъ подобнаго рода. Заручившись содѣствиемъ специалистовъ сомнительного свойства, господа эти составляли прежде всего точный планъ будущаго города, опредѣляли количество соборовъ и церквей, мѣста, гдѣ быть заведеніямъ къ лучшему основанию и распространенію фабрикъ, ремесль и рукодѣлій, къ выгодѣ и ободрѣнію торговли. Строго распредѣляли по частямъ будущаго города его будущее населеніе, причемъ сообразно различнымъ слоямъ этого населенія опредѣлялась ширина улицъ, проектировали фонтаны съ водопадами, каналы, плотины, ботанические сады и почти съ математическою точностью опредѣляли количество самого населенія ¹⁾.

Такимъ образомъ возникали „по волѣ правительства и по распоряженію начальства“ большие и малые города Новороссіи. На одни изъ этихъ городовъ, мѣстоположенію коихъ придавалось особое значеніе, Правительствомъ и его высшими органами, тратились громадныя суммы, не жалѣлось, какъ говорится, ничего, на другіе тратились средства крайне скучныя. Понятно, что и судьба такихъ городовъ была крайне различная. Одни изъ нихъ, заброшенные и забытые самими основателями, превращались съ теченіемъ времени въ мѣстечки и поселки, другіе играли роль городовъ, лишь потому, что являлись административными центрами, тогда какъ третіе, и притомъ слѣдуетъ замѣтить, весьма немногіе, превратились съ теченіемъ времени въ значительные населенные центры. Особенно излюбленными дѣтищами высшей власти явились: Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ. Стоить лишь бросить самый бѣглый взглядъ на правительственные распоряженія и указы, относящіеся къ истории градостроенія въ Новороссіи, чтобы вынести убѣжденія, что всѣ заботы власти направлены были на „пропрѣтаніе и устроеніе преимущественно этихъ трехъ городовъ ²⁾“, тогда какъ на всѣ остальные обращалось, говоря относительно, не особенно много вниманія.

Къ этимъ „остальнымъ“, очевидно не важнымъ городамъ, слѣдуетъ отнести и Одессу, по крайней мѣрѣ, въ первое десятилѣтіе ея существованія. Что именно Одесса не могла обращать на себя особенное вниманіе высшей и мѣстной администраціи, — это объясняется прежде всего условіями ея мѣстоположенія. Одесса расположена на небольшомъ степномъ плато, круто обрывающемся къ морю и окруженному нѣсколь-

кими балками. Она расположена въ совершенно безлѣсной и маловодной мѣстности. Ея бухта не представляетъ особенныхъ удобствъ для судоходства, благодаря своему сравнительно открытому положению. Въ ся ближайшемъ сосѣдствѣ нѣть большой судоходной рѣки, почва вокругъ ея по большей части безплодная и каменистая, усѣянная солончаками и соляными озерами. Подобное мѣсто не представляло большихъ удобствъ для поселенія и на первый взглядъ никоимъ образомъ не могло конкурировать ни съ Николаевомъ, ни съ Херсономъ. На сторонѣ Одессы было лишь одно, правда, чрезвычайно важное преимущество. Ея бухта, не смотря на свое открытое положение, могла быть превращена въ превосходную гавань, благодаря своей значительной глубинѣ, а равно и тому обстоятельству, что она оставалась свободною отъ льда въ теченіи почти цѣлаго года.

Какъ не велико было это природное преимущество Одессы, тѣмъ не менѣе она не могла привлечь сюда въ древности греческихъ поселенцевъ. Извѣстно, что греческая колонія никогда не строились въ такихъ открытыхъ мѣстахъ, какъ теперешняя Одесса. Древніе Эллины всегда предпочитали селиться въ мѣстностяхъ, огражденныхъ самою природою отъ непріятельскихъ нападеній. Устья рѣкъ, широкіе лиманы съ узкими гирлами, укромныя бухты, почти закрытыя со стороны моря прибрежными островками или косами,— вотъ въ какихъ мѣстахъ возникали и процвѣтали такія обширныя и торговые поселенія, какъ Ольвія, Тирасть, Херсонесъ. Кабинетные ученые намѣренно или ненамѣренно опускали, однакоже, изъ виду этотъ общеизвѣстный фактъ, и во что бы то ни стало, силились доказать, что на мѣстѣ современной Одессы существовала въ древности цвѣтущая греческая колонія. Остатки древнихъ вещей, найденные при производствѣ нѣкоторыхъ городскихъ построекъ, обломки вазъ, глиняныхъ амфоръ и чашъ являлись въ ихъ глазахъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія древне-эллинского поселенія ³⁾). Оставалось лишь опредѣлить, что это было за поселеніе, и какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, между учеными археологами обнаружилось большое разногласіе. Одинъ ⁴⁾ началъ утверждать, что въ древности существовали двѣ Одессы или два Одеессоса, при чемъ одна изъ нихъ находилась на южномъ берегу Понта на мѣстѣ теперешней Варны, тогда какъ другая расположена была на съве-

ро-западномъ берегу на мѣстѣ позднѣйшаго Хаджибeya; другой⁵⁾, неменѣе ученый археологъ, рѣшительно доказывалъ, что на мѣстѣ Хаджибeya находилась греческая колонія „Гавань Истріянъ“ и что Одесса № 2 находилась при устьѣ Тилигула. Нашлись, наконецъ, и такие ученые, которые не согласились ни съ однимъ изъ вышеприведенныхъ мнѣній и открыли на мѣстѣ теперешней Одессы новую греческую колонію, носившую наименование „Гавани Исааковъ“ ⁶⁾.

Всѣ эти ученыя догадки и гипотезы археологовъ очевидно не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для историка современной Одессы. Существовала ли, или не существовала древне-эллинская колонія на мѣстѣ теперешней Одессы, носила ли она то или другое наименование, — это вопросъ сомнительный и во всякомъ случаѣ трудно разрѣшимый, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что колонія эта, судя по вещественнымъ останкамъ, найденнымъ на ея мѣстѣ, была крайне незначительна, что она исчезла безслѣдно и что между нею и Одессою теперешнею не можетъ быть установлено никакой связи. Иное дѣло — позднѣйшее поселеніе, Хаджибей, исторія котораго находится въ непосредственной и преемственной связи съ исторіею Одессы. Происхожденіе и судьба этого поселка ни коимъ образомъ не можетъ быть обойдена молчаніемъ историкомъ Одессы. Хаджибей — это возрожденная Одесса, это колыбель теперешняго города.

Первоначальная исторія Хаджибeya никогда не можетъ быть уяснена съ полною достовѣрностью. Объ основаніи поселка, о его первоначальной судьбѣ, сохранились лишь одни легендарныя сказанія. Если вѣрить польскимъ писателямъ, то Хаджибей или Кацюбей ⁷⁾ обязанъ своимъ происхожденiemъ литовскому шляхтичу Кацюбѣ-Якушинскому. Этотъ шляхтичъ, владѣвшій мѣстечкомъ Якушинымъ, на рѣкѣ Бугѣ, человѣкъ, очевидно, предпримчивый, воспользовался тѣмъ моментомъ, когда великий князь Ольгердъ выгналъ татаръ изъ Подоліи и достигъ, преслѣдуя ихъ, замка Монкастро, расположенного на Овидіевомъ озерѣ, теперешнемъ Днѣстровскомъ лиманѣ. Кацюба облюбовалъ себѣ во время этого похода мѣстечко надъ моремъ и построилъ здѣсь свой хуторъ, выселивъ въ него нѣсколькихъ крестьянъ изъ Якушина. Не придавая особенного значенія этому сказанію, мы склонны скорѣе думать, что вся эта исторія придумана впослѣдствіи, чтобы объяснить самое

название Качубея или Кацюбя. Не проще ли предположить, что Кацюбей былъ построенъ татарами и что литовцы только отняли у нихъ это мѣстечко и поселились въ немъ, привлекаемые близостью соленыхъ озеръ, а также возможностью производить отсюда каботажный торгъ съ Генуэзскою колониєю, Каффою. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнию, что въ началѣ XV-го вѣка Кацюбей находился въ рукахъ литовско-польскихъ князей. Сохранилось вполнѣ достовѣрное извѣстіе, что въ 1413 году польскій король Владиславъ отправилъ изъ Кацюбeya нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ въ осажденный турками Константинополь⁸⁾). Утверждаютъ далѣе, что потомки литовскаго основателя Кацюбeya отправляли въ Константинополь хлѣбъ даже въ XVI стол. при королѣ Стефанѣ Баториѣ. Это послѣднее извѣстіе впрочемъ мало вѣроятно, такъ какъ изъ договора польскаго короля Сигизмунда Августа съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ, заключенного въ 1540 г., оказывается, что Кацюбей, или какъ начинаютъ называть его съ этихъ поръ, Хаджибей, принадлежалъ уже тогда татарамъ. Изъ этого договора видно между прочимъ, что польские и литовские купцы прїѣзжали въ тѣ времена въ Хаджибей за солью, что они платили за нее установленную пошлину и что ханъ обязался защищать польскихъ подданныхъ и вознаграждать ихъ за тѣ убытки и обиды, которыя могутъ быть нанесены имъ въ Хаджибей⁹⁾.

Когда именно Хаджибей перешелъ подъ власть татаръ, а за ними и турокъ, въ точности неизвѣстно. Трудно также сказать, существовало ли здѣсь въ XVII и началѣ XVIII столѣтия какое нибудь укрѣпленіе, или же Хаджибей былъ открытымъ приморскимъ мѣстечкомъ, откуда отправлялись въ Турцию не только сырья хозяйственныхъ произведеній, но даже и христіанскіе невольники. Въ 1764 г. въ Хаджибѣ построена была турецкая крѣпость, получившая новое, чисто турецкое название Ени-Дуня¹⁰⁾). Слово крѣпость не должно, впрочемъ, вводить настъ въ данномъ случаѣ, въ заблужденіе. По свидѣтельству очевидцевъ, Хаджибейская твердыня не отличалась ни особенно значительными размѣрами, ни грознымъ вооруженіемъ и заслуживала скорѣе всего название форта или замка. Она была построена на возвышенномъ, поросшемъ мелкимъ кустарникомъ берегу и отдѣлялась довольно глубокою балкою отъ прилегающей мѣстности. Самая крѣпость имѣла

форму неправильного четырехугольника, окруженнаго землянымъ валомъ. Въ самой серединѣ четырехугольника находился домъ паши, незатѣмъ и небольшое зданіе, не болѣе шести саженей въ длину и четырехъ въ ширину. Въ сторонѣ отъ дома устроена была глубокая мина для храненія пороха. По угламъ крѣпости стояли въ мирное время четыре орудія; кроме того, имѣлось въ запасѣ еще восемь пушекъ, тогда какъ весь гарнизонъ состоялъ изъ 300 человѣкъ. Между крѣпостью, занимавшею крайнюю сѣверо-западную часть теперешняго Николаевскаго бульвара и началомъ теперешней Ришельевской улицы, ютилось небольшое татарское селеніе. Оно состояло изъ небольшихъ, плохо выстроенныхъ изъ мѣстнаго камня землянокъ, покрываемыхъ на зиму войлоками. Центромъ селенія, или лучше сказать мѣстомъ сборища, какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для прїѣзжихъ, служила кофейня, находившаяся на мѣстѣ теперешняго дома Меля, содержимая какимъ-то предпримчивымъ грекомъ. Нѣсколько далѣе, между теперешнею Екатерининскою улицею и Греческимъ базаромъ, находилось мусульманское кладбище. На мѣстѣ теперешняго карантиннаго зданія возвышалась одинокая башня съ маякомъ. Неподалеко отъ нея построены были амбары для склада прованта, доставляемаго для Хаджибейскаго гарнизона изъ Очакова, Аккермана и Измаила. Тутъ же производилась и погрузка товаровъ на суда, преимущественно пшеницы и кожъ¹¹⁾.

Жизнь въ тогдашнемъ Хаджибѣ отличалась очевидно тревожнымъ, полукочевымъ характеромъ. Жалкое татарское населеніе было вѣчно на сторожѣ отъ нападеній запорожцевъ и ногайскихъ кочевниковъ. Жители держали всегда на готовѣ повозки и лошадей и при малѣйшемъ признакѣ опасности бросали свои землянки и спѣшили скрыться въ степи. Особенно жутко становилось въ Хаджибѣ зимою, когда ни одно судно не рѣшалось войти въ бухту, совершенно открытую для сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и западныхъ вѣтровъ. Хаджибей оказался въ это суровое время года совершенно отрѣзаннымъ отъ всего остальнаго міра. Судоходство возобновлялось только съ наступлениемъ теплой, лѣтней погоды, но и въ это время года торговое движеніе въ Хаджибѣ не отличалось особынмъ оживленіемъ. Немногие шкиперы, отваживавшіеся посѣщать негостепріимные берега Чернаго моря, особенно неохотно заїѣзжали въ Хаджибей. Опасаясь внезапныхъ штурмовъ

и столь же внезапныхъ нападеній разбойниковъ, они старались покончить, какъ можно скорѣе, свои дѣла въ Хаджибѣѣ и убраться по добру по здорову изъ непріютнаго и опаснаго мѣста.

Понятно, что татарское населеніе, гнѣздившееся подъ защитою турецкаго замка, не могло существовать отъ той жалкой торговли, которая производилась въ Хаджибѣѣ. Оно должно было искать другихъ источниковъ жизни и его главнымъ занятіемъ было скотоводство. Хаджибейские татары занимались этимъ промысломъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ и держали огромные табуны лошадей, рогатаго скота, овецъ и значительное количество верблюдовъ. Какъ велики были ихъ стада видно изъ того, что въ 1769 году запорожскіе казаки, напавъ на Хаджибѣѣ, захватили въ его окрестностяхъ 20.000 лошадей, 1.000 штукъ рогатаго скота, 4.000 овецъ и 180 верблюдовъ¹²⁾.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что татары составляли единственное населеніе Хаджибѣѧ; на ряду съ ними уже съ давнихъ временъ начали появляться здѣсь русскіе поселенцы. Поселенцы эти приходили изъ польской и русской Украины и даже изъ Великороссіи. Въ большинствѣ случаевъ, это были бѣглые и бродяги, люди, которые покидали свою родину, спасаясь отъ невыносимаго панскаго гнета, отъ тягостей баршины и рекрутчины, отъ религіозныхъ преслѣдований. Приливъ русскихъ поселенцевъ усилился еще болѣе, когда раззорена была запорожская сѣчь и когда старые сыны вольной сѣчи, не желавшие подчиняться новымъ порядкамъ, разбрелись въ разныя стороны. Въ 1775 году цѣлая партія такихъ удальцовъ явилась подъ Хаджибѣемъ и съ разрѣшенія турецкаго паши поселилась частью на Пересыпи, частью по балкамъ, впадающимъ въ Хаджибейскій лиманъ, тамъ гдѣ теперь Нерубайскіе и Усатовы хутора¹³⁾. Въ большинствѣ случаевъ русскіе поселенцы избѣгали поселяться въ самомъ Хаджибѣѣ, а селились хуторами въ окрестностяхъ города. Здѣсь могли они располагать какимъ угодно количествомъ земли, заниматься привычнымъ для нихъ хлѣбопашествомъ и жить свободно, вдали отъ всякаго гнета и притѣсненія. Эти земледѣльческія колоніи представляли собою единственный вполнѣ осѣдлый и прочный контингентъ Хаджибейскихъ жителей. Все остальное населеніе Хаджибѣѧ могло считаться скорѣе временнымъ, нежели постояннымъ. Рабочіе, стекавшіеся сюда изъ

сосѣднихъ мѣсть на заработки во время навигаціи, расходились при наступлѣніи зимы. Даже немногія греческія семейства, промышлявшія въ Хаджибѣѣ торговлею и иными промыслами, думали лишь о томъ, какъ-бы нажиться поскорѣе и распрощаться затѣмъ навсегда съ Хаджибѣемъ, гдѣ жизнь сопряжена была съ такими неудобствами и лишеніями, и гдѣ ежедневно и ежечасно можно было подвергнуться большой опасности.

Завоеваніе Хаджибѣѧ русскимъ отрядомъ подъ командою вице-адмирала де-Рибаса, послѣдовавшее 14-го Сентября 1789 года¹⁴⁾ не произвело на первыхъ порахъ особенно большихъ перемѣнъ въ характерѣ и условіяхъ Хаджибейской жизни. Едва только окончился штурмъ турецкаго замка, какъ уже завоеватели вступили въ мирныя и дружественные отношенія къ жителямъ. О грабежѣ, пожарахъ и рѣзни не было и рѣчи. Де-Рибасъ и его офицеры уже на пятый день послѣ штурма отправились въ единственную хаджибейскую кофейню, содержащую грекомъ Симономъ Аспориди, они пили здѣсь кофе и расплатились щедро съ хозяиномъ золотыми червонцами. Изъ этого факта видно, что порядокъ въ завоеванномъ городѣ возстановленъ былъ очень скоро и что обычная жизнь Хаджибѣѧ не замедлила вступить въ свои права¹⁵⁾.

Штурмъ Хаджибѣѧ отнюдь не принадлежалъ къ числу выдающихся событий второй турецкой войны и взятие ничтожнаго турецкаго замка прошло совершенно незамѣтно для современниковъ. Существуетъ, правда, сказаніе, что вскорѣ послѣ взятія Хаджибѣѧ, князь Потемкинъ получилъ отъ г. Левашева, бывшаго Россійскаго повѣренного въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, чрезвычайно важное сообщеніе, указывавшее на тѣ громадныя выгоды, которыя можно извлечь изъ Хаджибѣѧ, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ превращенъ въ торговую пристань¹⁶⁾. Въ этомъ сообщеніи, Левашевъ ссылался на свидѣтельство Елисаветградскаго купца, Петра Сенковскаго, который самъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ производилъ торговлю Россійскими товарами изъ Елисаветграда въ Константинополь чрезъ пристань Хаджибѣѧ, находящуюся на Черномъ морѣ. Левашевъ представилъ даже Потемкину планъ пристани Хаджибѣѧ, и его проектъ встрѣченъ былъ княземъ съ большимъ сочувствіемъ. Трудно сказать, на сколько достовѣрно все это сказаніе, но во всякомъ случаѣ Потемкинъ не успѣлъ сдѣлать ничего для Хаджибѣѧ, такъ какъ онъ умеръ еще до окончанія войны.

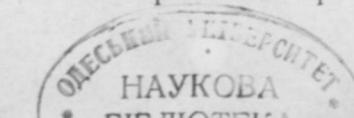
Послѣ заключенія Ясскаго мира, Правительство обратило, наконецъ, вниманіе и на Хаджибей. Объ устройствѣ въ немъ торгового порта не было, впрочемъ, на первыхъ порахъ и рѣчи. Хаджибесмъ думали воспользоваться для совершенно иной цѣли, въ немъ проектировали поселить моряковъ, преимущественно грековъ, служившихъ на флотѣ въ Средиземномъ морѣ. Объ этомъ предположеніи правительства мы узнаемъ совершенно случайно изъ донесенія Екатеринославскаго губернатора В. Каховскаго Императрицѣ Екатеринѣ II отъ 5-го Мая 1792 г. Каховскій, получивъ Высочайший указъ, повелѣвавшій ему обозрѣть вновь присоединенную страну, раздѣлить ону на уѣзды, назначить города по способности и представить о томъ свое мнѣніе съ планами, осмотрѣль между прочимъ Хаджибей и писаль о немъ слѣдующее въ своемъ донесеніи: „Аджибей, назначенный Ва-шимъ Императорскимъ Величествомъ для обитанія служившихъ въ Средиземномъ морѣ на флотилии, лежитъ на возвышенномъ и пріятномъ мѣстѣ. Вода въ колодцахъ прѣсная и хорошая. Изъ вершины одной долины можно провести фонтанъ до полувозвы-шения, на коемъ полагается быть городу“¹⁷⁾.

Въ Хаджибѣѣ предполагалось устроить, такимъ образомъ, мирную колонію для отставныхъ моряковъ, но этотъ проектъ былъ въ скоромъ времени оставленъ, и вмѣсто него порѣшено было въ 1793 г. включить Хаджибей въ III-ю оборонительную или Днѣстровскую линію и воздвигнуть здѣсь крѣпость. Днѣстровская линія должна была прикрывать новую русскую границу со стороны Бессарабіи и въ составѣ ея должны были входить три крѣпости: Тираспольская, Овидіопольская и Хаджибейская. Строителями крѣпостей назначены были вице-адмираль де-Рибасъ и инженеръ полковникъ де-Воланъ. Хаджибейская крѣпость проектирована была де-Воланомъ. По его мнѣнію, изложенному въ рапортѣ, представленномъ сенату, „Хаджибейскій заливъ спра-ведливо считался весьма важнымъ пунктомъ еще у турокъ, какъ вразумленіи гидрографическаго своего положенія, такъ и отно-сительно комуникаціи сухимъ путемъ съ нижнимъ Днѣстромъ, а черезъ Аджидеръ (Овидіополь), съ Аккерманомъ. Пунктъ сей надлежало уважить въ составленіи оборонительной системы, учреждаемой вслѣдствіе нового рубежа. Непріятельскому флоту заливъ сей служилъ мѣстомъ убѣжища и пристанища; завла-дѣніе онымъ крайней было важности. Сие то подало поводъ къ Высочайшему повелѣнію построить въ самоскорѣйшемъ временіи

крѣпость для 2000 человѣкъ гарнизона на 120 орудій различнаго калибра и расположить ону такимъ образомъ, чтобы рейда и удобное къ высадкѣ мѣсто наилѣгательнѣйшую имѣли оборону“¹⁸⁾.

Къ постройкѣ крѣпости приступили немедленно - же. Ежедневно работали 800 солдатъ и уже къ концу 1793 года земляные верки были окончены работою. Хаджибей превращался въ чисто военный городъ. Въ слѣдующемъ 1794 году прибыли въ новую крѣпость два мушкетерскіе и два grenadierскіе полка. Въ жалкомъ татарскомъ мѣстечкѣ закипѣла шумная лагерная жизнь. Войска внесли въ Хаджибей первыя начала гражданственности. Вмѣстѣ съ ними прибыли православные священники, устроилась первая церковь и началось христіанскоѣ богослуженіе. Съ войсками же явились полко-вые лекаря и фельдшера и открыть былъ первый лазаретъ. Бригадный командиръ Киселевъ учредилъ при своемъ штабѣ почтовую экспедицію для разсылки писемъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Наконецъ между нижними чинами четырехъ полковъ оказалось не малое количество ремесленниковъ вся-кого рода, а это было неслыханною культурною новостью въ варварскомъ Хаджибѣѣ¹⁹⁾.

Военный элементъ рѣшительно началъ владычествовать въ городѣ. Помимо военныхъ въ Хаджибѣѣ не было въ это время другихъ властей. Къ несчастію, эти власти не всегда отличались справедливостью и бдительностью и что всего хуже не особенно заботились о поддержаніи дисциплины въ самихъ войскахъ. Насилія надъ мирными жителями были явленіями самыми обыкновенными и совершились нерѣдко среди бѣлага дня. Сами начальники подавали своимъ подчиненнымъ примѣръ самого возмутительного и ничѣмъ неоправдываемаго самоуправства. Въ лѣтнєе время воинскіе начальники захватывали удобныя для сѣнокосовъ мѣста и колодези, изъ которыхъ пользовались водою жители, и силою не допускали обывателей косить траву и брать воду²⁰⁾. На сосѣднихъ хуторахъ совершились отдѣльными шайками мародеровъ настоящіе грабежи и насилия. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что офицеры, сержанты, нижніе чины и полковые фельдшера отправлялись вооруженные на хутора въ Татарской балкѣ, захватывали живущихъ тамъ жен-щинъ и дѣвицъ и увозили ихъ съ собой въ Хаджибей. Противъ такого насилия несчастные хуторяне были совершенно безза-щитны. Они пробовали преслѣдовать похитителей, но ихъ

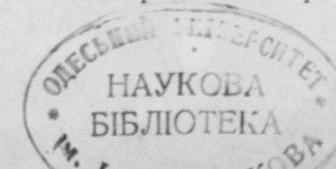
Послѣ заключенія Ясскаго мира, Правительство обратило, наконецъ, вниманіе и на Хаджибей. Объ устройствѣ въ немъ торгового порта не было, впрочемъ, на первыхъ порахъ и рѣчи. Хаджибеемъ думали воспользоваться для совершенно иной цѣли, въ немъ проектировали поселить моряковъ, преимущественно грековъ, служившихъ на флотѣ въ Средиземномъ морѣ. Объ этомъ предположеніи правительства мы узнаемъ совершенно случайно изъ донесенія Екатеринославскаго губернатора В. Каховскаго Императрицѣ Екатеринѣ II отъ 5-го Мая 1792 г. Каховскій, получивъ Высочайший указъ, повелѣвавшій ему обозрѣть вновь присоединенную страну, раздѣлить ону на уѣзды, назначить города по способности и представить о томъ свое мнѣніе съ планами, осмотрѣль между прочимъ Хаджибей и писаль о немъ слѣдующее въ своемъ донесеніи: „Аджибей, назначенный Ва-шимъ Императорскимъ Величествомъ для обитанія служившихъ въ Средиземномъ морѣ на флотиліи, лежитъ на возвышенномъ и пріятномъ мѣстѣ. Вода въ колодцахъ прѣсная и хорошая. Изъ вершины одной долины можно провести фонтанъ до полуувышенія, на коемъ полагается быть городу“¹⁷⁾.

Въ Хаджибѣ предполагалось устроить, такимъ образомъ, мирную колонію для отставныхъ моряковъ, но этотъ проектъ былъ въ скоромъ времени оставленъ, и вмѣсто него порѣшено было въ 1793 г. включить Хаджибей въ III-ю оборонительную или Днѣстровскую линію и воздвигнуть здѣсь крѣпость. Днѣстровская линія должна была прикрывать новую русскую границу со стороны Бессарабіи и въ составѣ ея должны были входить три крѣпости: Тираспольская, Овидіопольская и Хаджибейская. Строителями крѣпостей назначены были вице-адмираль де-Рибасъ и инженеръ полковникъ де-Воланъ. Хаджибейская крѣпость проектирована была де-Воланомъ. По его мнѣнію, изложенному въ рапортѣ, представленномъ сенату, „Хаджибейскій заливъ спра-ведливо считался весьма важнымъ пунктомъ еще у турокъ, какъ вразумленіи гидрографическаго своего положенія, такъ и отно-сительно комуникаціи сухимъ путемъ съ нижнимъ Днѣстромъ, а черезъ Аджидеръ (Овидіополь), съ Аккерманомъ. Пунктъ сей надлежало уважить въ составленіи оборонительной системы, учреждаемой вслѣдствіе нового рубежа. Непріятельскому флоту заливъ сей служилъ мѣстомъ убѣжища и пристанища; завла-дѣніе онымъ крайней было важности. Сие то подало поводъ къ Высочайшему повелѣнію построить въ самоскорѣйшемъ времени

крѣпость для 2000 человѣкъ гарнизона на 120 орудій различнаго калибра и расположить ону такимъ образомъ, чтобы рейда и удобное къ высадкѣ мѣсто находилось наилѣгательнѣйшую имѣли оборону“¹⁸⁾.

Къ постройкѣ крѣпости приступили немедленно - же. Ежедневно работали 800 солдатъ и уже къ концу 1793 года земляные верки были окончены работою. Хаджибей превращался въ чисто военный городъ. Въ слѣдующемъ 1794 году прибыли въ новую крѣпость два мушкательскіе и два гренадерскіе полка. Въ жалкомъ татарскомъ мѣстечкѣ закипѣла шумная лагерная жизнь. Войска внесли въ Хаджибей первыя начала гражданственности. Вмѣстѣ съ ними прибыли православные священники, устроилась первая церковь и началось христіанскоѣ богослуженіе. Съ войсками же явились полковые лекаря и фельдшера и открыть былъ первый лазаретъ. Бригадный командиръ Киселевъ учредилъ при своемъ штабѣ почтовую экспедицію для разсылки писемъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Наконецъ между нижними чинами четырехъ полковъ оказалось не малое количество ремесленниковъ вся-кого рода, а это было неслыханною культурною новостью въ варварскомъ Хаджибѣ¹⁹⁾.

Военный элементъ рѣшительно началъ владычествовать въ городѣ. Помимо военныхъ въ Хаджибѣ не было въ это время другихъ властей. Къ несчастію, эти власти не всегда отличались справедливостью и бдительностью и что всего хуже не особенно заботились о поддержаніи дисциплины въ самихъ войскахъ. Насилія надъ мирными жителями были явленіями самыми обыкновенными и совершались нерѣдко среди бѣлага дня. Сами начальники подавали своимъ подчиненнымъ примѣръ самого возмутительнаго и ничѣмъ неоправдываемаго самоуправства. Въ лѣтнее время воинскіе начальники захватывали удобныя для сѣнокосовъ мѣста и колодези, изъ которыхъ пользовались водою жители, и силою не допускали обывателей косить траву и брать воду²⁰⁾. На сосѣднихъ хуторахъ совершались отдѣльными шайками мародеровъ настоящіе грабежи и насилия. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что офицеры, сержанты, нижніе чины и полковые фельдшера отправлялись вооруженные на хутора въ Татарской балкѣ, захватывали живущихъ тамъ женщины и дѣвицы и увозили ихъ съ собой въ Хаджибей. Противъ такого насилия несчастные хуторяне были совершенно беззащитны. Они пробовали преслѣдоватъ похитителей, но ихъ

684610

прогоняли ружейными выстрелами. Они обращались съ жалобами къ начальству, но похитители оправдывались тѣмъ, что хуторяне живутъ съ не вѣнчанными женами, или же тѣмъ что у нихъ вѣнчаютъ бѣглые попы и растряги. Въ довершение бѣды, оказывалось въ концѣ концовъ, что похищенные женщины сами отказывались возвращаться къ своимъ прежнимъ сожителямъ и предпочитали оставаться у своихъ похитителей ²¹⁾.

Такъ жилось въ Хаджибѣ военнымъ чинамъ и простымъ смертнымъ, когда въ судьбѣ города произошелъ новый и на этотъ разъ рѣшительный поворотъ. Уже съ 1792 г. стояль на очереди вопросъ объ устройствѣ военнаго, а при немъ и торговаго порта на Черномъ морѣ. Въ прежнее время предполагалось устроить такой портъ въ Херсонѣ, затѣмъ остановились на Николаевѣ, но мѣстныя неудобства и прежде всего мелководіе и продолжительная замерзаемость рѣкъ Днѣпра и Буга заставили отказаться отъ этой мысли. Послѣ Яссскаго мира, когда Россія пріобрѣла, наконецъ, страну между Днѣпромъ и Бугомъ, вопросъ объ устройствѣ порта вступилъ въ новую фазу. Вице-Адмиралъ Мордвиновъ и Херсонское адмиралтейство предлагали построить военную гавань въ Очаковѣ или Кинбурнѣ, но де-Рибасъ, поддерживаемый своимъ вѣрнымъ сотрудникомъ де-Воланомъ, выступилъ съ предложениемъ за Хаджибей ²²⁾. Не трудно было доказать, что на сторонѣ Хаджибeya находятся самая существенная преимущества, и прежде всего удобство и дешевизна. Постройка порта въ Очаковѣ или Кинбурнѣ потребовала бы громадныхъ затратъ и колоссальныхъ искусственныхъ сооруженій и въ концѣ концовъ все таки не могла бы принести ожидаемой пользы. И тамъ, и тамъ приходилось бы бороться съ мелководіемъ, устраивать выходные каналы для судовъ, и тамъ, и тамъ море замерзало на довольно продолжительное время и запирало бы слѣдовательно наши флоты на цѣлые мѣсяцы. Ничего подобнаго не было и не могло быть въ Хаджибѣ. „Доброта его рейды“, писалъ де-Воланъ, весьма значительная глубина и качество грунта доставляли всѣ условия, необходимыя для безопаснай стоянки судовъ. Льды не могутъ причинить тамъ ни малѣйшаго вреда. Судоходство можетъ происходить въ теченіе всего года при всевозможныхъ вѣтрахъ. Пунктъ сей представляеть въ тоже время удобство подкрепленія и убѣжища дѣйствующимъ флотамъ въ военное время и гавань для торговли порубежныхъ съ Днѣстромъ

провинцій, Подоліи, Волыни и Галиції²³⁾. Для сооруженія военнаго порта въ Хаджибѣ вовсе не требовалось ни морскихъ каналоў, ни какихъ либо иныхъ, дорого стояющихъ, сооруженій. Тутъ необходимо было устроить лишь защиту отъ западныхъ, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, а для этого было вполнѣ достаточно построить моль, на образецъ существующихъ моловъ въ Неаполѣ, Ливорно и Анконѣ ²⁴⁾.

Мнѣніе де-Волана и де-Рибаса было настолько основательно, что Императрица согласилась съ нимъ, и уже 27-го Мая 1794 года послѣдовали Высочайше рескрипты объ устроеніи города и порта въ Хаджибѣ, одинъ на имя вице-адмирала де-Рибаса, другой на имя графа Зубова, Таврическаго и Херсонскаго генераль-губернатора ²⁵⁾. Въ обоихъ рескриптахъ Императрица объявляла, что принимая во вниманіе выгодное положеніе Хаджибeya на Черномъ морѣ и сопряженная съ онимъ пользы, она признала нужнымъ устроить тамъ военную гавань купно съ купеческою. Устроеніе гавани Императрица возлагала на вице-адмирала де-Рибаса, придавъ ему въ пособіе инженернаго полковника де-Волана. Къ работамъ, кои должны были происходить подъ надзоромъ графа Суворова Рымникскаго, которому поручено было строеніе всѣхъ крѣпостей въ Новороссіи, предписывалось приступить немедленно-же. На первыя нужды де-Рибасу разрѣшалось употребить тѣ 26,000 рублей, которыя остались въ его распоряженіи изъ суммы, отпущенной ему на наемъ для флота вольныхъ греческихъ матросовъ. Для постройки гавани ему разрѣшалось сверхъ того воспользоваться тѣми материальами, которые заготовлены были въ Очаковѣ для постройки блокфорта, для перевозки же материала ему дано было позволеніе брать суда изъ гребнаго флота, равно какъ и брать на работы людей, служащихъ на этой флотилии. Рескриптъ де-Рибасу оканчивался слѣдующими словами: „Мы надѣемся, что вы не токмо приведете въ исполненіе сie благое предположеніе наше, но что, вѣдая, колико процвѣтающая торговля споспѣшествуетъ благоденствию народному и обогащению государства, потщитесь, дабы созидаемый вами городъ представляль торгующимъ не токмо безопасное отъ непогодъ пристанище, но защиту, ободреніе, покровительство и, словомъ, всѣ зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія; чрезъ что, безъ сомнѣнія, какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтѣтъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени“.

Почти всѣ историки Одессы придавали большое значение этимъ заключительнымъ словамъ рескрипта. Они видѣли въ нихъ выраженіе твердаго намѣренія создать въ Одессѣ большой торговыи портъ и считали своимъ долгомъ приходить въ умиленіе и восторгъ, какъ отъ прозорливости Императрицы, умѣвшей оцѣнить значеніе одесской мѣстности, такъ и отъ ея способности предвидѣть будущее. Намъ кажется, что слова рескрипта выражаютъ вполнѣ правильный и высокопросвѣщенный взглядъ на значеніе торговли, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобныя же слова встрѣчаются и во многихъ другихъ правительственныхъ распоряженіяхъ той эпохи, касающихся основанія и строенія городовъ²⁵⁾. Изъ рескрипта де-Рибасу видно, несомнѣнно, что въ Хаджибѣ предполагалось устроить прежде всего военный портъ, въ которомъ должна была имѣть свое постоянное пребываніе наша черноморская флотилія; съ этимъ главнымъ дѣломъ, такъ сказать, между прочимъ думали воспользоваться новымъ портомъ и для цѣлей торговыхъ, отнюдь не ставя ихъ на первомъ планѣ. Ни Императрица Екатерина, ни лица, стоявшія близко къ ней, не имѣли никакого точнаго личнаго представленія о Хаджибѣ и его мѣстныхъ условіяхъ; они судили о томъ и другомъ на основаніи отзывовъ, представленныхъ де-Рибасомъ и де-Воланомъ, а въ этихъ отзывахъ указывалось прежде всего на военное и стратегическое значеніе Хаджибeya, о выгодахъ-же торговыхъ говорилось лишь между прочимъ. Точно также и въ рескрипте: и въ немъ говорится прежде и болѣе всего о портѣ военному и лишь между прочимъ упомянуто о покровительствѣ торговли и о сооруженіи гавани торговой.

Рескриптъ 27-го Мая 1794 года, повелѣвавшій быть въ Хаджибѣ городу, военному порту и коммерческой гавани, произвелъ, по словамъ извѣстнаго историка Новороссійскаго края А. Скальковскаго, сильное впечатлѣніе на верховнаго іерарха православной церкви въ Новороссії, преосвященнаго Гавріила, митрополита Екатеринославскаго и Таврическаго. „Узнавъ, говоритъ А. Скальковскій, о намѣреніи Императрицы устроить христіанскій православный городъ на вновь завоеванномъ мусульманскомъ берегу, Гавріиль прибылъ въ Хаджибей 29-го Іюня 1794 года, для присутствованія при столь важномъ празднику.

22-е число Августа было избрано для сего торжества. Митрополитъ, въ сопровождении своего духовенства, въ присутствіи вице-адмирала, морскихъ и военныхъ чиновъ, чиновниковъ, присланныхъ отъ губернатора Хорвата изъ Екатеринослава, и 2-хъ или 3-хъ турецкихъ торговыи кораблей, стоявшихъ на рейдѣ,— положилъ первые основные камни для храмовъ Божіихъ: во имя св. Николая, св. Екатерины и др., и провелъ первую бразду для фундаментовъ городскихъ строеній. Такимъ образомъ этотъ достопамятный день 22 Августа былъ первымъ днемъ жизни города Одессы"²⁶⁾.

Разсказъ Скальковскаго былъ принятъ на вѣру послѣдовавшими бытописателями города Одессы и что всего важнѣе, онъ получилъ официальное подтвержденіе. 22-е Августа было формально признано днемъ основанія Одессы и празднованіе этого дня совершається, какъ извѣстно, и понынѣ. А между тѣмъ разсказъ Скальковскаго возбуждаетъ уже на первый взглядъ самыя серьезныя сомнѣнія. Во-первыхъ, онъ не подтверждается никакими современными свидѣтельствами ни официального, ни частнаго характера; во-вторыхъ, онъ страдаетъ очевидными несобытностями. Скальковскій имѣетъ весьма похвальное обыкновеніе подтверждать всѣ сколько нибудь выдающіяся данныя своей книги ссылкою на свои источники, преимущественно на документы официальные; только для этого своего разсказа онъ дѣлаетъ отступленіе отъ своего обычая и ни единимъ словомъ не упоминаетъ о своемъ источнике.

Въ виду этого обстоятельства, невольно рождается мысль, что почтенный историкъ не имѣлъ въ данномъ случаѣ подъ собою документальной почвы и что источникомъ для его разсказа послужило, по всей вѣроятности, какое нибудь устное преданіе. Преданіе это очевидно страдаетъ нѣкоторыми несообразностями. Возникаетъ вопросъ, почему преосвященный Гавріиль придавалъ именно такое значеніе основанію военнаго и купеческаго порта въ Хаджибѣ и почему онъ счелъ нужнымъ пріѣхать въ Одессу чуть ни за два мѣсяца до дня, назначенного для торжественнаго празднованія этого событія? Спрашивается далѣе, что могъ дѣлать въ теченіи этого долгаго времени преосвященный Гавріиль въ Хаджибѣ, въ мѣстечкѣ, гдѣ невозможно было найти ни одного сколько нибудь удобнаго помѣщенія для владыки и сопровождавшаго его духовенства, гдѣ не было ни одного православнаго храма, за исключеніемъ

походной военной церкви²⁷⁾? Неужели же владыка долженъ былъ сидѣть въ Хаджибѣѣ цѣлыхъ два мѣсяца только для того, чтобы дождаться прибытія чиновниковъ, присланныхъ изъ Екатеринослава губернаторомъ Хорватомъ? Для чего днемъ торжества избранъ былъ день 22-го Августа, а не какой нибудь другой? Вѣдь сколько извѣстно съ этимъ днемъ не соединялось въ то время никакихъ особенныхъ воспоминаній или чествованій, имѣвшихъ отношеніе или къ городу Хаджибѣю, или къ его основателямъ? Наконецъ, о какой первой браздѣ для фундаментовъ городскихъ строеній говорить г. Скальковскій? Сколько намъ извѣстно, проведеніе такой бразды не практиковалось при основаніи городовъ въ эпоху Екатерины. Къ тому же въ данномъ случаѣ, дѣло вовсе не шло объ основаніи города, вѣдь городъ уже существовалъ, существовали, слѣдовательно, и городскія постройки.

Приведенные нами соображенія могутъ совершенно поколебать достовѣрность преданія, занесенного г. Скальковскимъ въ лѣтописи Одессы, но изслѣдованія, опубликованныя въ послѣднее время профессоромъ В. А. Яковлевымъ и архивная изысканія г. Орлова отнимаютъ у этого преданія и послѣднюю тѣнь вѣроятности. У Скальковскаго мы читаемъ, что Гаврій положилъ первые основные камни для храмовъ Божіихъ во имя св. Николая, св. Екатерины и другихъ 22-го Августа 1794 года, а изслѣдованія гг. Орлова и Яковлева²⁸⁾, основанная на точныхъ, документальныхъ свидѣтельствахъ, убѣждаютъ насъ, что первыя церкви возникли въ Одессѣ только въ 1795, а не въ 1794 г. Этого мало. В. А. Яковлевъ приводитъ документальная данная, изъ которыхъ оказывается, что вице-адмиралъ де-Рибасъ только 25-го Іюля 1795 г. уведомилъ преосвященнаго Гавріла, что по Высочайшему повелѣнію, вновь (?) созидаются г. Одесса, причемъ просилъ, чтобы владыка благословилъ основать и церковь съ опредѣленіемъ къ ней Нижегородскаго полка священника Евдокима Сергеева съ діакономъ и прочими церковно-служителями. Независимо отъ этого свидѣтельства, ясно доказывающаго, что митрополитъ Гаврій никоимъ образомъ не могъ торжественно залѣзать первые храмы въ Одессѣ 22-го Августа 1794 года, такъ какъ о самомъ созданіи города Одессы онъ узналъ лишь 25-го Іюля 1795 г., г. Яковлевъ упоминаетъ еще, что въ музѣѣ Одесского Общества Исторіи и Древностей находится плита

положенная въ основание церкви св. Александра Невскаго, изъ надписи на коей оказывается, что храмъ сей основанъ былъ въ 1795 г. 15-го Ноября²⁹⁾.

Въ виду такихъ положительныхъ доказательствъ, — волею или неволею, — приходиться примириться съ мыслью, что въ 1794 г. въ Хаджибѣѣ не происходило никакой торжественной закладки нового города, и что день 22-го Августа, который привыкли праздновать съ такою помпой Одесситы, имѣеть лишь то значеніе, что въ этотъ день окончены были заготовленія материаловъ для юртовыхъ построекъ и приступлено къ самымъ работамъ, при чмъ на сколько можемъ судить изъ офиціальныхъ документовъ, не происходило никакого торжества.

На сооруженіе порта и адміралтейства, на постройку казармъ и магазиновъ ассигнованы были правительствомъ весьма значительныя суммы, всего 1.993,625 руб., причемъ было постановлено, что суммы эти должны быть распределены на пять лѣтъ³⁰⁾. Основываясь на ордерахъ де-Рибаса, дошедшихъ до насъ въ большомъ количествѣ, историки г. Одессы утверждаютъ, что работы по сооруженію порта и другихъ построекъ, производились весьма дѣятельно и что де-Рибасъ имѣть обо всемъ неусыпное попеченіе. Документальная данная о расходованіи ассигнованныхъ суммъ бросаются, однако же, нѣсколько странный свѣтъ на эту дѣятельность и на это неусыпное попеченіе. Оказывается, что на строеніе порта въ 1794 г. израсходовано было всего 38,900 р., тогда какъ въ 1795 г. вмѣсто ассигнованныхъ 712,000 р. издержано было всего 87,579 р.³¹⁾. Очевидно, что по тѣмъ или другимъ причинамъ постройки подвигались крайне медленно и еще въ 1799 г. Одесский портъ существовалъ болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности и не представлялъ ни защиты, ни удобствъ для приходящихъ судовъ.

На адмирала де-Рибаса возложена была въ сущности довольно сложная задача. Ему не только приходилось строить портъ и возводить различные казенные постройки, но и устраивать самый городъ, разбивать землю на участки и раздавать ихъ, по своему усмотрѣнію, обывателямъ, заботиться о привлечении новыхъ поселенцевъ, заводить гороѣское управление, устраивать полицию, сооружать церкви, строить дома для переселенцевъ, торговые ряды и лавки, разводить сады, однимъ словомъ дѣлать вся и все въ вновь-заводимомъ городѣ.

Де-Рибасъ, повидимому, былъ созданъ и подготовленъ самою судьбою для такой разнообразной и кипучей дѣятельности. Иной вопросъ, — на сколько онъ былъ способенъ именно для роли градостроителя и администратора. Природный испанецъ, Донъ-Іозе де-Рибасъ и де-Бойнсъ, происходилъ по отцу отъ знатнаго испанскаго рода, по матери отъ ирландской фамиліи Плункетовъ. Онъ родился въ Неаполѣ, куда переселился его отецъ изъ Испаніи въ 1749 г. и уже 17 лѣтъ отъ роду поступилъ на службу въ неаполитанскія войска. Въ 1769 г. де-Рибасъ предпринялъ поѣздку въ Ирландію по семейнымъ дѣламъ и на обратномъ пути въ Неаполь познакомился въ Ливорно съ чесменскимъ героемъ, графомъ Орловымъ. Съ этого момента начинается для де-Рибаса новая жизнь, полная самыхъ необычайныхъ приключений и метаморфозъ. Впервые де-Рибасъ заявляетъ свою ловкость въ дѣлѣ, хотя и крайне искаженномъ пылкою фантазіею позднѣйшихъ историковъ-романистовъ, но во всякомъ случаѣ крайне щекотливомъ и не совсѣмъ чистомъ: въ дѣлѣ похищенія злополучной княжны Таракановой. Вмѣстѣ съ Орловымъ де-Рибасъ отправился затѣмъ въ Петербургъ и пріобрѣтаетъ здѣсь прокткцію знаменитаго Бецкаго, на дочери котораго онъ впослѣдствіи женился. Въ Россіи де-Рибасъ пробуетъ сначала свои силы на педагогическомъ поприщѣ. Вѣроятно, по рекомендациіи Бецкаго онъ занимаетъ мѣсто воспитателя у молодаго графа Бобринскаго и вмѣстѣ съ своимъ питомцемъ предпринимаетъ путешествіе по разнымъ странамъ Европы. Трудно сказать, каковы были результаты воспитательской дѣятельности де-Рибаса, вѣроятно, не вполнѣ удовлетворительные, такъ какъ самъ Бобринскій возненавидѣлъ де-Рибаса и называлъ его своимъ злымъ геніемъ. По возвращеніи въ Петербургъ де-Рибасъ опять таки, по протекціи Бецкаго, получаетъ мѣсто цензора въ кадетскомъ корпусѣ. Эта скромная дѣятельность не удовлетворяла, однако же, пылкой натуры де-Рибаса и очевидно не соотвѣтствовала ни его талантамъ, ни склонностямъ. Онъ искалъ и жаждалъ совсѣмъ иного. Его привлекало все необычайное и таинственное. Онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ масонскими ложами въ Москвѣ, вступилъ въ переписку съ рыцарями мальтийскаго ордена и въ 1779 г. самъ сдѣлался членомъ этого рыцарскаго братства. Болѣе всего де-Рибаса привлекала, однако же, военная карьера. Онъ старался обра-

тить на себя вниманіе всесильнаго Потемкина и съ этою цѣлью отправилъ князю составленный имъ проектъ объ улучшениіи и преобразованіи флота. Проектъ достигъ своей цѣли: де-Рибасъ былъ вызванъ въ дѣйствующую армію, хотя, по какой то странной случайности, ему предоставленъ былъ въ командование ни военный корабль, а карабинерный полкъ. Теперь только попалъ, наконецъ, де-Рибасъ на настоящую дорогу. Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе во второй Турецкой войнѣ и заявляетъ себя цѣлымъ рядомъ подвиговъ на суше и на морѣ. Его распорядительность, находчивость и отвага пріобрѣтаютъ ему имя въ средѣ выдающихся военныхъ героевъ. Онъ беретъ штурмомъ Хаджибей и двѣ турецкія крѣпости на нижнемъ Дунаѣ, Тульчу и Исакчу. Командуя то сухопутными, то морскими экспедиціями, онъ съ одинаковымъ успѣхомъ громитъ турокъ то на суше, то на морѣ. Онъ беретъ на себя самая отчаянная порученія и съ честью выходитъ изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній. Вдвоемъ съ своимъ братомъ Андреемъ, пріѣхавшимъ вслѣдъ за нимъ въ Россію, онъ отправляется на маленькой лодкѣ для рекогносировки турецкихъ крѣпостей на Дунаѣ, высматриваетъ и разузнаетъ все и представляетъ самая точная свѣдѣнія главнокомандующему. Въ Измаильской компаніи онъ принимаетъ самое выдающееся участіе и является правою рукою знаменитаго Суворова. Онъ командуетъ рѣчною флотилею и болѣе кого либо другого способствуетъ взятию грозной крѣпости. Въ рѣшительный день штурма онъ покрываетъ себя славою и одинъ изъ первыхъ со шпагою въ рукахъ врывается въ Измаиль. Въ битвѣ при Матчинѣ, рѣшившей судьбы всей войны, де-Рибасъ предпринимаетъ атаку на турокъ во главѣ кавалерійскаго полка и тѣмъ рѣшаетъ побѣдносный исходъ сраженія. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ, мы встрѣчаемъ его уже въ роли дипломата и видимъ его имя въ числѣ лицъ, подписавшихъ Яссскій мирный договоръ. По окончаніи войны де-Рибасу поручаются строеніе крѣпостей, а затѣмъ на него возлагается постройка Хаджибейскаго города и порта³²⁾.

Теперь спрашивается, какъ держалъ себя де-Рибасъ на этомъ новомъ для него поприщѣ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ построеніи порта адмираль имѣлъ превосходнаго помощника въ лицѣ инженера де-Волана и что главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежала, слѣдовательно, не ему. Тоже са-

мое слѣдуетъ замѣтить и относительно построенія одесской крѣпости. И здѣсь главное дѣло совершалось помимо де-Рибаса, какъ видно это изъ рескрипта Императрицы Екатерины, гдѣ прямо говорится о де-Воланѣ, какъ о лицѣ, „котораго неутомимою дѣятельностью и расторопнотью всѣ производимыя работы и строенія приводятся въ исполненіе съ желаемымъ успѣхомъ“^{33).}

Справедливость требуетъ впрочемъ замѣтить, что на де-Рибасѣ, помимо строенія порта и крѣпости, лежала масса другихъ хлопотъ по устройству города. Заботясь о возможно скрѣйщемъ преобразованіи мѣстечка Хаджибей въ городъ, высшее правительство довольствовалось, какъ обыкновенно, изданиемъ множества указовъ и распоряженій, предоставляемыхъ осуществленіе мѣстному начальству. Для привлечения жителей въ новый городъ, опубликованы были обычныя въ такихъ случаяхъ привилегіи: увольненіе на десять лѣтъ отъ податей и военныхъ постоевъ, вспомоществованіе отъ казны въ видѣ ссуды на первое обзаведеніе, разрѣшеніе сектантамъ совершать свободно богослуженіе и строить свои церкви и монастыри. Для города вѣльно было отмежевывать 30,000 десятинъ удобной земли, мѣстнымъ же властямъ было предписано принять всѣ мѣры, какъ для скорѣйшаго привлечения поселенцевъ, такъ и для раздѣла городской земли на участки.

Это важное дѣло особенно озабочивало де-Рибаса. Адмираль возложилъ отводъ мѣсть частнымъ лицамъ подъ постройки на „учрежденную имъ экспедицію строенія города“ и предоставилъ ей право выдавать открытые листы на вѣчное владѣніе участками. Изъ журнала этой экспедиціи оказывается, что въ 1794 году городъ раздѣлялся на два форштадта: военный и греческий. Военный форштадтъ раздѣлялся на 52 квартала и заключалъ въ себѣ 560 участковъ; въ греческомъ форштадтѣ числилось 65 кварталовъ и 720 участковъ. Раздача участковъ началась съ того, что де-Рибасъ взялъ себѣ два квартала—I и 5 въ военномъ форштадтѣ и, желая подать примѣръ обывателямъ, немедленно же приступилъ къ постройкѣ дома на Польской улицѣ. Примѣру адмирала послѣдовали прежде всего непосредственно подчиненные ему военные и гражданские чиновники. Изъ вольныхъ поселенцевъ получили на первый разъ участки очень немногие, въ томъ числѣ четыре русскихъ купца изъ Харькова, Елисаветграда и Оrlа, одинъ мѣстный обыватель купецъ Михайловъ, нѣсколько иностранцевъ, преимущественно грековъ, и нѣсколько польскихъ помѣщиковъ и шляхтичей^{34).}

Уже этотъ первый опытъ ясно показалъ, какъ трудно было разсчитывать на привлеченіе поселенцевъ изъ внутреннихъ областей Россіи. Волею или неволею приходилось остановиться на мысли — создать изъ Хаджибэя пріютъ „для единовѣрныхъ намъ народовъ, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ, преимущественно же грековъ“. Для де-Рибаса, какъ для одного изъ героевъ войны, предпринятой для осуществленія греческаго проекта, мысль эта должна была казаться и особенно заманчивою и наиболѣе легко осуществимою. Быть можетъ, въ связи съ этой мыслью у адмирала родилось и предположеніе: дать устраиваемому имъ городу новое название Одессы. Высказывая это мнѣніе, мы, впрочемъ, вовсе не думаемъ выдавать его за сколько нибудь положительный фактъ. Не подлежитъ сомнѣнію лишь то обстоятельство, что обычный разсказъ о переименованіи Хаджибэя въ Одессу Академіею наукъ относится также къ области легендъ^{35).} Замѣчательно, что ни въ Полномъ собраниіи законовъ, ни въ архивныхъ документахъ не найдено пока никакихъ указаний на переименованіе Хаджибэя въ Одессу. Правда, въ 9-мъ томѣ справочнаго энциклопедическаго словаря, изданнаго Старчевскимъ (1854 г.), говорится, что Хаджибей названъ Одессою, по указу 27-го Января 1795 года, въ память древне-эллинскаго селенія Ордиссосъ или Одиссосъ, находившагося, какъ полагаютъ, недалеко отъ Хаджибэя, но указъ этотъ по сию пору не найденъ,—и самая дата его подлежитъ большому сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что Хаджибей называется Одессою уже въ заглавіи Высочайше утвержденного 10 Января 1795 года штата запаснаго солянаго магазина. Изъ этого документальнаго свидѣтельства ясно, что переименованіе Хаджибэя въ Одессу состоялось даже ранѣе 10-го Января 1795 года. Что же касается даты 27-го Января 1795 года, то этого числа, дѣйствительно, подписанъ былъ указъ объ учрежденіи Вознесенской губерніи, въ составъ которой должны были входить 12 окружныхъ и 7 приписныхъ городовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ, т. е. приписныхъ городовъ, въ указѣ 27-го Января упоминается и городъ Одесса, татарами Гаджибей именованный, „приписанный къ Тираспольскому округу“^{36).}

Изслѣдователь не находитъ, такимъ образомъ, въ документахъ отвѣта на вопросъ: когда и по чьему предложенію послѣдовало официальное переименованіе Хаджибэя въ Одессу. За отсутствиемъ точныхъ данныхъ, пытались прибѣгнуть къ легенду

и гипотезѣ. Разсказывали, что на придворномъ балѣ 6-го Января 1795 года Императрицѣ Екатеринѣ II предложили (?) переименовать Хаджибей въ память древняго эллинскаго селенія Одиссостъ, находившагося вблизи этого мѣста, на что Императрица отвѣчала: „Пусть же Хаджибей носить древне-эллинское название, но въ женскомъ родѣ — Одесса“ ³⁷⁾. Наконецъ, пущено было въ ходъ сказаніе, что имя Одессы дано было Хаджибею по предложенію Академіи наукъ.

Мы не беремся опровергать ни одного изъ приведенныхъ сказаний, но полагаемъ съ своей стороны, что дѣло могло происходить и совершенно иначе, и что мысль о переименованіи Хаджибая въ Одессу могла прійти прежде всѣхъ адмиралу де-Рибасу и прійти именно въ то самое время, когда онъ представилъ графу Зубову мнѣніе о поселеніи въ Хаджибѣи и его окрестностяхъ тѣхъ грековъ и албанцевъ, которые ревностно служили Россіи въ послѣднюю турецкую войну, и по заключеніи мира вынуждены были навсегда покинуть свою родину. Число этихъ переселенцевъ доходило до трехсотъ душъ; многіе изъ нихъ были лично извѣстны де-Рибасу и онъ находилъ вполнѣ лесообразнымъ не только поселить ихъ въ Хаджибѣи, но и надѣлить ихъ нѣкоторыми правами и преимуществами. Возможно, что для привлечения грековъ вообще де-Рибасъ предлагалъ тогда же окрестить Хаджибей греческимъ именемъ Одессы.

Какъ бы то ни было, но не только графъ Зубовъ, но и само правительство вполнѣ согласилось съ предложеніями де-Рибаса. Уже 19-го Апрѣля 1795 года послѣдовали три указа: 1) о поселеніи въ окрестностяхъ Одессы грековъ и албанцевъ, служившихъ Россіи въ послѣднюю войну въ архипелагѣ; 2) о вызовѣ въ Одессу изъ архипелага и изъ другихъ заграничныхъ мѣстъ городскихъ переселенцевъ, и 3) объ учрежденіи изъ грековъ и албанцевъ трехъ-ротнаго дивизіона изъ 330 человѣкъ низкихъ чиновъ. Для поселенцевъ въ окрестностяхъ Одессы повелѣно было отвести до 15,000 десятинъ удобной земли при берегахъ моря, отпустить имъ единовременно безъ возврата 10,000 рублей на постройку домовъ и 500 рублей на сооруженіе небольшой церкви и ассигновать сверхъ того 20,000 рублей на хозяйственное обзаведеніе, съ возвратомъ этой суммы, по истеченіи десяти лѣтъ, въ трехгодичный срокъ. Для поселенцевъ, вызываемыхъ въ Одессу изъ архипелага и иныхъ заграничныхъ мѣстъ, приказано было построить на первый разъ три

большихъ дома, стоимостью каждый въ 1500 рублей и пятьдесятъ малыхъ, стоимостью по 350 рублей. Въ пособіе переселенцамъ и на перѣездъ назначена была особая сумма; въ томъ случаѣ, если число переселенцевъ дойдетъ до 50 семей, повѣльно было соорудить для нихъ церковь и на сей предметъ ассигновано 2000 рублей безъ возврата. Всѣ переселенцы освобождены были на десять лѣтъ отъ всякихъ податей и службъ. Для защиты ихъ правъ и интересовъ, учреждена была особая должность попечителя, на обязанность коего возложено было и приглашеніе новыхъ греческихъ колонистовъ въ Одессу ³⁸⁾.

Такія распоряженія правительства ясно указывали на его намѣреніе превратить Одессу въ греческую колонію и де-Рибасъ спѣшилъ привести, какъ можно скорѣе, въ исполненіе этотъ новый „проектъ“. Прежде всего онъ сформировалъ изъ наличныхъ грековъ и албанцевъ „греческій дивизіонъ“ и назначилъ его командиромъ секундъ-маіора Константина Бицилли. Одновременно съ этимъ де-Рибасъ учредилъ для завѣдыванія дѣлами греческихъ поселенцевъ особую „комміссию для грековъ и албанцевъ“. Въ высшей степени важная и отвѣтственная должность попечителя возложена была на природнаго грека Афанасія Кесоглу, причемъ ему присвоенъ былъ чинъ подполковника и Высочайше дарована, въ видѣ особаго монаршаго благоволенія, золотая медаль ³⁹⁾. Для поддержанія порядка и благочинія въ городѣ, организована была градская поліція и первымъ поліцій-майстеромъ назначенъ былъ секундъ-маіоръ Гр. Ст. Кирьяковъ. Въ Іюль мѣсяцѣ 1795 г. объявлена была въ Одессѣ первая народная перепись, причемъ адмиралъ де-Рибасъ приглашалъ обывателей особымъ открытымъ листомъ „сказывать о себѣ по существѣ справедливости и удостовѣряль всѣхъ и каждого, чтобы они безбоязненно приписывались въ Одессѣ, ожидая непремѣнно всѣхъ выгодъ, какія только можно ему будетъ испросить у престола Всемилостивѣшней Государыни“. Какъ на одну изъ таковыхъ выгодъ и какъ на новую милость Императрицы, жители Одессы должны были смотрѣть на указъ 14-го Ноября 1795 года, повелѣвавшій установить въ г. Одессѣ магистратъ по штату, утвержденному для григоріопольскаго магистрата, и отнести въ вѣдѣніе его, кромѣ свойственныхъ ему судебныхъ дѣлъ, также дѣла до поселенія единовѣрныхъ народовъ касающіяся. Любопытно, что главнымъ мотивомъ къ учрежденію магистрата послужила, какъ видно это изъ всеподданнѣйшаго доклада графа Зубова, крайняя

необходимость въ особомъ присутственномъ мѣстѣ, для разбирательства дѣлъ тѣхъ изъ поселенцевъ, кои не состояли въ военной службѣ. Уже въ самомъ началѣ 1796 года назначены были выборы градского головы и членовъ магистрата. Въ качествѣ избирателей выступили 150 одесскихъ гражданъ. Городскимъ головою избранъ былъ купецъ Андрей Желѣзновъ; бургомиストрами: Иванъ Тимошенко и Феодоръ Флаганти; словесными судьями: Иванъ Семеновъ и еврей Маирка Эльмовичъ, а ста-ростою Иванъ Недорословъ. 14-го Января 1796 года магистратъ открылъ свои засѣданія въ домѣ городского головы; на канцелярскіе расходы ему было отпущено на первую январскую треть 196 рублей ассигнациями ⁴⁰⁾.

На ряду съ судебнно-административною дѣятельностью магистрата продолжалась неутомимая работа представителей высшей администраціи. Просматривая нѣкоторыя изъ распоряженій этихъ администраторовъ, можно подумать, что тогдашняя Одесса была уже многолюднымъ, шумнымъ и оживленнымъ городомъ. Къ такому заключенію можно, напримѣръ, прійти, читая указы и ордера: то о запрещеніи вывоза пшеницы за границу, то о разрѣшении вывоза, обѣ открытіи биржи по ходатайству иностранныхъ купцовъ, о началѣ въ Одесѣ публичныхъ увеселеній: зрелицъ и маскерадовъ, то, наконецъ, указъ обѣ учрежденіи цензуры, главнымъ образомъ, для привозимыхъ изъ за границы книгъ ⁴¹⁾.

По бумагамъ все состояло, такимъ образомъ, благополучно, все прогрессировало въ тогдашней Одесѣ: но къ несчастью, все это благополучіе и процвѣтаніе существовало болѣе въ воображеніи ретивыхъ администраторовъ, нежели въ дѣятельности. Одесса временъ Екатерины II, т. е. въ первые годы своего существованія влачила почти столь же жалкое существованіе, какъ и ея предшественникъ, татарскій поселокъ Хаджибей, не смотря на то что высшіе и низшіе администраторы писали обѣ ней такъ много указовъ и ордеровъ и производили надъ нею самые удивительные эксперименты, превращая ее въ теченіе какихъ нибудь двухъ, трехъ лѣтъ то въ прибрѣжище для матросовъ гребной флотиліи, то въ военную крѣпость, то въ приморскій военный и, между прочимъ, торговый портъ, то, наконецъ, въ пріютъ для единовѣрныхъ народовъ, изнывающихъ подъ турецкимъ игомъ.

Чтобы составить себѣ наглядное понятіе о тогдашней Одесѣ, необходимо ознакомиться прежде всего съ результатами пере-

писи, произведенной де-Рибасомъ въ концѣ 1795 г. По этой переписи, произведенной, разумѣется, поверхностно и съ большими неточностями, оказалось въ городѣ 2,349 душъ жителей обоего пола, за исключеніемъ дворянъ, служащихъ чиновниковъ и военныхъ. Самую видную часть населенія составляли бѣглые помѣщики крестьяне, записавшіеся при переписи въ мѣщане, число ихъ доходило до 566 душъ обоего пола. За ними слѣдовали казенные крестьяне въ количествѣ 500 душъ. Мѣщанъ, переселившихся изъ разныхъ губерній оказалось 613, евреевъ 240, грековъ разнаго званія 224, купцовъ 146 и болгаръ 60 обоего пола ⁴²⁾.

Такое сравнительно ничтожное населеніе, состоявшее почти исключительно изъ бѣглыхъ и переселенцевъ, по большей части бѣдняковъ, не въ состояніи было, разумѣется, придать Одесѣ какое бы то ни было выдающееся значеніе. Правительство должно было прийти къ нему на помощь и позаботиться прежде всего о свободномъ развитіи торговли, долженствовавшей служить главнымъ источникомъ жизни для населенія. И правительство приходило дѣйствительно на помощь городу, оно ассигновало, по крайней мѣрѣ, огромныя суммы на сооруженіе порта, и щедрою рукою раздавало кромѣ того значительныя суммы на поддержку эмигрантовъ и поселенцевъ, на сооруженіе церквей, общественныхъ и даже частныхъ зданій, принимало, повидимому, и всѣ иные, зависящія отъ него мѣры для поддержанія и развитія города. Къ сожалѣнію, всѣ эти щедрыя ассигнованія и мудрыя, на первый взглядъ, мѣропріятія въ большинствѣ случаевъ не достигали своей цѣли. Мы видѣли, что портовыя сооруженія подвигались впередъ очень медленно и даже въ началѣ XIX столѣтія Одесская бухта не могла еще дать вѣрнаго и удобнаго пристанища для кораблей. Одесская торговля не могла процвѣтать, кромѣ того, и по другимъ причинамъ. Въ городѣ вовсе не было капиталовъ, а практиковавшаяся тогда система запрещенія вывоза въ случаѣ неурожая дѣлала Одессу въ глазахъ иностранцевъ однимъ изъ самыхъ ненадежныхъ и неустойчивыхъ рынковъ. Мѣстная администрація отличалась дѣятельностью и распорядительностью только на бумагѣ; въ дѣятельности, она была неумѣла и крайне недобросовѣстна. Долговременное отсутствіе де-Рибаса изъ Одессы, обусловливаемое то его поездками въ Петербургъ, то въсосѣдніе порты Чернаго моря, его многосложная занятія по управлению флотомъ открывали полный просторъ злоупотребленіямъ всякаго

рода и хищническимъ инстинктамъ второстепенныхъ по имени, но главныхъ на дѣлѣ, мѣстныхъ заправилъ. Съ тѣхъ поръ, какъ правительство порѣшило превратить Одессу въ приютъ для единовѣрныхъ народовъ, главную роль въ городѣ началъ играть попечитель Афанасій Кесоглу, пользовавшійся не только полнымъ довѣріемъ де-Рибаса, но даже и высшаго правительства, а между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ въ высокой степени недобросовѣстный и корыстолюбивый ⁴³⁾). На эмиграцію и на переселенскія дѣла вообще онъ смотрѣлъ какъ на источникъ личнаго обогащенія. Употребивъ весьма значительныя суммы на постройку каменныхъ связей (флигелей) для переселенцевъ, Кесоглу распоряжался этими постройками какъ своею собственностью. Вопреки ордерамъ де-Рибаса, онъ помѣщалъ въ этихъ домахъ не однихъ греческихъ эмигрантовъ, но и другихъ всякаго званія лицъ, стекавшихся въ Одессу изъ Крыма и окрестныхъ городовъ. Съ бѣдными переселенцами греками Кесоглу обращался произвольно и жестоко. По истеченіи головаго срока онъ выгонялъ ихъ изъ казенныхъ квартиръ на улицу и оставлялъ безъ всякаго призора и попеченія. Одни изъ этихъ несчастныхъ скитались по городу, питаясь то поденнымъ заработка, то милостынею и воровствомъ, другіе уѣзжали обратно за границу. Къ началу 1798 года все греческое предмѣстіе совершенно опустѣло; изъ 32 казенныхъ домовъ занято было только четыре, а 14 домовъ пришли въ полное разрушеніе и отъ нихъ уцѣлѣли однѣ лишь стѣны. При расходованіи суммы, отпущенной Правительствомъ на построеніе домовъ и хозяйственное обзаведеніе переселенцевъ, Кесоглу дѣйствовалъ также крайне недобросовѣстно. Вмѣсто положенныхъ по Высочайшему указу 15-го Апрѣля 1795 г. на дѣмъ 350 р. и обзаведеніе 150 руб., показывалъ выданными по 500, 1000 и болѣе рублей и при томъ не однимъ грекамъ и иностранцамъ, но и другимъ всякаго званія людьмъ; вмѣсто же денегъ, большею частью, давалъ казенный лѣсъ, испрашиваемый имъ заимообразно отъ комиссіи, завѣдывавшей работами по строенію Одесскаго порта, котораго и раздалъ на сумму до 7000 рублей, а также рабочіе казенные инструменты, свой собственный матеріаль и товаръ, по всѣмъ этимъ выдачамъ бралъ съ поселенцевъ расписки въ полученіи ими не вещей, а сполна всей денежной ассигнованной суммы, чѣмъ и приводилъ ихъ какъ въ бѣдственное состояніе, такъ и въ невозможность возвратить деньги своеевременно въ казну. При выдачѣ жалованья греческому дивизіону

Кесоглу каждый разъ удерживалъ за собою значительную часть слѣдуемой суммы; при снимаемыхъ имъ подрядахъ по общественнымъ работамъ онъ позволялъ себѣ самыя возмутительныя злоупотребленія, а во время голодовки, наступившей вслѣдствіе неурожая 1794 г., онъ въ буквальномъ смыслѣ слова наживался на счетъ здоровья и жизни обывателей, и устроивъ на казенные деньги пекарню для удешевленія хлѣба, кормилъ этимъ хлѣбомъ собственныхъ рабочихъ, поставляемыхъ имъ для гаваныхъ и крѣпостныхъ работъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крайнюю нужду голодающаго населенія. И всѣ эти вопіющія злоупотребленія и мошенничества Кесоглу оставались безъизвѣстными высшему начальству; до самой своей смерти знаменитый греческий попечитель продолжалъ пользоваться полнымъ довѣріемъ высшихъ властей и темная дѣла его всплыли наружу лишь послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1799 г. ⁴⁴⁾.

Трудно допустить, чтобы Кесоглу составлялъ лишь печальное исключение въ ряду тогдашнихъ администраторовъ и общественныхъ дѣятелей города Одессы, надо думать, наоборотъ, что онъ былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей заправиль того доброго старого времени. Вся Одесса кишѣла тогда большими и малыми Кесоглу, иначе чѣмъ объяснить такія печальные явленія, какъ напримѣръ хотя бы такія: изъ всѣхъ церквей, заложенныхъ въ городѣ въ 1795 г., ни одна не была достроена до конца и въ 1803 г., когда прѣѣхалъ въ Одессу Ришелье, всѣ онѣ лежали въ развалинахъ, не смотря на то, что на сооруженіе храмовъ отпущены были изъ казны весьма солидныя денежныя суммы; переселенцы, на привлеченіе которыхъ въ Одессу затрачено было столько средствъ, находились въ крайне бѣдственномъ положеніи и цѣлыми партіями спасались бѣгствомъ за границу ⁴⁵⁾; торговля находилась въ рукахъ нѣсколькихъ пришлыхъ спекулянтовъ, наѣзжавшихъ въ Одессу на самое короткое время; въ городѣ не было самыхъ необходимыхъ ремесленниковъ, тюрьмы были наполнены людьми, нерѣдко ни въ чемъ не повинными, тогда какъ завѣдомые воры и разбойники пользовались полною свободою.

Печальное положеніе Одессы константировано было официально тотчасъ же послѣ кончины основательницы города, императрицы Екатерины II. Извѣстно, что вступленіе на престолъ императора Павла I обозначало собою полную и рѣзкую

перемѣну во всей правительственной системѣ. Лица, стоявшія при Екатеринѣ II на первомъ планѣ, сошли со сцены, учрежденія, пользовавшіяся особымъ благоволеніемъ императрицы, были заброшены и забыты. На Одесѣ, этомъ созданіи Екатерины и ея любимца графа Зубова, перемѣна правленія должна была отозваться чувствительнымъ образомъ. Генераль-Фельдце-мейстеръ Зубовъ уволенъ былъ отъ должности генераль-губернатора Екатеринославскаго, Вознесенскаго и Таврическаго. Всѣ три означенныя губерніи были упразднены и вмѣсто ихъ образована одна Новороссійская губернія. Начальникомъ ея былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ съ званіемъ Екатеринославскаго военнаго губернатора. Флоты корабельный и гребной, со всѣми ихъ портами, находящимися на Черномъ морѣ, бывши до тѣхъ поръ въ вѣдѣніи генераль-губернатора, велѣно обратить въ распоряженіе адмиралтействъ-коллегіи. Указомъ 26-го Декабря 1796, даннымъ генераль-прокурору, повелѣно: находящуюся въ Вознесенской губерніи комиссію строенія южныхъ крѣпостей и Одесскаго порта упразднить, самыя же строенія, остановивъ, поручить ихъ вѣдомству Черноморскаго адмиралтейства и военнаго тамошняго губернатора, письменныя дѣла, по разсмотрѣніи, распределить, куда слѣдуетъ, а предположенное учрежденіе цензуры отмѣнить⁴⁶⁾,

Въ началѣ 1797 года уволенъ былъ отъ должности вице-адмиралъ де-Рибасъ и мѣсто его занялъ контр-адмиралъ Пустошкинъ. По отъездѣ де-Рибаса закрыта была экспедиція строенія порта и города и получилъ отставку инженер-полковникъ де-Воланъ. Первые строители Одесскаго порта сошли, такимъ образомъ, со сцены и самое ихъ сооруженіе обречено было, повидимому, на забвеніе и уничтоженіе⁴⁷⁾.

Было бы, однако же, несправедливо предполагать, что производя подобныя радикальныя перемѣны, императоръ Павелъ руководился лишь однимъ чувствомъ вражды къ дѣяніямъ своей предшественницы. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ распоряженій императора, напр., соединеніе трехъ Новороссійскихъ губерній въ одну, подчиненіе флота и портовъ адмиралтействъ-коллегіи и упраздненіе комиссіи строенія южныхъ крѣпостей и Одесскаго порта, вызывались прежде всего вполнѣ уважительными соображеніями не только чисто экономического, но и государственного свойства. Императоръ, вѣроятно, находилъ, что огромные расходы, сопряженные съ послѣд-

ними затѣями графа Зубова, въ особенности по сооруженію Одесскаго порта, вовсе не вызываются существенными потребностями и ложатся лишь тяжелымъ бременемъ на государственную казну. Во всякомъ случаѣ, Павелъ относился съ недовѣріемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ объ Одесѣ, которыхъ получались отъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ судьбѣ города и рѣшился поручить собрать точныя свѣдѣнія объ Одесѣ вновь назначенному имъ начальнику Новороссійскаго края. Съ своей стороны генераль-лейтенантъ Бердяевъ поручилъ собрать всѣ свѣдѣнія объ Одесѣ своему довѣренному лицу, совѣтнику Вознесенскаго губернскаго правленія Лореру⁴⁸⁾.

По всѣмъ даннымъ, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, Лореръ отнесся къ возложенному на него порученію вполнѣ добросовѣстно. Свои свѣдѣнія онъ собиралъ преимущественно черезъ посредство Одесскаго магистрата, подвергая ихъ при этомъ личной проверкѣ. Результаты ревизіи были далеко не утѣшительные. Обнаружилось прежде всего, что въ городѣ господствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ полный хаосъ. Масса начальствъ, начиная отъ военнаго и оканчивая городскимъ магистратомъ, взаимно тормозили и мѣшали одно другому. Большинство жителей, состоявшее изъ бѣглыхъ и эмигрантовъ, не принадлежало ни къ какому сословію и ихъ положеніе всецѣло зависѣло отъ произвола разныхъ начальствующихъ лицъ. Греческая колонія и дивизіонъ, на основаніе и поддержаніе коихъ правительство потратило столько средствъ, находились въ самомъ печальному положеніи. Въ числѣ греческихъ поселенцевъ не было ни одного капиталиста; огромное большинство ихъ состояло изъ круглыхъ бѣдняковъ, привлеченныхъ въ Россію единственно надеждами на щедрыя подачки правительства. Греческій дивизіонъ, предназначавшійся исключительно для лицъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней турецкой войнѣ, состоялъ въ дѣйствительности изъ всевозможнаго сброва, изъ людей разнаго званія и націй, въ томъ числѣ изъ малороссіянъ и поляковъ, „совершенно недостойныхъ участовать въ выгодахъ, Высочайше тому дивизіону дарованныхъ“. Козаки Черноморскаго войска, поселившіеся въ Одесѣ въ числѣ 404 человѣкъ, находились въ самомъ неопределеннѣмъ положеніи и употреблялись, по усмотрѣнію начальства, то для службы на гребномъ флотѣ, то для различныхъ казенныхъ работъ. Военные власти въ городѣ допускали всевозможный

произволъ и обиды обывателямъ со стороны воинскихъ чиновъ и не мало не заботились о поддержании дисциплины въ своихъ командахъ. Привозная и вывозная торговля въ Одесскомъ портѣ находилась въ рукахъ немногихъ иностранцевъ и Московскихъ купцовъ, наѣжавшихъ въ Одессу на нѣсколько дней и скучавшихъ весь товаръ, и не приносила обывателямъ и городу никакой пользы^{49).}

Основываясь на результатахъ ревизіи, Бердяевъ ходатайствовалъ о произведении самыхъ существенныхъ перемѣнъ въ существующихъ Одесскихъ порядкахъ и его ходатайство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. 20-го Мая 1797 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) причислить проживающихъ въ Одессѣ грековъ, албанцевъ, болгаръ и прочихъ иностранцевъ въ какое либо, по ихъ желанію, состояніе и учредить для нихъ особый магистратъ на томъ самомъ основаніи, какъ онъ существуетъ въ нѣмецкихъ городахъ Ригѣ и Ревельѣ. 2) Старшинъ и казаковъ войска Черноморскаго, кои уже обзавелись въ Одессѣ домами и хозяйствомъ, оставить тутъ навсегда и изъ войска Черноморскаго исключить. 3) Греческій дивизіонъ совсѣмъ уничтожить и числившихся въ немъ обратить въ то состояніе, кто куда пожелаетъ. 4) Изъ числа беспаспортныхъ бродягъ, оказавшихся по разбору купцами, мѣшанами и другаго званія вольными людьми, оставить въ Одессѣ, причисля ихъ по ихъ званіямъ и состояніямъ. 5) Сохраненіе въ городѣ всякихъ порядка возложить на военнаго коменданта. 6) Полиціймейстеромъ въ городѣ быть бывшаго Черноморскаго гренадерскаго корпуса маіору Кирьякову^{50).}

Ближайшее будущее не замедлило показать, что произведенныя реформы, не смотря на полную цѣлесообразность нѣкоторыхъ изъ нихъ, не въ состояніи были произвести полной радикальной перемѣны въ тогдашихъ Одесскихъ порядкахъ. Не смотря на уничтоженіе греческаго дивизіона и закрытие комиссіи для грековъ и албанцевъ, постыдное и плутовское хозяйствничаніе „попечителя Кесоглу“ продолжалось въ прежнемъ видѣ и съ прежними результатами. Иностранный магистратъ, составленный почти исключительно изъ инородцевъ, преимущественно грековъ, хозяйствничалъ ни сколько не лучше и не хуже магистрата русскаго^{51).} Не смотря на новыя милости правительства, въ томъ числѣ уничтоженіе откупной продажи вина на десять лѣтъ, не смотря на то, что насильственная

смерть избавила, наконецъ, Одессу отъ благодѣтельного попечителя, городъ приходилъ все въ больший и больший упадокъ. Стихійныя бѣдствія, полный неурожай 1799 г. и неизбѣжное послѣдствіе его — голодъ⁵²⁾, землетрясеніе, разрушившее многія постройки, и въ особенности совершенное прекращеніе торговли, вслѣдствіе войны на суше и на морѣ, казалось, должны были нанести Одессѣ послѣдній, смертельный ударъ. Немногіе капиталисты покидали городъ, портъ опустѣлъ совершенно, нужда и унынѣ овладѣли населеніемъ. Наступилъ 1800 годъ и Одесса находилась, повидимому, при послѣднемъ издыханіи.

При такомъ положеніи дѣлъ магистратъ рѣшился прѣбѣгнуть къ послѣднему средству. Исходя отъ вполнѣ основательного убѣжденія, что упадокъ Одесской торговли происходитъ не столько отъ случайныхъ причинъ, сколько отъ того печальнаго положенія, въ коемъ находился Одесский портъ, совершено недостроенный и не способный предохранить суда отъ внезапныхъ штормовъ, черезъ что происходит не малое раззореніе, а со временемъ можетъ прекратиться и распространяющаяся торговля, а отъ сего и поселившіеся въ городѣ народы лишаются своихъ прибытокъ, да и самъ городъ не можетъ достигнуть устройства,—члены магистрата, соболѣзнуя о благѣ общемъ, собравшись въ засѣданіе 9 Января 1800 г.—опредѣлили: къ отвращенію всего того и для приведенія города въ цвѣтущее состояніе, взять всю дѣятельность по постройкѣ гавани на себя; но какъ по новости города, доходы онаго незначительны, то и положили испросить отъ казны Его Императорскаго Величества, въ заимообразъ на 25 лѣтъ, 250,000 руб. и отпуска изготовленныхъ уже на постройку той гавани въ Одессѣ хранящихся казенныхъ материаловъ, съ обязательствомъ, въ случаѣ удовлетворенія ихъ просьбы, кончить постройку непремѣнно по плану, апробованному Его Императорскимъ Величествомъ^{53).} На основаніи такового постановленія магистрата составлено было прошеніе на Высочайшее Имя и отправлено генераль-прокурору Беклемешеву съ убѣдительнейшою просьбою дождѣвать оное Государю Императору и о послѣдующемъ удостоить отвѣтомъ^{54).}

Не возлагая особыхъ надеждъ на заступничество высокопоставленныхъ лицъ, магистратъ обратился съ просьбою къ директору Одесской таможни М. М. Кирьякову, человѣку

опытному, бывалому и энергичному, употребить все свое влияние на поддержание ходатайства. Быть можетъ, по совѣту М. М. Кирьякова, магистратъ въ засѣданіи своемъ 3-го Февраля 1800 г. опредѣлилъ доказать на дѣлѣ и на сколько позволяли это скудныя средства Одессы свое усердіе къ Высочайшему Двору. „Разсуждая, что по открывающемся теперешней весной мореплаванію, должно ожидать скораго прибытія къ здѣшнему порту фруктовъ и во изъявленіе ко двору Его Императорскаго Величества, отъ обывателей сего города вѣрноподданническаго усердія“, такъ гласило магистратское постановленіе, „магистратъ первѣйшій случай находитъ къ посѣщенію таковыми Его Императорскаго Величества, а потому и опредѣлилъ, здѣшнему карантинному начальнику господину надворному совѣтнику Карпову, какъ скоро прибудутъ къ здѣшнему порту апельсинные фрукты, недопущая прежде покупщиковъ къ онымъ, повелѣть привозителямъ, отобравъ самаго лучшаго сорта три тысячи, отпустить на платежный счетъ сего магистрата, которые принявъ, отослать къ Высочайшему двору при особомъ донесеніи, чрезъ нарочного Одесскаго обывателя, бывшаго греческаго дивизіона унтеръ-офицера Георгія Раксамати, по извѣстной его на сей случай исправности“^{54).}

Всеподданѣйшее письмо на Высочайшее имя составлено было въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйший Государь! Вѣрноподанные Вашего Императорскаго Величества въ городѣ Одессѣ поселившіеся обыватели, во изъявленіе охраняемаго въ неусыпной памяти ко всему двору Вашего Императорскаго Величества усердія, возбуждаются смѣлостью ко удостоенію о принятіи, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, изъ первоприбывшихъ къ здѣшнему порту фруктовъ. А по сему предпріятію, сопряженныя въ единомыслии къ тому Одесскаго магистрата присутствующіе, со изъявленною откровенностью, всеподданѣйше къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества симъ преклоняются. Всеподданѣйшіе, бургомистры: Иванъ Дестуни, Евтей Кленовъ; ратсера: Христофоръ Марабуть, Константинъ Аверіанъ Маврокордато, Сильвестръ Дельсасо, Иванъ Константиновъ, Семенъ Андросовъ, Захаръ Николаи, секретарь Мунтиановъ“^{55).}

Нарочный Георгій Раксамати оказался дѣйствительно чловѣкомъ на подобные случаи вполнѣ исправнымъ. Письмо и

апельсины доставлены были въ Петербургъ съ почти невѣроятною быстротою. 8-го Февраля уполномоченный магистрата выѣхалъ изъ Одессы, а уже 26-го Февраля Императоръ Павель подписалъ слѣдующій реескриптъ: „Господинъ Одесскій бургомистръ Дестуни! Присланые ко мнѣ, отъ жителей города Одессы, померанцы я получилъ, и видя, какъ въ присылѣ сей, такъ и въ письмѣ, при оной мнѣ доставленномъ, знаки вашаго и всѣхъ ихъ усердія, изъявляю черезъ сіе вамъ и всѣмъ жителямъ Одесскимъ мое благоволеніе и благодарность, пребывая къ вамъ благосклонный. Павель“^{56).}

Велика и искрѣна была радость Одесскихъ обывателей при полученіи реескрипта. Магистратъ немедленно же разослалъ по городу повѣстку такого содержанія: „Повѣстка города Одессы почтенному обществу. Одесскій магистратъ почтенное Одесское общество симъ извѣщааетъ, что Его Императорское Величество, Всемилостивѣйший Государь и Императоръ Всероссийскій, на посланное отъ магистрата письмо, изъявляющее къ Высочайшему Его Императорскаго Величества Дому отъ всѣхъ сего города жителей откровенную усердность, въ собственноручномъ своемъ адресѣ отъ 26-го Февраля писанномъ, а здѣсь сего мѣсяца марта 13-го числа полученномъ, изъявить соизволилъ Высокомонаршее свое благоволеніе и благодарность всѣмъ сего города жителямъ; которая магистратъ, пріемля со всерадостнымъ тщаніемъ, приглашаетъ благородное гражданство за таковое, къ достознаменитой памяти, монаршее благоволеніе, принести предъ Всевышнимъ Создателемъ, о благоденствіи Его Императорскаго Величества и всего Дома, всеобщія, въ благодарственномъ молебномъ служеніи, молитвы, и для оныхъ прибыть въ соборную Николаевскую церковь, сего 18-го числа марта 1800 года“^{57).}

Одесситы имѣли полное основаніе радоваться и возсылать благодарственные молитвы Создателю. Безмѣрный въ своихъ милостяхъ, какъ иногда и въ своемъ гнѣвѣ, очевидно, глубоко тронутый приношеніемъ бѣдныхъ обывателей ничтожнаго, заброшенного городка, императоръ Павель отнесся съ полною благосклонностью къ ходатайству Одесскаго магистрата отъ 9-го Января. Уже 1-го марта, т. е. ровно черезъ 4 дня по подписаніи благодарственного реескрипта, Государь, снисходя на прошеніе Одесскаго магистрата, повелѣлъ президенту коммерцъ-коллегіи князю Г. П. Гагарину: 1) Отдать магистрату

на отдалку Одесской гавани всѣ материалы, за которые отъ казны уже заплачены деньги; тѣ-же, за кои не заплачены, магистратъ имѣеть купить на свой счетъ. 2) Выдать 250,000 р. изъ экономического государственного банка заемообразно на 14 лѣтъ; за исправность же платежа этой суммы должны отвѣтствовать всѣ купцы города, какъ нынѣ тамъ записавшіеся, такъ и поселяющіеся впередь, каждый за всѣхъ и всѣ за каждого. 3) Продлить льготы, коими пользовался до сего времени городъ, еще на 14 лѣтъ до уплаты долга. 4) За окончаніемъ гавани, въ теченіи четырехъ лѣтъ или скорѣе, имѣть наблюденіе ему, князю Гагарину⁵⁸.

Изложенное Высочайшее повелѣніе князь Гагаринъ сообщилъ М. М. Кирьякову ордеромъ отъ 18-го Марта. Этимъ же ордеромъ онъ предписалъ Кирьякову немедленно-же отправиться въ Одессу, объявить Магистрату о дарованныхъ Монаршихъ милостяхъ; распорядиться затѣмъ начатiemъ работъ, наблюдать за ихъ ходомъ и окончаніемъ, равно какъ и за исправною уплатою капитала, отпущенаго городу. Тотчасъ же по прибытии Кирьякова въ Одессу Магистратъ составилъ комиссию для отстройки Одесской гавани и работы, совершенно оставленныя въ послѣдніе годы, пошли теперь успешно впередь подъ наблюденіемъ Кирьякова⁵⁹.

Только что изложенный эпизодъ долженъ считаться поворотнымъ моментомъ въ исторіи Одессы. Только тенеръ, благодаря ловкой инициативѣ магистрата и великодушному рѣшенію императора Павла I, будущность Одессы была обеспечена. Эпоха экспериментовъ закончилась и Одесса вступила, наконецъ, на тотъ путь, который былъ предначертанъ ей ея географическимъ положеніемъ. Было бы, однако-же, крайне опрометчиво предполагать, что переломъ, совершившійся въ жизни Одессы, не замедлилъ принести въ скорѣйшемъ времени самые блестящіе результаты, что Одесса разомъ превратилась изъ ничтожного, заброшенаго мѣтчечка въ шумный, торговый городъ. Подобныя метаморфозы никогда не совершаются вдругъ, по мановенію волшебного жезла. Для полнаго преобразованія Одессы недостаточно еще было тѣхъ привилегій и милостей, которыя были дарованы ей императоромъ Павломъ I. Необходимъ былъ еще цѣлый рядъ мѣръ со стороны правительства и еще необходимѣе было установление такой системы, которая вызывала бы постоянную самодѣятельность населенія,

которая привлекала бы во вновь возникающій торговый городъ свѣжія силы отовсюду, которая не только предоставляла бы этимъ силамъ необходимый для нихъ просторъ, но и направляла бы въ тоже время ихъ дѣятельность на дѣйствительную пользу какъ самаго города, такъ и прилегающаго къ нему края.

Такая система установлена была въ Одессѣ съ того момента, когда правителемъ города назначенъ былъ, по волѣ императора Александра I-го, лука де-Ришелье, который и явился истиннымъ основателемъ Одессы, виновникомъ ея быстрого, всестороннаго развитія. Существуетъ, правда, мнѣніе, что плодотворная дѣятельность Ришелье была подготовлена во всѣхъ отношеніяхъ его прѣдшественниками, что Одесса еще до прибытія лука была уже цвѣтущимъ торговымъ городомъ. Подобное мнѣніе можетъ быть принимаемо лишь съ большими ограниченіями, и все наше изложеніе сводится къ тому результату, что Одесса оставалась до самаго прибытія герцога ничтожнымъ, едва влакившимъ свое существование городкомъ. Такое наше заключеніе можетъ быть подтверждено официальными документами и несомнѣнными цифровыми данными; тогда какъ мнѣніе противоположное опирается, сколько намъ извѣстно, на источникѣ, во всякомъ случаѣ пристрастномъ и поверхностномъ.

Въ самомъ концѣ XVIII в. въ 1799 г. нѣкто Павелъ Сумароковъ посѣтилъ Одессу и оставилъ описание этого города въ книгѣ, изданной имъ подъ заглавіемъ „Досуги крымскаго судьи“. Описаніе Сумарокова походитъ во всѣхъ отношеніяхъ на крайне напыщенный панегирикъ. Очевидно, что авторъ смотрѣлъ на Одессу крайне пристрастными глазами, что, увлекаясь ложнымъ патріотизмомъ, а быть можетъ и другими, неизвѣстными намъ мотивами, онъ задался цѣлью изобразить Одессу какимъ то чудомъ, созданнымъ въ невѣроятно короткое время. „Явленіе возрожденаго сего города (?)“ приводить автора въ первый-же моментъ „въ чрезмѣрное удивленіе“. „Я проѣжалъ, говорить онъ, мимо огромныхъ каменныхъ зданій, хорошихъ обывательскихъ строеній, широкими правильными улицами и привезенъ былъ, наконецъ, въ обширный домъ князя Волконского. Онъ обнесенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ замокъ, каменными строеніями и отдавался въ нѣмы разныя лицамъ. Возможно ли, разсуждалъ я самъ съ собою, что когда у всѣхъ прочихъ народовъ, для построенія и приведенія въ цвѣтущее состояніе

города потребно цѣлое столѣтіе, а чтобы у Россовъ только три или четыре года на то было достаточно? Не Цирцея-ли силою волшебства его произвела?». Изъ дальнѣйшаго изложенія г. Сумарокова оказывается, что созданіе Одессы произошло въ теченіи всего двухъ лѣтъ и что виновниками этого чуда были не Цирцея и другие волшебники, а адмираль де-Рибасъ и солдаты, находившиеся въ его распоряженіи. „Въ 1793 г.“, говорить авторъ досуговъ, „дано повелѣніе основать на развалинахъ Гаджибей Одессу... Г. Рибасъ, ставшій изъ истребителя Гаджибей образователемъ онаго, приступилъ къ исполненію того великаго предпріятія. До 1795 г. въ немъ (надо думать въ Гаджибѣѣ), кромѣ земляного редута и малозначущихъ построеній, ничего не было сдѣлано. Но потомъ, когда вступивши сюда вновь полки умножили число работниковъ, то успѣхи новозаводимаго града пошли съ чрезмѣрною поспѣшностью; открылись большія зданія, показался величественный портъ, и менѣе двухъ лѣтъ, т. е. въ концѣ 1796 г., городъ, какъ нѣкое чудо, вышедшее изъ земли, явился въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ мы нынѣ его видимъ“⁶⁰⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, чего только не создалъ въ Одессѣ, по словамъ г. Сумарокова, де-Рибасъ? Крымскій судья видѣлъ въ чудесномъ городѣ не только множество каменныхъ домовъ новѣйшаго вкуса, но и замѣтилъ, что всѣ улицы Одессы были покрыты каменными мостовыми. Онъ узналъ, что еще при де-Рибасѣ въ Одессѣ начались хорошия общества, балы, хотѣли заводить театръ (?) и въ странѣ оной, до того пустынной, толпы народа, успѣхами торговли ободренныя, воспѣли свое блаженство⁶¹. Сумароковъ доходитъ, наконецъ, въ своемъ энтузиазмѣ до того, что объявляетъ Одессу первымъ нашимъ портомъ, средоточиемъ всей нашей торговли, надежнымъ для Имперіи сокровищемъ, и предрекаетъ, что со временемъ она можетъ вступить въ со-вмѣстничество съ Петербургомъ^{61).}

Нелѣпыя бредни Сумарокова не заслуживаютъ даже серьезнаго опроверженія и мы упомянули о нихъ лишь потому, что многие изъ историковъ Одессы пытались найти въ нихъ извѣстную долю правды, и что по сию пору не перевелись еще, къ сожалѣнію, господа, цитирующие „досуги Крымскаго судьи“, какъ историческій источникъ. Нечего и говорить, что источники документальнаго свойства представляютъ намъ Одессу начала XIX вѣка совсѣмъ въ иной свѣтѣ, нежели игривыя фантазіи судьи-ту-

риста. О характерѣ Одесского общества, напримѣръ, мы можемъ судить по слѣдующимъ документальнымъ даннымъ, приводимымъ Орловымъ въ его историческомъ очеркѣ Одессы съ 1794 по 1803 г. „Въ описываемое время, говорить Орловъ, общественныхъ увеселительныхъ домовъ въ Одессѣ не существовало, а устраивались гражданами въ своихъ собственныхъ домаахъ публичные собранія, подъ названіемъ маскератовъ и вечеринокъ. Изъ таковыхъ лицъ упоминаются: купцы Степанъ Рожновъ и маляръ Рейзманъ, цесарская подданная еврейка Рухля Давидова и Анна Львова. Въ Январѣ мѣсяца 1800 г. купчиха Рожнова подала магистрату прошеніе, въ коемъ излагала, „что имѣя отъ магистрата свидѣтельство на устройство увеселительныхъ вечеринокъ, она назначила таковую на 1 Января 1800 года и когда съѣхалось уже разнаго званія чиновъ, то съ приказанія полицій-майстера Лесли, частный приставъ, пришедши съ нѣсколькими вооруженными солдатами, увеселеніе запретилъ, а музыкантовъ выгналъ, а между тѣмъ сосѣдкѣ еврейкѣ Рухль позволилъ“⁶²⁾. Къ своему прошенію Рожнова представила реестръ убытоковъ, понесенныхъ ею и просила магистрата о возмѣщеніи ей оныхъ. Реестръ этотъ слѣдующаго содержанія: извощикамъ для развоза пригласительныхъ билетовъ и собраніе танцовщицъ — 3 р. 20 к., нанятой прислугѣ — 2 р., за музыку — 12 р., нагреваніе залъ и покоевъ — на дрова и уголье 1 р. 50 к., свѣчъ на 1 р. 50 к., закусокъ и другихъ съѣстныхъ приготовленій на 5 руб. 20 коп., свареннаго кофе 3 фунта — 3 р. 30 к., шоколаду 2 фун.—2 руб. 50 коп., сливокъ и лимоновъ — 1 р. 20 к., собравшихся лицъ мужскаго пола до 30 человѣкъ, за входъ каждого слѣдовало получить 50 к., итого 15 р., а всего за исключеніемъ купленныхъ напитковъ 47 руб. 40 коп.⁶²⁾

Документъ вполнѣ характерный для тогдашней Одессы! Онъ бросаетъ яркій свѣтъ на тѣ хорошия общества и балы, которые заводились въ Одессѣ 1800 года, онъ даетъ достаточное представление и объ обстановкѣ тогдашней жизни и о способѣ дѣйствія полицейскихъ властей. Веселиться и воспѣвать гимны по поводу своего преуспѣвающаго блаженства было, впрочемъ, не такъ то легко въ тогдашней Одессѣ. Жизнь въ этомъ величественномъ портѣ и шумномъ торговомъ городѣ была крайне неприглядна и бѣдна. Во всемъ городѣ невозможно было найти порядочной квартиры, не могъ найти ее и начальникъ города дюкъ де-Ришелье, вынужденный послѣ долгихъ, тщетныхъ по-

исковъ, нанять себѣ тѣсное помѣщеніе, состоявшее изъ пяти небольшихъ комнатъ. Столъ же тщетно пытался герцогъ найти въ Одессѣ хотя какую нибудь мебель, такъ какъ во всемъ городѣ не было ни одной мебельной лавки и ни одного столяра. Въ концѣ концовъ Ришелье вынужденъ былъ выписать себѣ дюжину стульевъ изъ Херсона. Въ Одессѣ не было вообще ни одного ремесленника, не было даже булочника. Не удивительно, что одною изъ первыхъ просьбъ Ришелье къ министру коммерціи было ходатайство о присылкѣ нѣсколькихъ ремесленниковъ. По докладѣ о томъ Государю и съ воли Его Императорскаго Величества, графъ Н. П. Румянцевъ отправилъ въ Одессу столяра съ двумя или тремя работниками, булочника и слесаря съ однимъ работникомъ при каждомъ изъ нихъ. „Хотя число ихъ и не велико“, писалъ при этомъ Румянцевъ герцогу, „но для необходимыхъ надобностей на первый разъ можетъ быть достаточнымъ. Если они найдутъ свои выгоды въ Одессѣ, то примѣръ ихъ не замедлитъ привести туда и другихъ охотниковъ“⁶³).

Таковъ былъ характеръ и таковы были условия Одесской жизни въ началѣ истекающаго нынѣ столѣтія.

Содержаніе II-й главы.

Императоръ Александръ I и его отношеніе къ Одессѣ.
Магости и льготы.

Раскрытие министру коммерціи и благія намѣренія Александра I по отношенію къ Одессѣ.

Назначеніе дюка де-Ришелье градоначальникомъ г. Одессы. Положеніе Одессы и Новороссіи до прибытія дюка.

Результаты II-ти лѣтней администраціи герцога.

Одесса и Новороссія въ 1802 и въ 1813 г.

Краснорѣчіе цыфъ.

Скромность герцога и чудесная метаморфоза Одессы и Новороссіи.

Истинныя причины успѣховъ Ришелье.

Личные свойства герцога и его отношенія къ Императору Александру I.

Происхожденіе и предки дюка де-Ришелье.

Воспитаніе Ришелье.

Нравы французской знати и женитьба дюка.

Путешествія дюка по Европѣ и ихъ образовательное вліяніе.

Убѣжденія Ришелье: патріотизмъ и роялизмъ.

Отношеніе къ революціи.

Октябрьские ужасы въ Версалі и героизмъ Ришелье.

Новое путешествіе Ришелье въ Германію и Австрію.

Обѣдъ у князя де-Линя и русскій курьеръ.

Ришелье въ главной квартирѣ Потемкина и подъ стѣнами Измаила.

Подвиги Ришелье.

Отзыvъ Екатерины II о Ришелье и ея надежда на герцога.

Ришелье покидаетъ окончательно Францію.

Пріѣздъ въ Петербургъ и ласковый пріемъ Екатерины II.

Французская эмиграція и проектъ военной колоніи на югѣ Россіи

Участіе Ришелье въ революціонной войнѣ.

Второй пріѣздъ дюка въ Петербургъ.

Павелъ I и его отношеніе къ Ришелье.

Бѣдственное положеніе герцога.
Отношеніе Ришелье къ Александру I.
Попытка возвращенія во Францію.
Новая разлука съ родиною и семьею.
Водвореніе въ Россіи.
Назначеніе въ Одессу.
Причины, побудившія герцога принять мѣсто градоначальника въ Одесѣ.
Учрежденіе должности градоначальника въ Одесѣ.
Полномочія, данные Ришелье, и порученія, возложенные на него.
Впечатлѣніе, произведенное въ Одесѣ назначеніемъ герцога; опасенія и надежды.
Прибытие герцога въ Одессу и первые шаги.
Визитъ въ тюрьму.
Образъ жизни герцога въ Одесѣ.
Квартира и домашняя обстановка.
Рабочій день герцога.
Просители и адвокаты.
Подчиненные герцога.
Его канцелярія.
Герцогъ на улицахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ судѣ и магистратѣ.
Кипучая дѣятельность.
Праздничные дни герцога.
Развлеченіе и отдыхъ.
Экономическая идея Ришелье.
Идея разумной свободы.
Система *laissez faire, laissez passer*.
Торговля, сельское хозяйство, земледѣліе, скотоводство, винодѣліе.
Ришелье — врагъ монополіи.
Довѣріе Императора Александра I къ Ришелье.
Мѣры для поощренія одесской торговли.
Льготы и ассигнованія.
Водвореніе общественной безопасности въ Одесѣ.
Городское благоустройство.
Назначеніе Ришелье Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ.
Мнимое пристрастіе Ришелье къ Одесѣ.
Взглядъ Ришелье на значеніе Одессы для Новороссійского края.
Торговая политика Ришелье.
Уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ.
Заботы Ришелье о привлечении иностранцевъ въ Одессу и Новороссію.
Учрежденіе коммерческаго суда.
Организація городскаго управления.
Одесса — европейскій городъ.
Ришелье и иностранцы.
Одескія торговые фирмы.

Первый толчокъ къ поднятію Одессы былъ поданъ, какъ мы видѣли, милостивыми рескриптами Императора Павла I. Павелъ I не только даровалъ юному городу необходимыя материальные средства для сооруженія порта, но онъ предоставилъ ему и нечто болѣе цѣнное: возможность собственной свободной инициативы. Будущность Одессы, какъ торгового города и порта, была обеспечена съ того момента, когда сооруженіе гавани было предоставлено городскому управлению и изъято изъ вѣдѣнія случайныхъ и быстро смѣняющихсяъ другъ друга чиновниковъ-администраторовъ. Внезапная кончина Императора Павла I не могла имѣть, однакоже, печальныхъ послѣдствій для Одессы, такъ какъ его преемникомъ на престолѣ явился молодой Александръ I, воспитанный Екатериною II, основательницей города, въ духѣ либеральныхъ и гуманныхъ идей XVIII вѣка. Александръ I принадлежалъ къ числу восторженѣйшихъ поклонниковъ своей царственной бабки. Въ началѣ своего царствованія онъ былъ намѣренъ править Россіею въ духѣ великой Екатерины и неудивительно поэтому, что многія изъ его первыхъ распоряженій направлены были къ возсозданію того, что было отмѣнено или разрушено въ царствование его отца. Такой характеръ правительственной дѣятельности юнаго Императора сказался и по отношенію къ Новороссіи вообще, и къ Одесѣ—въ частности. Павелъ I соединилъ всѣ три Новороссійскія губерніи въ одну; Александръ I вновь раздѣлилъ Новороссію на три губерніи. Павелъ I закрылъ въ Одесѣ магистратъ, учрежденный Екатериною II, на основаніи общаго городового положенія и учредилъ

на его мѣсто иностранный магистратъ, основанный на частномъ оѣтзейскомъ правѣ. Александръ I уже черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія своего на престолъ издалъ 9-го Апрѣля 1801 года указъ „о преобразованіи одесского магистрата по общимъ законамъ и образу мѣстъ управлениія по учрежденію и губерніямъ“. Вслѣдствіе этого указа въ Одессѣ были произведены 16-го Мая новые выборы и иностранный магистратъ закрытъ¹⁾.

Несравненно важнѣе и существеннѣе этихъ чисто формальныхъ преобразованій были для Одессы тѣ распоряженія Императора Александра, которыя обозначали собою возстановленіе льготъ и милостей, дарованныхъ Екатериною II Одессѣ. Указъ 27-го Января 1802 года повелѣвалъ: во-первыхъ, продлить льготу, дарованную городу указомъ 2-го Октября 1795 года, съ десяти на 25 лѣтъ, а отъ военнаго постоя освободить городъ навсегда; во-вторыхъ, возвращать землю, данную Одессѣ при ея основаніи, попрежнему въ пользу города; въ-третьихъ, предписывалъ выдѣлять ежегодно изъ таможенныхъ сборовъ десятую часть для содержанія въ исправности гавани; въ четвертыхъ, подтверждалъ указъ Павла I о предоставлениі городу всѣхъ казенныхъ матеръяловъ, заготовленныхъ для сооруженія порта²⁾.

Всѣ эти мѣры указывали на твердое намѣреніе Александра I закончить, по возможности, дѣло, начатое Екатериною II, т. е. превратить какъ можно скорѣе Одессу въ „важный торговый портъ“, долженствовавшій послужить для сбыта продуктовъ Новороссийскаго края. Что Императоръ Александръ I былъ лично заинтересованъ преуспѣяніемъ Одессы, какъ торгового порта, видно ясно изъ рескрипта на имя министра коммерціи графа Румянцева, въ коемъ государь, возлагая наблюденіе за успѣшнымъ строеніемъ одесской гавани на графа, выражаетъ въ тоже время надежду, что милостивыя воспоможенія, дарованныя Одессѣ, будутъ способствовать къ распространенію торговли того края³⁾). Иной вопросъ — въ какой мѣрѣ оправдались бы эти надежды великодушнаго монарха, если-бы судьба не предоставила въ его распоряженіе такого высокодаровитаго и гуманнаго исполнителя его благихъ преднаречтаний, какъ дюка де-Ришелье, первого градоначальника Одессы, а затѣмъ и намѣстника всего юга Россіи.

Назначеніе герцога де-Ришелье градоначальникомъ Одессы воспослѣдовало, какъ извѣстно, 27-го Января 1803 г., а 26-го Сентября 1814 г.⁴⁾ Ришелье навсегда оставилъ Одессу и Россію,

Управленіе герцога продолжалось, слѣдовательно, около II^{1/2} лѣтъ, и за это сравнительно короткое время онъ успѣлъ пересоздать Одессу и весь Новороссийскій край, достигнуть результатовъ по истинѣ изумительныхъ. Мы уже знаемъ, что такое представляла изъ себя Одесса въ моментъ прїѣзда герцога. По замѣчанію одного изъ очевидцевъ, Черноморская красавица производила тогда впечатлѣніе жалкаго и при томъ отвратительного городишки. Она состояла изъ нѣсколькихъ группъ землянокъ и шалашей и изъ обширныхъ пустырей. Въ сухое время года она закутывалась густыми облаками пыли, въ дождливое — превращалась въ непроходимое болото. Домовъ, заслуживающихъ хотя сколько нибудь это название, насчитывалось до 400, а число жителей колебалось между семью и восемью тысячами. Населеніе отличалось характеромъ крайне подвижнымъ, почти бродячимъ: на половину оно состояло изъ пришлыхъ рабочихъ и прїѣзжихъ торговцевъ. Портовыя сооруженія далеки были отъ окончанія. Торговля и навигація находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Объ общественной безопасности не было и помину. Грабежи и разбои принадлежали къ явленіямъ обычнымъ, повседневнымъ. Городское управлениe находилось въ рукахъ людей крайне недобросовѣстныхъ. Воры и мошенники заправляли общественными дѣлами и наживались на общественный счетъ. Городскіе доходы доходили до 40,000 руб., а расходы достигали до 45,000 руб. Страна, окружавшая Одессу, да и вся Новороссія, представляла дикую, почти безлюдную пустыню. Ея настоящими властелинами были орды полутихъ ногайцевъ, бродившихъ по безпредѣльнымъ степямъ; осѣдлые поселенія, состоявшія почти исключительно изъ бѣглыхъ, попадались крайне рѣдко; проѣздныхъ дорогъ, хотя сколько нибудь удобныхъ, не существовало вовсе; судоходство по рѣкамъ только что зарождалось; всѣ города Новороссіи, не исключая Херсона и Николаева, на сооруженіе которыхъ потрачено было столько силъ и средствъ, на быстрое развитіе которыхъ возлагались такія надежды, влчили такое же жалкое существованіе, какъ и Одесса.

Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ и въ концѣ 1813 года герцогъ Ришелье имѣлъ возможность доносить Государю ниже-слѣдующее: „Одесса и Новороссія вообще сдѣлали за послѣднее короткое время такие успѣхи, подобныхъ которымъ не дѣлала никогда ни одна страна въ мірѣ. Эта обширная страна была еще незадолго передъ симъ пустынею, покинутою вслѣдствіе

завоеванія немногими прежніми своїми обывателями. Теперь населеніе Новороссійскаго края доходитъ до одного миллиона семьсотъ тысячъ душъ; почти все оно, за исключениемъ 100,000 крымскихъ татаръ, состоить частью изъ русскихъ, частью изъ иностранныхъ колонистовъ, поселившихся въ послѣднее время на нашихъ степяхъ. Всѣ города Новороссіи, за исключениемъ нѣкоторыхъ поселеній Крыма, возникли лишь въ недавнее время. Самый выдающійся изъ городовъ края—это Одесса. Въ настоящій моментъ ея населеніе доходитъ до 35,000 человѣкъ, въ теченіе десяти лѣтъ оно увеличилось въ пять разъ. Число домовъ въ городѣ доходитъ теперь до 2,600; постоянно воздвигаются новыя постройки, соперничающія между собою въ прочности и красотѣ. Доходъ съ винного откупа, уступленный правительствомъ городу, достигалъ въ 1803 году до 47,000 рублей, теперь онъ доходитъ до 280,000 руб. Почтовый доходъ равнялся въ 1803 году 11,000 руб., теперь, въ 1813 году, онъ возросъ до 190,000 рублей. Торговый оборотъ всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей равнялся въ 1796 году одному миллиону двумъ стамъ пятидесяти тысячамъ рублей, теперь онъ достигъ до сорока пяти миллионовъ рублей, изъ коихъ большая половина, около 25 миллионовъ, приходится на долю Одессы. Таможенные сборы, приносившіе лѣтъ 15 тому назадъ нѣсколько тысячъ рублей дохода, даютъ теперь ежегодно казнѣ два миллиона. Херсонъ, еще недавно мѣстечко, насчитываетъ теперь 30,000 жителей, и его торговый флотъ состоитъ изъ 200 судовъ различнаго размѣра. На корабельныхъ верфяхъ Херсона строится ежегодно отъ 20 до 30 торговыхъ судовъ; большинство ихъ продается съ большою выгодою въ Константинополь. При Императорѣ Павлѣ весь доходъ казны отъ продажи вина во всей Новороссіи достигалъ до 220,000 рублей, теперь онъ приносить ежегодно 2,800,000 рублей. Соляные перекопскія озера отдавались 13 лѣтъ тому назадъ въ аренду за 200,000 рублей, теперь, въ 1813 году, они дали 2,400,000 рублей чистаго дохода. Кубанская область, безлюдная пустыня лѣтъ 20 тому назадъ, нуждалась, для защиты своихъ предѣловъ отъ набѣговъ черкесовъ, въ 25,000 регулярнаго войска. Въ 1795 году на Кубани поселены были запорожскіе казаки, а въ 1808 году сюда было выселено 25,000 малороссійскихъ казаковъ. Въ настоящее время кубанское казачье войско не только съ успѣхомъ защищаетъ свою страну, не только предпринимаетъ экспедицію въ горы,

но и можетъ, въ случаѣ надобности, доставлять для внѣшней службы отъ пяти до шести полковъ. Крымъ выставляетъ въ настоящій моментъ четыре казачьихъ татарскихъ полка, вполнѣ годныхъ для службы. Бугскіе казаки могутъ выставить три полка. Вся-же Новороссія, помимо рекрутъ, можетъ дать теперь государству для войны внѣшней восемь полковъ, тогда какъ деньгами она уплачиваетъ ежегодно въ казну отъ 15 до 20 миллионовъ. Въ странѣ, принадлежавшей еще такъ недавно номадамъ, остается теперь не болѣе 36,000 ногайскихъ кочевниковъ, но и они уже переходятъ теперь къ жизни осѣдлой. Иностранный колоніи, частью болгарскія, частью нѣмецкія, насчитываютъ теперь въ себѣ отъ 30 до 40 тысячъ населенія; всѣ онѣ находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Населеніе въ краѣ возрастаетъ ежедневно; приливъ колонистовъ, какъ изъ Россіи, такъ и изъ за границы идетъ прогрессивно; количество воздѣлываемой земли, масса капиталовъ и доходовъ возрастаетъ ежегодно въ громадной пропорціи, и все это чудесное возрожденіе страны совершаются само собою, не причиняя казнѣ никакихъ издержекъ. Я не говорю здѣсь о кое-какихъ облегченіяхъ и льготахъ, не стоившихъ правительству ни копѣйки. Спрашивается, какая же другая страна въ мірѣ принесла подобные результаты? Въ заключеніе не могу не коснуться двухъ фактovъ, бросающихъ свѣтъ на прогресс скотоводства въ Новороссіи и промышленности въ Одессѣ. Въ суровую зиму 1812 года погибло въ трехъ Новороссійскаго губерніяхъ 102,000 лошадей, 250,000 штукъ рогатаго скота и одинъ миллионъ овецъ, и эта, на первый взглядъ, страшная потеря не повлекла за собою никакого возвышенія цѣнъ на продукты и прошла почти незамѣченою. Когда я приѣхалъ въ Одессу, въ 1803 году, я долженъ былъ употребить шесть недѣль времени, чтобы добыть себѣ дюжину самыхъ простыхъ стульевъ, и въ заключеніе я вынужденъ былъ выписать ихъ изъ Херсона, а въ 1813 году изъ Одессы вывезено было въ Константинополь мебели на 60 тысячъ рублей, сдѣланной отнюдь не хуже, какъ въ Москвѣ или Петербургѣ⁵⁾.

Цифры, приводимыя Ришеље, констатируютъ, лучше всякихъ краснорѣчивыхъ фразъ, невѣроятно быстрый прогрессъ Новороссіи и Одессы въ теченіе десятилѣтняго управлениія герцога, но онѣ однѣ не даютъ еще вполнѣ яснаго и полнаго представлія о чудесной метаморфозѣ, совершившейся въ городѣ и краѣ за этотъ короткій промежутокъ времени. Въ своемъ крат-

комъ отчетѣ герцогъ умолчалъ о вѣсма многомъ и вѣсма существенномъ, и умолчалъ прежде всего по свойственной ему скромности. Онъ не упомянуль ни единымъ словомъ, что при немъ и благодаря ему Одесса превратилась въ цвѣтущій европейскій городъ изъ жалкаго русско-татарскаго поселенія, что она украсилась массою полезныхъ и красиныхъ зданій, что въ ней возникли не только карантинъ и портовыя сооруженія, но и храмы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, театръ и увеселительныя постройки, низшія и высшія училища, банки и коммерческій судъ, что городъ украсился садами и бульварами, что въ средѣ его организовалось интеллигентное общество, что все населеніе южной Россіи стало смотрѣть на Одессу, какъ на свою возникающую метрополію, что иноземцы всѣхъ званій и профессій начали стремиться сюда, какъ въ новое Эльдорадо, что здѣсь стали искать не одной только наживы, но и чуждыихъ до тѣхъ поръ всему полудикому краю утонченныхъ благъ и наслажденій цивилизациі. И о многомъ другомъ умолчалъ герцогъ въ своемъ краткомъ отчетѣ. Онъ не сказалъ ни слова, что превращеніе Новороссії въ культурную страну съ осѣдлымъ населеніемъ, что организація иностранныхъ колоній и Кубанской области, что возрожденіе Крыма, что возникновеніе рационального хозяйства во всемъ краѣ, что всѣ эти и многія иная культурныя дѣянія были прежде и больше всего дѣломъ рукъ его, прямымъ результатомъ его плодотворной, всесторонней, неутомимой дѣятельности.

Но, спрашивается, какими же способами достигъ герцогъ такихъ изумительныхъ результатовъ и притомъ въ такое невѣроятно короткое время? Быть можетъ, въ его распоряженіи были колоссальная материальная средства; быть можетъ, общія обстоятельства времени и положеніе Россіи способствовали его плодотворной, культурной работѣ на югѣ Россіи? Но изъ словъ самого Ришелье мы знаемъ, что правительство затрачивало въ его время на возрожденіе Новороссії суммы крайне незначительныя, что все обходилось одними привилегіями и льготами, а что касается до обстоятельствъ времени вообще и положенія Россіи въ частности, то кому не извѣстно, что II-ти лѣтнія дѣятельность герцога на югѣ Россіи совпадала съ эпохой непрерывныхъ континентальныхъ и морскихъ войнъ, съ тѣмъ страшно-тяжелымъ временемъ, когда Россія вела не только многолѣтнюю войну съ Турциею, войну, ложившуюся всею своею тяжестью

на Новороссійскій край, но и вынуждена была напрягать всѣ свои силы въ отчаянной борбѣ съ властелиномъ всего европейскаго запада, въ борбѣ за свою независимость и за свое существование.

И такъ, Ришелье совершилъ свою великую, культурную работу въ Новороссіи, при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ и съ средствами крайне незначительными. И если герцогъ достигъ, тѣмъ не менѣе, результатовъ, столь изумительныхъ, то причинъ его успѣховъ слѣдуетъ искать, во-первыхъ, въ личныхъ свойствахъ его богато-одаренной натуры и его высокогуманнаго характера, а во-вторыхъ, въ томъ довѣріи, которымъ пользовался онъ со стороны Императора Александра I, въ тѣхъ широкихъ полномочіяхъ, которыя дарованы были ему съ высоты трона. Остановимся же нѣсколько на этихъ обоихъ моментахъ, ибо въ нихъ слѣдуетъ искать разгадки всѣхъ успѣховъ дюка де-Ришелье.

Арманъ Эммануиль дю-Плесси, герцогъ де-Ришелье и де-Фронсакъ происходилъ изъ древняго французскаго рода, начало коего восходитъ къ XIII вѣку. Въ числѣ его предковъ мы встрѣчаемъ величайшаго государственного мужа и политика Франціи, всемогущаго ministra короля Людовика XIII, кардинала Ришелье. Извѣстно, что кардиналъ Ришелье завѣщалъ свое имя и титулъ герцога и пера французской короны внуку сестры своей Франциски дю-Плесси, бывшей замужемъ за Рене де-Виньеро, владѣльцемъ де Понтъ-Курле, Арманду Ioannu. Сынъ Франциски и Арманда, Людовикъ-Францискъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ маршала Ришелье, прославился въ свое время не столько воинскими подвигами, сколько любовно-галантными похождѣніями. Отъ сына маршала, Іосифа, носившаго при жизни отца титулъ герцога де-Фронсака, и супруги его, урожденной де-Готфоръ, родился 14 (25) Сентября 1766 года въ г. Бордо Армандъ Эммануиль, впослѣдствіи дюкъ де-Ришелье ⁶⁾.

Первоначальное воспитаніе герцога происходило въ родительскомъ домѣ, подъ наблюдениемъ сестеръ его матери, г-жъ де-Неслеръ и де-Растига. Отъ этихъ благородныхъ и высокообразованныхъ женщинъ заимствовалъ герцогъ не однѣ только тонкія, изящныя манеры, но и тѣ чисто-женственныя черты, ту деликатность, мягкость и сердечность, которыя такъ поражаютъ наблюдателя въ его характерѣ. У молодаго герцога былъ также превосходный и опытный воспитатель, въ лицѣ аббата

Лабдана; надо думать, что именно онъ внушилъ герцогу ту охоту къ труду, то гуманное отношение къ людямъ, безъ различія ихъ народности и званія, ту жажду знанія и то глубокое искренное религіозное чувство, которымъ обязанъ былъ впослѣствіи Ришелье и своими успѣхами и тою душевною твердостью, которая помогла ему перенести впослѣствіи столько тяжелыхъ, жизненныхъ испытаний. Четырнадцати лѣтъ отъ роду Ришелье началъ посѣщать курсы коллегіи де-Плесси, основанной его знаменитымъ предкомъ, кардиналомъ. Въ школѣ Ришелье не пренебрегалъ ни классическими языками, ни математикою, но наряду съ этими студіями онъ ревностно занимался новыми языками исторію и политическою экономіею. Уже въ это время онъ отличался необычайною любознательностью, а послѣдующія обстоятельства его жизни способствовали еще болѣе развитію въ немъ жажды знанія, укорененію широкаго взгляда, чуждаго предразсудковъ и нетерпимости какого бы то ни было рода, но покоившагося на незыблімой основѣ твердыхъ и ясно опредѣленныхъ политическихъ и религіозно-нравственныхъ убѣжденій⁷⁾.

У тогдашней французской знати существовалъ еще старый обычай, въ силу которого родители распоряжались рукою и сердцемъ своихъ дѣтей, и по своему усмотрѣнію и расчету женили чуть не въ дѣтскомъ возрастѣ своихъ сыновей и выдавали замужъ дочерей. Жертвою этого обычая сдѣлялся и молодой Армандъ де-Ришелье. Ему не исполнилось еще и шестнадцати лѣтъ, когда онъ долженъ былъ вступить, по волѣ своихъ родителей, въ бракъ съ дѣвицею Розалию Сабиною де-Рошешуаръ. Дѣвица де-Рошешуаръ была очень доброе и милое созданіе, но она была страшно некрасива, почти безобразна, а ея умственные и нравственные качества не были на столько высоки, чтобы она могла привязать къ себѣ своего супруга⁸⁾. Уже на другой день, послѣ вѣнца, Ришелье, съ согласія своихъ родителей и родителей жены своей, отправился въ сопровожденіи своего наставника, аббата Лабдана въ продолжительное путешествіе по Европѣ. Онъ посѣтилъ Италию, Швейцарию, Германію и Нидерланды и возвратился въ Парижъ къ началу 1784 г. Безъ сомнѣнія уже это первое путешествіе по чужимъ странамъ имѣло громадное, образовательное влияніе на Ришелье. Его наблюдательность и жажда знанія впервые получили теперь возможность полнаго удовлетворенія. Молодой герцогъ не только

усовершенствовался въ знаніи главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, не только пополнилъ запасъ своихъ знаній, но и расширилъ свой кругозоръ, выучился понимать и цѣнить чужое, освободился отъ самомнѣнія и пристрастія къ привычкамъ и взглядамъ своего сословія⁹⁾). Въ одномъ только отношеніи онъ вернулся на родину такимъ же, какъ и покинулъ ее, пламеннымъ, хотя и разумнымъ патріотомъ, вѣрнымъ и честнымъ слугою своего короля. Такимъ же застала его французская революція. Ришелье служилъ уже нѣсколько лѣтъ въ королевской гвардіи и получилъ уже чинъ подпоручика, когда Парижъ и Версаль сдѣлялись сценами бурныхъ событий, сопровождавшихъ великий государственный переворотъ во Франціи. Отношеніе молодаго человѣка къ революціи, ея героямъ и ея идеямъ опредѣлялось весьма точно его происхожденіемъ и его убѣжденіями. Ришелье не былъ ретроградомъ, онъ понималъ и цѣнилъ идеи и потребности времени, онъ былъ убѣженъ въ необходимости самыхъ широкихъ и коренныхъ государственныхъ и экономическихъ преобразованій, но все его внутреннее существо возмущалось тѣми принципами, которые провозгласила революція, и никакія требованія общественного блага не въ состояніи были оправдать въ его глазахъ измѣны законному государю и насилия надъ своими соотечественниками. Сознавая свое личное бессиліе, Ришелье не задумывался, однако же, принести въ жертву свою жизнь, дабы спасти короля и его семейство, дабы предупредить позоръ, готовый обрушиться на тронъ Франціи и на собраніе представителей французского народа. Когда толпы Парижской черни, подстрекаемыя демагогами, собирались броситься на Версаль, чтобы силою заставить короля и национальное собраніе переселиться въ столицу, другими словами отдаться безповоротно въ руки якобинцевъ и крайнихъ революционеровъ, и когда въ этотъ страшный моментъ, вся французская знать, пораженная паникою, забыла о своемъ первомъ и священнѣмъ долгѣ: жертвовать своею жизнью за короля, одинъ только Ришелье остался вѣренъ своему долгу и даннѣй имъ присягѣ. Пренебрегая тысячами опасностей, онъ одинъ, въ темную осеннюю ночь, послѣшилъ въ Версаль, счастливо избѣгъ на пути шайки разбойниковъ и головорѣзовъ, явился къ королю, предупредилъ его о грозящей опасности и представилъ свою шпагу и свою жизнь въ распоряженіе своего государя¹⁰⁾.

Само собою понятно, что благородный подвигъ Ришелье не могъ остановить могучаго потока событий. Съ того момента, когда Людовикъ XVI и народное собраніе попали въ руки Парижскихъ демагоговъ, во Франціи не было уже болѣе мѣста для вѣрныхъ слугъ короля, для убѣжденныхъ сторонниковъ монархіи.

Съ разрѣшенія самого Людовика, Ришелье покинулъ столицу и отправился въ новое заграничное путешествіе. Лѣтомъ 1790 г. онъ обѣздилъ западную Германію и присутствовалъ во Франкфуртѣ при коронованіи императора Леопольда II¹¹⁾. Изъ Франкfurta герцогъ поѣхалъ въ Вѣну, где былъ встрѣченъ радушно своими старыми друзьями: фельдмаршаломъ княземъ де-Линемъ и молодымъ сыномъ его Карломъ. Случай толкнулъ его здѣсь неожиданно въ русскую армію. Однажды, за обѣдомъ у князя де-Линя, къ фельдмаршалу явился русскій курьеръ съ письмами изъ главной квартиры Потемкина. На вопросы молодыхъ людей: что новаго въ главной квартирѣ, курьеръ отвѣчалъ, что Потемкинъ замышляетъ нападеніе на неприступную турецкую крѣпость Измаиль. Едва только произнесены были эти слова, какъ Карль де-Линъ объявилъ, что онъ намѣренъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ; къ заявлѣнію молодаго князя спѣшили присоединиться герцогъ Ришелье и другой молодой французскій офицеръ, Ланжеронъ¹²⁾. Всѣ троє немедленно же отправились въ путь черезъ Львовъ, Черновицъ и Яссы въ Бендери, где находилась въ это время главная квартира свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Видъ русскаго лагеря и въ особенности величавая и оригинальная фигура Потемкина, произвели сильнейшее впечатлѣніе на дюка и его товарищей¹³⁾. Имъ казалось, что они попали въ какой то новый волшебный міръ, жажда воинскихъ подвиговъ и славы окончательно вскружила имъ головы. Потемкинъ, снисходя на просьбы молодыхъ энтузиастовъ немедленно же отправилъ ихъ подъ Измаиль, где сосредоточены уже были значительные русскіе отряды и рѣчная флотилія подъ начальствомъ адмирала де-Рибаса. Такъ встрѣтились оба основателя Одессы, и Ришелье съ самаго первого знакомства почувствовалъ сильную симпатию къ геройскому моряку. Подъ командою де-Рибаса заслужилъ свои первыя военные лавры Ришелье. Въ рѣшительный день штурма герцогъ и товарищъ его князь де-Линъ покрыли себя неувядаемою славою¹⁴⁾. Оба они награждены были орде-

номъ св. Георгія 4-й степени, Ришелье получилъ кромѣ того золотую шпагу за храбрость.

Подвиги молодаго Ришелье обратили на него всеобщее вниманіе, слава о нихъ достигла до самой Императрицы. „Едино-гласны отзывы о нынѣшнемъ герцогѣ Ришелье“, писала Екатерина II Гримму, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ взятія Измаила. „Хочу, чтобы онъ разыгралъ нѣкогда во Франціи роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками. Я люблю людей съ достоинствами, а потому и желаю ему всего хорошаго, хотя и не знаю его лично. Я написала ему прекрасное, рыцарское письмо при отправлѣніи креста св. Георгія, и на зло народному собранію, я хочу, чтобы онъ остался герцогомъ Ришелье и помогъ возстановить монархію“¹⁵⁾.

Желаніемъ Императрицы не суждено было осуществиться. Правда, Ришелье тотчасъ же послѣ взятія Измаила поспѣшилъ во Францію и занялъ вновь при особѣ короля свой постъ первого придворнаго кавалера, но ни его лѣта, ни его положеніе и характеръ не позволяли ему разыграть сколько нибудь выдающейся роли въ печальной исторіи послѣдняго короля Франціи. Въ этой исторіи, равно какъ и въ революціонной исторіи вообще, не было мѣста для людей чести и долга, для характеровъ прямыхъ и благородныхъ. Все дѣлалось фанатиками или интриганами, а Ришелье не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Ему оставалось лишь быть свидѣтелемъ и страдательнымъ участникомъ новыхъ, крайне прискорбныхъ и постыдныхъ событий. Онъ состоялъ дежурнымъ офицеромъ при особѣ короля въ самый день злополучнаго бѣгства королевской семьи изъ Парижа, ему пришлось пережить постыдныя сцены въ Варенѣ, где король и королева были задержаны якобинцами и отправлены подъ стражею въ Парижъ. Вскорѣ послѣ этихъ событий Ришелье оставилъ Францію, но не въ качествѣ бѣлага эмигранта, а съ вѣдома правительства и съ паспортомъ національнаго собранія. Предлогомъ къ его отѣзду выставлено было его нахожденіе въ русской службѣ и обязательства, принятые имъ на себя передъ русскимъ правительствомъ¹⁶⁾.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что покиная на этотъ разъ Францію, Ришелье былъ твердо намѣренъ разорвать окончательно съ революціоннымъ правительствомъ, примкнуть къ эмиграціи и искать помощи и поддержки для

погибающей французской монархии у могущественной Русской Императрицы. Его надежды на Екатерину II, повидимому, не обманули его. Представленный по прибытии въ Петербургъ Императрицѣ своимъ другомъ и сподвижникомъ по Измаильской компании, принцемъ Нассау-Зигенскимъ, Ришелье нашелъ ласковый приемъ и былъ даже допущенъ въ избранный кружокъ, собиравшійся вокругъ Екатерины, по вечерамъ въ Эрмитажѣ¹⁷⁾. Императрица, казалось, продолжала возлагать большія надежды на молодаго герцога. Она повелѣла зачислить его въ русскую армию съ чиномъ полковника и отправила его въ отрядъ принца Конде для принятія участія въ походѣ союзниковъ противъ Франціи въ 1792 г. Печальный исходъ этого похода и еще болѣе печальная роль, разыгранная въ немъ французскими эмигрантами, не поколебали, однако-же, расположения Екатерины къ Ришелье. По крайней мѣрѣ, когда герцогъ возвратился изъ неудавшейся прогулки въ Шампань въ С.-Петербургъ и представилъ Императрицѣ нѣсколько фантастической проектъ о возвращеніи французскихъ эмигрантовъ на югъ Россіи и объ образованіи изъ нихъ военныхъ поселеній¹⁸⁾, то Екатерина не только одобрила эти предположенія, но и приказала отпустить герцогу 60.000 червонцевъ для поддержания дѣла эмиграціи. Съ этими деньгами и съ одобреннымъ проектомъ Ришелье поспѣшилъ обратно на Рейнъ, въ главную квартиру принца Конде. Ришелье прибыль на Рейнъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда должны были возобновиться наступательные дѣйствія коалиціи противъ Франціи. При такихъ обстоятельствахъ невозможно было думать объ осуществленіи проекта колонизаціи на югъ Россіи, и Ришелье не оставалось другаго выбора какъ принять участіе въ походѣ противъ Франціи и предоставить привезенные имъ деньги въ распоряженіе принца Конде. Въ теченіе 1793 г. и 1794 г. герцогъ сражался въ рядахъ союзныхъ войскъ противъ французскихъ республиканцевъ; только въ 1795 г., когда коалиція распалась окончательно и Пруссія заключила сепаратный миръ съ Франціею въ Базельѣ, Ришелье убѣдился въ безплодности всякихъ дальнѣйшихъ усилий противъ республики. Его личное и семейное положеніе было самое отчаянное. Его жена и родственники томились въ тюрьмѣ, а все его состояніе было конфисковано. При такихъ обстоятельствахъ герцогъ рѣшился искать убѣжище въ Россіи, гдѣ онъ продолжалъ числиться служащимъ въ арміи.

На этотъ разъ Ришелье встрѣченъ былъ Екатериной уже не такъ ласково, какъ прежде. Императрица разочаровалась совершенно въ своихъ надеждахъ на эмиграцію вообще и на герцога Ришелье, въ частности¹⁹⁾. Онъ не былъ приглашенъ къ двору, но его просьба о предоставлѣніи ему постояннаго назначенія въ русской арміи была тѣмъ не менѣе уважена. Назначенный командиромъ кирасирскаго полка военнаго ордена, расположеннаго въ окрестностяхъ Дубно на Волыни, Ришелье пріобрѣлъ хотя сколько нибудь обеспеченное положеніе, а вступленіе на престолъ Императора Павла I сулило ему на первыхъ порахъ быструю и блестящую военную карьеру.

Павель относился къ герцогу чрезвычайно благосклонно: онъ произвелъ его въ генераль-маиоры и назначилъ командиромъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, расположеннаго въ Царскомъ селѣ. Близость къ монарху оказалась, однако же, опасною и для Ришелье, и ему пришлось испытать на самомъ себѣ измѣнчивость расположенія Императора. Ничтожная ошибка, допущенная Ришелье на маневрѣ близъ Гатчины, разомъ лишила его и царской милости и службы²⁰⁾. Уволенный отъ должности, онъ попалъ въ самое безвыходное положеніе. Онъ рѣшился покинуть Россію иѣхать въ Вѣну, гдѣ онъ нашелъ пріютъ и поддержку у своихъ друзей. Его материальное положеніе было такъ печально, что онъ могъ расходовать въ день не болѣе тридцати су. „Я считалъ бы себя счастливымъ, писалъ онъ въ это время своей женѣ, еслибы я сохранилъ изъ своего громаднаго состоянія тысячу экю“²¹⁾.

Смерть Павла I и вступленіе на престолъ Императора Александра I произвели рѣшительную перемѣну въ судьбѣ Ришелье. Герцогъ имѣлъ случай не только познакомиться, но и даже близко сойтись съ Александромъ во время своего пребыванія въ Царскомъ селѣ. Его благородная натура, его честный, прямой характеръ, его способность увлекаться возвышенными идеалами, его разностороннія, обширныя познанія и его просвѣщеніе, гуманные взгляды обратили на него вниманіе молодаго Александра, способнаго къ самой чистой, идеальной дружбѣ. Такая дружба и не замедлила установиться между великимъ княземъ и дюкомъ де-Ришелье. Александръ относился къ герцогу какъ къ самому близкому человѣку, онъ открывалъ передъ нимъ свою душу, онъ дѣлалъ его повѣреннымъ своихъ тайнъ, своихъ горестей, разочарованій и опасеній. Онъ не могъ, разу-

мѣется, сдѣлать для герцога ничего при жизни отца, но, сдѣлавшись Императоромъ, онъ тотчасъ же вспомнилъ о старомъ другѣ и пригласилъ его въ Петербургъ. Ришелье приѣхалъ и былъ встрѣченъ съ отверстыми объятіями. Александръ изъявилъ желаніе удержать герцога навсегда въ Россіи; онъ далъ ему небольшую аренду въ Курляндіи, произвелъ его въ генераль-лейтенанты и предложилъ ему на выборъ нѣсколько назначеній. Ришелье не рѣшался, однакоже, покончить навсегда свои счеты съ старою родиною. Онъ тосковалъ за отечествомъ, за родными и страстно желалъ возвратиться во Францію. Прочныя порядки, установленные Наполеономъ Бонапарте, и дружественныя отношенія, завязавшіяся между Россіею и правительствомъ первого консула, открывали для Ришелье, повидимому, возможность возвратиться на родину. Императоръ Александръ самъ выступилъ ходатаемъ за знаменитаго изгнанника передъ Бонапартомъ; Ришелье было обѣщано полное восстановленіе въ гражданскихъ правахъ. Полагаясь на обѣщаніе французскаго правительства, герцогъ прибылъ въ Парижъ въ началѣ Января 1802 г., но здѣсь его ожидало полное разочарованіе. Почеть и радость, съ которыми встрѣченъ былъ герцогъ въ извѣстныхъ парижскихъ кружкахъ, возбудили противъ него подозрѣніе первого консула. Отъ герцога потребовали, чтобы онъ внесъ свое имя въ списки амнистированныхъ лицъ и поступилъ въ государственную службу, но герцогъ не считалъ себя виновнымъ передъ своимъ отечествомъ и не намѣренъ былъ служить узурпатору. Тогда за Ришелье учредили полицейскій надзоръ, ему запрещено было носить русскій мундиръ и иностранные ордена. Тщетно прибѣгла мадамъ де-Ришелье къ заступничеству супруги первого консула. Наполеонъ не внялъ просьbamъ Жозефины. „Ришелье долженъ или принять амнистію, или поступить ко мнѣ на службу“, объявилъ онъ рѣшительно. Тогда герцогъ, ставившій выше всего на свѣтѣ свою честь и вѣрность старой династіи, рѣшился во второй разъ пожертвовать остаткомъ своего состоянія, покинуть свою семью, родныхъ и друзей и, подобно дворянамъ старой рыцарской Франціи, искать себѣ со шпагою въ рукѣ новое отечество ²²⁾.

Ришелье рѣшилъ воспользоваться милостивыми предложеніями своего царственнаго друга, Александра I. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ 1802 года и предоставилъ себя въ полное распоряженіе Императора. Александръ осыпалъ его знаками

своего расположенія; онъ пожаловалъ ему орденъ св. Владимира 2-й степени и предложилъ ему на выборъ соотвѣтственный его чину военный постъ, или же мѣсто градоначальника въ Одессѣ ²³⁾. Ришелье любилъ одинаково и военную и высшую административную службу; при другихъ обстоятельствахъ, онъ, быть можетъ, предпочелъ бы службу въ войскахъ, но желаніе работать самостоятельно надъ поднятіемъ и развитіемъ дѣвственнааго края и возможность вступить съ береговъ Чернаго моря въ прямыя сношенія съ Франціею, открывающаяся надежда оказать содѣйствіе французской торговлѣ, приносить одновременно пользу и старому, и новому отечѣству, — вотъ что побудило прежде всего герцога отдать предпочтеніе мѣсту одесского градоначальника ²⁴⁾. Впрочемъ, мѣсто это могло имѣть въ глазахъ Ришелье и еще другое преимущество: оно предоставляло ему положеніе вполнѣ независимое и открывало полную свободу дѣйствія. Государь, имѣя въ виду назначеніе Ришелье въ Одессу, именнымъ указомъ отъ 8-го Октября, даннымъ сенату, создалъ, можно сказать, для своего избранника такое положеніе, которое вполнѣ гарантировало его отъ всякаго непрошенаго вмѣшательства и контроля, отъ всякаго подчиненія мѣстнымъ властямъ и давало ему возможность сноситься непосредственно съ особою Государя Императора. Въ указѣ повелѣвалось назначить въ портовый городъ Одессу, причисленный къ Николаевской губерніи для „покровительства торгующимъ“ особаго градоначальника изъ чиновниковъ высшаго класса, главному управлению котораго ввѣрить не только дѣйствіе полиціи, но и понужденіе магистрата къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, доставленіе обывателямъ всякаго пособія и защиты, отношеніе по дѣламъ коммерческимъ къ министру коммерціи, а по гражданскимъ, до управлениія касающимся, къ министру внутреннихъ дѣлъ; по тяжѣеннымъ же и суднымъ къ генераль-прокурору. Вѣдѣнію градоначальника подчинились также: таможня, карантинъ, публичныя зданія и портовыя работы. Ему предоставлено было также право сноситься съ губернскимъ начальствомъ, требовать, въ случаѣ надобности, его помощи и взаимно оказывать ему таковую. Онъ имѣлъ право сноситься самостоятельно съ министрами и государемъ и не подчинялся ни гражданскому, ни военному губернатору ²⁵⁾.

Какъ только состоялось назначеніе Ришелье, Императоръ въ особомъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя герцога предостав-

вилъ ему широкія полномочія. Ему предоставлялось: 1) осмотрѣть и вникнуть обстоятельно во всѣ части управлениія въ Одессѣ и стараться приводить ихъ въ наилучшее состояніе, представляючи обо всемъ, что будетъ превосходить власть его, непосредственно на Его Императорскаго Величества усмотрѣніе; 2) имѣть начальство: а) надъ всѣми воинскими командами, въ городѣ состоящими, б) надъ всѣми карантинными и портовыми строеніями, в) надъ крѣпостью, таможнею и почтовою конторою и г) надъ всѣми морскими чиновниками, постоянно или временно по службѣ въ Одессѣ пребывающими; 3) наблюдать за скорымъ и точнымъ правосудіемъ; 4) стараться увеличить населеніе Одессы привлеченіемъ туда полезныхъ иностранцевъ; 5) наблюдать за правильнымъ употребленіемъ городскихъ доходовъ; 6) избрать удобное мѣсто для устроенія карантина и поспѣшить постройкою онаго ²⁶⁾.

Вѣсть о назначеніи въ Одессу градоначальникомъ знатнаго французскаго герцога и при томъ любимца Государя, молва о широкой, почти безграницной, власти, предоставленной ему, произвели сильнѣйшую сенсацію въ городѣ. Чиновники и начальственныя лица, спокойно сидѣвшіе до тѣхъ поръ на мѣстахъ и дозволявшіе себѣ полный произволъ и всевозможная злоупотребленія, городскіе заправилы и члены магістрата, привыкшіе смотрѣть на общественное добро, какъ на свое личное достояніе, богачи и спекулянты, устраивавшиѣ свои дѣла при помощи продажнаго правосудія и подкупленной администрації, пришли въ страшную тревогу, тогда какъ масса обывателей, въ особенности бѣдняки и рабочій людъ, вздохнули свободнѣе, разсчитывая, наконецъ, найти себѣ защиту и охрану отъ постоянныхъ посягательствъ официальныхъ эксплуататоровъ и неофициальныхъ воровъ и разбойниковъ на ихъ свободу, собственность и жизнь. Опасенія однихъ, надежды другихъ умѣрялись, впрочемъ, въ весьма значительной степени обычными соображеніями, что новый градоначальникъ, какъ знатный человѣкъ, врядъ ли окажется способнымъ лично вникать во всѣ мѣстныя отношенія и условія, что онъ будетъ прежде и больше всего думать о своихъ личныхъ удобствахъ и выгодахъ, и о своемъ покое, что онъ по всей вѣроятности, будетъ грозенъ и дѣятеленъ лишь въ первое время, что онъ затѣмъ предоставитъ всѣ дѣла своимъ подчиненнымъ и окружающимъ и мало по малу все возвратится въ свою старую, излюбленную колею. Такія ожиданія и подобные расчеты не

лишены были своего основанія; онѣ основаны были на хорошо известной всѣмъ аналогіи и оправдывались известною, народною поговоркою о новомъ вѣнике, но именно въ этомъ отношеніи герцогъ готовилъ Одесситамъ, смотря по ихъ званію и положенію, однимъ пріятное, другимъ непріятное разочарованіе.

Едва только герцогъ прибыль въ Одессу (9-го Марта 1803 года), какъ уже по городу начали ходить самые необыкновенные и странные разсказы о новомъ градоначальникѣ. На первый взглядъ герцогъ производилъ впечатлѣніе самаго скромнаго, простаго, непріятельского человѣка. Однѣ только утонченныя, хотя при томъ весьма естественныя манеры напоминали о его происхожденіи и санѣ. У него не было замѣтно и тѣни того чваннаго барства, той напыщенной надменности, той грозной неприступности, или того Олимпійскаго величія, которыми такъ любили щеголять высокіе администраторы и вельможныя особы. Герцогъ уклонялся отъ всякихъ официальныхъ пріемовъ и парадныхъ представлений, онъ ласково принялъ своихъ подчиненныхъ, но даль имъ въ то же время понять, что онъ будетъ требовать отъ нихъ честнаго и неукоснительного исполненія своихъ обязанностей. Не теряя понапрасно дорогаго времени, герцогъ тотчасъ же послѣ пріѣзда занялся осмотромъ города, казенныхъ зданій, портовыхъ сооруженій, крѣпости и карантина. Онъ потребовалъ отъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ представленія точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній по всѣмъ учрежденіямъ, по всѣмъ отраслямъ казеннаго управлениія и городскаго хозяйства, и приступилъ вслѣдъ за тѣмъ лично къ точной и обстоятельной провѣркѣ всѣхъ представленныхъ ему данныхъ. Уже черезъ 3 дня послѣ своего пріѣзда въ городъ Ришелье отправился въ тюрьму, где содержались, при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, сотни, по большей части совершенно невинныхъ людей. Онъ обошелъ всѣ камеры, лично опросилъ всѣхъ арестантовъ, провѣрилъ съ неслыханною быстротою ихъ показанія и тотчасъ же приказалъ отпустить на свободу всѣхъ невинно заключенныхъ ²⁷⁾.

Не меньшее изумленіе произвели на Одесситовъ образъ жизни ихъ начальника, его домашняя обстановка, его препровожденіе времени, его доступность и его неутомимая дѣятельность. Врагъ всякой роскоши и всякаго излишняго комфорта, дюкъ помѣстился въ маленькомъ домикѣ изъ пяти небольшихъ комнатъ, и не разстался съ этимъ, болѣе чѣмъ скромнымъ, помѣщеніемъ во все время пребыванія своего въ Одессѣ ²⁸⁾. Обстановка соотвѣт-

ствовала вполнѣ помѣщенію: она состояла изъ дюжины историческихъ стульевъ, выписанныхъ изъ Херсона, изъ канапе, которое служило вмѣстѣ съ тѣмъ кроватю для герцога, изъ небольшаго письменнаго стола и изъ нѣсколькихъ другихъ незатѣйливыхъ мебелей ²⁹⁾). Герцогъ вель жизнь правильную и въ высшей степени дѣятельную. Онъ не терялъ понапрасно ни одной минуты времени и поспѣвалъ быть вездѣ, гдѣ требовалось его присутствіе. Онъ работалъ у своего письменнаго стола около восьми часовъ въ сутки. Онъ вскрывалъ самъ всѣ пакеты, получаемые съ почты, принималъ лично всѣ просьбы, писаль собственноручно всѣ резолюціи, просматривалъ и исправлялъ всѣ бумаги, выходившія изъ его канцеляріи. Писалъ онъ очень много и скоро и обыкновенно на чисто. Съ одинаковою легкостью и быстротою выражалъ онъ свои мысли на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. При приемѣ прошеній онъ всегда вступалъ въ бесѣду съ просителями, въ особенности съ людьми простыми. „Адвокаты“, говоривалъ онъ, „всегда затемнятъ и запутаютъ дѣло; отъ самихъ просителей яскорѣе узнаю правду“. И герцогъ требовалъ прежде всего и больше всего правды. Ложь и намѣренный обманъ выводили его изъ себя. Съ своими чиновниками и подчиненными вообще герцогъ былъ въ высокой степени мягокъ и гуманенъ, но его доброта никогда не переходила въ слабость, а явная злоупотребленія всегда находили въ немъ строгаго карателя. Герцогъ старался всеѣда дѣйствовать добрыми средствами, по своей благородной натурѣ онъ не былъ способенъ къ рѣзкимъ и грубымъ выходкамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его подчиненные уважали самихъ себя, чтобы они были проникнуты прежде всего чувствомъ чести и собственного достоинства. И его подчиненные, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, понимали его и старались оправдать его довѣріе. Всякій считалъ за великую честь служить подъ его начальствомъ, и его одобреніе, его приятельность почитались за высшую награду ³⁰⁾.

Герцогъ умѣлъ обходиться съ весьма немногими чиновниками. Впослѣдствіи, когда онъ соединилъ должность градоначальника съ высшимъ постомъ генераль-губернатора Новороссийскаго края, его система въ этомъ отношеніи измѣнилась очень мало. Его военный штабъ состоялъ изъ двухъ адютантовъ, трехъ офицеровъ генерального штаба и двухъ инженеровъ. Его канцелярія состояла изъ четырехъ начальниковъ отдѣленій и изъ 12 низшихъ чиновниковъ и писцовъ. И съ этою канцеляріею, содержаніе которой

обходилось въ годъ около 15.000 р., герцогъ управлялъ городомъ Одессою, тремя Новороссийскими губерніями, иностранными колоніями, крымскими и ногайскими татарами, заботился о провіантированіи дѣйствующей противъ турокъ арміи на Дунаѣ и войскѣ, находившихся на Кавказѣ, и исправлялъ массу другихъ обязанностей, лежавшихъ на немъ, какъ на главнокомандующемъ войсками, расположеннымъ въ Новороссийскомъ краѣ ³¹⁾.

Работая неутомимо въ своемъ кабинетѣ, герцогъ находилъ въ тоже время возможность слѣдить лично за всѣмъ, что происходило какъ въ городѣ вообще, такъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ. Ежедневно можно было его встрѣтить на улицахъ Одессы, постоянно одного, безъ всякой свиты, всегда пѣшкомъ, верхомъ или въ дрожкахъ, никогда, даже въ самую дурную погоду, въ закрытомъ экипажѣ ³²⁾. Ежедневно посѣщалъ онъ и тщательно осматривалъ всѣ казенные и городскія работы, очень часто онъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ магистрата и судовъ, производилъ внезапныя ревизіи во всѣхъ учрежденіяхъ, проводилъ иногда цѣлые часы въ учебныхъ заведеніяхъ, слушая уроки, экзаменуя самъ учениковъ. Прогуливаясь по городу, онъ любилъ заходить въ лавки и хлѣбные магазины, ласково бесѣдовалъ съ торговцами, осматривалъ ихъ товары, давалъ имъ советы, а иногда, если усматривалъ какую-нибудь недобросовѣстность, — и строгія внушенія. На улицахъ имѣлъ обыкновеніе останавливаться и разговаривать съ простыми людьми, особенно рабочими, знакомиться такимъ образомъ съ ихъ нуждами и узнавать то, что не могло дойти до его свѣдѣнія ни какими иными путями. Въ гавани онъ любилъ разѣзжать на шлюбкѣ между судами, пришедшими какъ изъ внутреннихъ портовъ, такъ изъ за границы, вступать въ бесѣду съ шкиперами и негоціантами, осматривать привезенные ими товары, давать имъ указанія на счетъ сбыта и покупки, выслушивать ихъ желанія и претензіи ³³⁾.

Можно было-бы подумать, что такая кипучая и разнообразная дѣятельность поглощала все время герцога, что у него не оставалось свободного часа для собственныхъ дѣлъ, для отдыха, для жизни общественной, но такое заключеніе было-бы ошибочно. Какимъ то непонятнымъ для другихъ образомъ, Ришелье умѣлъ найти время для всего. Онъ посѣщалъ всѣ общественные увеселенія и собранія, театральные спектакли и концерты, прогуливался часто верхомъ въ окрест-

ностяхъ города, навѣдывался на хутора, огороды, плантации и лично зналъ всѣхъ ихъ собственниковъ³⁴⁾. У него самого былъ садъ и огородъ, гдѣ онъ любилъ работать самъ, гдѣ онъ занимался и разведеніемъ овощей, и древесными насажденіями и акклиматизацію рѣдкихъ растеній³⁵⁾.

Онъ никогда не отказывался отъ приглашеній въ частные дома, присутствовалъ на всѣхъ публичныхъ и частныхъ балахъ, интересовался играми, кромѣ карточной³⁶⁾, и самъ принималъ въ нихъ участіе. Ежедневно у него обѣдало 20 человѣкъ, въ томъ числѣ всегда нѣсколько городскихъ обывателей и иностранныхъ негоціантовъ; въ зимнее время у него всегда бывалъ разъ въ недѣлю большой раутъ, а два или три раза въ недѣлю онъ устраивалъ смотръ и ученіе войскамъ гарнизона. По воскресеніямъ у дюка былъ утромъ большой приемъ, на который могли являться какъ всѣ чиновники, такъ и всѣ граждане города. За приемомъ слѣдовала парадъ войскамъ. Послѣ парада герцогъ отправлялся въ гимназію, выслушивалъ рапортъ о поведеніи и успѣхахъ учениковъ въ теченіи недѣли, бралъ съ собою двухъ отличнѣйшихъ учениковъ, отправлялся съ ними къ обѣднѣ, а оттуда въ гости или на прогулку, затѣмъ на обѣдъ къ себѣ. Осыпавъ ихъ вниманіемъ, ласками и подарками, онъ въ назначенный часъ всегда самъ отвозилъ ихъ обратно въ гимназію³⁷⁾. Помимо этихъ занятій, носившихъ на себѣ характеръ развлечений, герцогъ въ свободное отъ служебныхъ и дѣловыхъ обязанностей время работалъ очень много для себя. Онъ составлялъ ежегодно обширную статистическую записку о своемъ намѣстничествѣ, вѣль громадную личную корреспонденцію, всегда самъ безъ помощи секретаря, читалъ нѣсколько газетъ, периодическихъ журналовъ и случайныхъ книгъ. Чтеніе было его страстью, онъ поглощалъ книги; Цицеронъ и Виргилій всегда лежали на его ночномъ столикѣ³⁸⁾.

Необходимо, имѣть постоянно въ виду только что охарактеризованныя личныя свойства герцога, чтобы объяснить себѣ одну изъ главныхъ причинъ, какъ той громадной популярности, которую пользовался онъ среди всѣхъ слоевъ населенія Одессы и Новороссійского края, такъ и тѣхъ громадныхъ результатовъ, которые достигнуты были имъ въ теченіи его администраціи. Второю важнѣйшою причиною успѣховъ герцога были тѣ высоко - просвѣщеніе принципы,

которые лежали въ основѣ всего его управлениія, всей его общественной дѣятельности. Тонкій аналитическій умъ, необыкновенная наблюдательность, обширный запасъ свѣдѣній, собранный путемъ чтенія и личнаго наблюденія, соединялись у Ришелье съ высшей степенью здравыми экономическими убѣжденіями и взглядами. Эти взгляды и убѣжденія почертнути были герцогомъ изъ выдающихся экономическихъ твореній эпохи, изъ трудовъ Адама Смита и физіократовъ, но онъ сумѣлъ примѣнить и принаровить эти общія идеи къ людямъ, мѣстностямъ и дѣламъ, съ умѣніемъ и тактомъ, свойственными ему исключительно. Идея разумно понимаемой свободы лежала въ основѣ всей его правительственной системы. Въ этой системѣ не было ничего искусственнаго, сложнаго, принудительнаго; все казалось дѣлалось въ ней само собою. „То была“, по выражению современника, „громадная рѣка, величественно и спокойно катившая свои волны, оплодотворявшая поля, не причинявшая наводненія, не сдерживаемая плотинами, рѣка, при взгляде на которую, никто не могъ замѣтить руки опытнаго инженера, проложившаго ея русло и направлявшаго ея теченіе“³⁹⁾.

„Не будемъ слишкомъ регулировать“, говоривъ дюкъ, „вѣдь мы стоимъ на почвѣ новой, неизвѣстной, время само укажетъ намъ направленіе нашей дѣятельности“. Система *laissez faire, laissez passer* соединялась у него съ системою разумныхъ облегченій и улучшеній. Одесса, какъ всякая вновь возникающая колонія, представляла изъ себя пеструю смѣсь самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко отталкивавшихъ другъ друга, элементовъ; герцогъ старался постепенно соединить и сплотить эти элементы. Проникнутый идеями гуманной терпимости, онъ не дѣлалъ различія между націями, религіями, сословіями; ко всѣмъ онъ относился съ одинаковымъ вниманіемъ, всѣмъ предоставляя защиту, покровительство, поощреніе. Работа, улучшеніе, прогрессъ — во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства — были его лозунгомъ. Интересы сельско-хозяйственные, земледѣліе, скотоводство, улучшеніе породъ стояли для него на первомъ планѣ. Онъ крайне интересовался усовершенствованіемъ продуктовъ хлѣбной производительности; хлѣбное зерно — этотъ первый предметъ нашего экспорта — должно было быть, по его мнѣнію, лучшаго качества, и въ хлѣбной торговлѣ отнюдь не должна была допускаться какая бы то ни было недобросовѣстность.

Заходя въ хлѣбные магазины, герцогъ подробно и тщательно рассматривалъ образчики зерна и высказывалъ владѣльцамъ свое одобрение или порицаніе. „Берегитесь“, говорилъ онъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, „за границею будуть недовольны вами; вы причините вредъ и самимъ себѣ и всѣмъ намъ“⁴⁰⁾. На ряду съ хлѣбопроизведеніемъ герцогъ покровительствовалъ и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства; онъ вполнѣ сознавалъ необходимость разнообразить, по мѣрѣ возможности, нашу производительность и предметы нашего экспорта. Всѣми мѣрами способствовалъ онъ улучшению овцеводства. Шелководство и винодѣліе обязаны имѣнно ему началомъ своего развитія. При этомъ Ришелье являлся, согласно своей основной экономической идеѣ, принципіальнымъ врагомъ всякой монополіи, привилегіи и прямыхъ, материальныхъ вспоможеній отдѣльнымъ лицамъ или предпріятіямъ⁴¹⁾. Предоставляя полную свободу всѣмъ и каждому, онъ никогда не пускалъ въ ходъ свой правительственный авторитетъ и ограничивался лишь своимъ личнымъ вліяніемъ, но именно это его вліяніе оказывалось въ большинствѣ случаевъ самымъ могущественнымъ стимуломъ. Всѣ производители, всѣ комерсанты считали за честь и счастіе обратить на себя вниманіе герцога, заслужить его одобрение и похвалу; однимъ своимъ словомъ вызывалъ онъ благородное соревнованіе въ средѣ своихъ подчиненныхъ и управляемыхъ. Производить какъ можно больше для того, чтобы больше вывозить и вывозить какъ можно больше, для того, чтобы поднимать и развивать производительныя силы страны, — вотъ въ чемъ заключалась основная идея экономической системы Ришелье, идея, надъ осуществленіемъ которой началъ онъ работать тотчасъ же по прибытии въ Одессу⁴²⁾.

Безграницное довѣріе, которымъ пользовался Ришелье у Императора Александра I-го, являлось главнейшимъ условиемъ успеха его административной дѣятельности. Герцогъ всегда умѣлъ избрать самыя вѣрныя средства для осуществленія тѣхъ задачъ, которыя были возложены на него, сначала въ Одесѣ, а затѣмъ съ 1805 г. во всемъ Новороссійскомъ краѣ, а Императоръ никогда не отказывалъ ему ни въ нравственной поддержкѣ, ни въ материальныхъ средствахъ, хорошо понимая, что Ришелье никогда не потребуетъ лишняго, что онъ ни въ какомъ случаѣ не злоупотребить его довѣріемъ и не затратить безъ пользы ни одной копѣйки изъ ассигнуемыхъ ему казен-

ныхъ суммъ. Тотчасъ по прибытии въ Одессу, дюкъ показалъ на дѣлѣ, что онъ не будетъ полагаться исключительно на ресурсы государственной казны, что онъ съумѣеть открыть новые источники для покрытия издержекъ, сопряженныхъ съ работами, возложенными на него Высочайшею инструкціею. По его настоянию, Высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату 26-го Июня 1803 г., повелѣно было для продолженія молла въ Одесѣ и для производства другихъ работъ въ гавани удѣлять ежегодно пятую часть таможенныхъ сборовъ, вмѣсто десятой, установленной прежними распоряженіями⁴³⁾. Для этой же цѣли разрѣшено было Одесскому городскому обществу вносить въ пользу города по 2½ копѣйки съ пуда пшеницы, отпускаемой за море, а впослѣдствіи, съ 1813 года, сборъ этотъ замѣненъ былъ другимъ, по 5 коп. съ четверти⁴⁴⁾. Для поощренія частной предпринимчивости и для скорѣйшаго устроенія города испрошено было Высочайшее соизволеніе на выдачу ссудъ лицамъ, производящимъ постройки въ городѣ, изъ капитала, назначенаго Херсонскому приказу общественнаго призрѣнія для ссуды строителямъ мореходныхъ судовъ⁴⁵⁾. На сооруженіе карантина ассигновано было изъ казны 160,000 рублей, а на возведенія соборнаго храма и гимназіи выдано 150.000 рублей⁴⁶⁾.

Для поощренія торговли и для устроенія наибольшихъ удобствъ для торгующихъ герцогомъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ самыхъ цѣлесообразныхъ и энергическихъ мѣръ. Общественная безопасность была обеспечена преобразованіемъ и увеличеніемъ штата мѣстной полиції⁴⁷⁾ и усиленіемъ городского гарнизона двумя баталіонами. Благодаря неусыпному личному надзору герцога и строгимъ принятымъ имъ мѣрамъ, положенъ былъ конецъ беспорядкамъ, грабежамъ и воровству, и Одесса превращена въ одинъ изъ спокойнѣйшихъ и безопасныхъ портовыхъ городовъ. Городское благоустройство быстро подвигалось впередъ. Одесса не только разрослась, но и начала принимать приличный, красивый видъ. Улицы пролагались и зданія строились по Высочайше утвержденному плану⁴⁸⁾. Окончены были недостроенные и развалившіяся православныя церкви, воздвигнуты соборъ, римско-католическая и греческая церковь, устроены театръ, залъ для общественныхъ баловъ и концертовъ, зданія коммерческой гимназіи и благороднаго института, улицы освѣщены фона-

рями и снабжены тротуарами, разбитъ обширный городской садъ, начато насажденіе деревьевъ по улицамъ⁴⁹⁾.

На ряду съ благоустройствомъ виѣшнимъ предпринимались чрезвычайныя мѣры для развитія и поднятія торговли. Эта сторона дѣятельности Ришелье получила особенно широкое развитіе съ того момента, когда Высочайшимъ указомъ 13-го Марта 1805 года герцогъ былъ назначенъ Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ съ подчиненіемъ ему Таврической и Екатеринославской губерній, войскъ Крымской инспекціи и Черноморской казачьей области и съ оставленіемъ въ должности Одесского градоначальника⁵⁰⁾. Только съ этого момента административная дѣятельность Ришелье получила вполнѣ прочное и широкое основаніе, только теперь получилъ онъ возможность работать надъ поднятіемъ Одессы, имѣя при этомъ въ виду интересы и развитіе всего края. По полученіи новаго назначенія, герцогъ просилъ Императора, чтобы, въ виду производящихся въ Одессѣ работъ, знатнаго стеченія судовъ и другихъ обстоятельствъ, требующихъ непрестанного наблюденія, дозволено было ему основать въ лѣтнее время свое пребываніе въ Одессѣ⁵¹⁾; и Государь соизволилъ предоставить ему право располагать пребываніе свое въ вѣренныхъ ему губерніяхъ тамъ, где онъ найдетъ то для успѣха дѣла полезнымъ⁵²⁾. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы таковая просьба Ришелье вызвана была какими нибудь личными сообщеніями герцога или же пристрастіемъ его къ Одессѣ. Мы уже знаемъ, что если Одесса и могла представлять для герцога кое какія удобства, въ смыслѣ болѣе цивилизованной жизни, то съ другой стороны намъ извѣстно, какъ мало значенія придавалъ онъ своему личному комфорту и какъ систематически подчинялъ онъ свои личные вкусы и потребности интересамъ общимъ. Что же касается до пристрастія Ришелье къ Одессѣ, то такого пристрастія не было и не могло быть. Герцогъ относился съ одинаковою любовью ко всѣмъ областямъ и городамъ своего намѣстничества; процвѣтаніе какой нибудь менонитской колоніи принималъ онъ также близко къ сердцу, какъ и развитіе Одессы, и если для этой послѣдней онъ дѣлалъ иногда болѣе, нежели для другихъ портовыхъ городовъ, то единственно потому, что Одесса, какъ важнѣйший по своимъ оборотамъ торговый пунктъ въ краѣ, вызывала естественно и наибольшія заботы о своемъ процвѣтаніи⁵³⁾.

Торговая политика Ришелье представляетъ величайшій интересъ и для нашего, кичащагося своюю экономическою премудростью, времени. Герцогъ держался прежде всего того основнаго убѣжденія, что общіе принципы и истекающія изъ нихъ законодательныя нормы, какъ бы правильны не были они сами по себѣ, не должны имѣть одинакового значенія повсѣ мѣстно и что при ихъ примѣненіи необходимо имѣть прежде всего въ виду особыя условія мѣстныя. Онъ полагалъ, что то, что являлось вполнѣ цѣлесообразнымъ для старыхъ портовъ Балтийскаго побережья, какъ Петербургъ, Рига и другие, отнюдь не можетъ быть примѣняемо въ портахъ Черноморскихъ, где торговое движеніе только что зарождалось, где развивающаяся коммерція нуждалась въ поощреніи и облегченіяхъ всякаго рода⁵⁴⁾. Существующая система таможенныхъ сборовъ могла быть примѣняема безъ вреда только тамъ, где торговля давно уже свила себѣ гнѣздо, где она развивалась путями, установившимися въ теченіи вѣковъ; на Черноморскомъ югѣ, где все существовало пока лишь въ зачаткахъ, она нуждалась въ самыхъ существенныхъ измѣненіяхъ. Исходя изъ такой точки зрѣнія, герцогъ исходатайствовалъ у Государя Императора чрезвычайно важную льготу для всѣхъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ, въ силу коей, во вящее ободрение торговли, таможенная пошлины въ означенныхъ портахъ уменьшены были четвертою долею противъ положенныхъ общимъ тарифомъ, т. е. на 25 процентовъ⁵⁵⁾. Возрождающаяся въ Новороссіи торговля нуждалась въ хорошо гарантированныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, и Ришелье основалъ прежде всего въ Одессѣ промышленную контору съ капиталомъ въ 100.000 рублей, впослѣдствіи удвоеннымъ, а затѣмъ учредилъ и контору учетную, выдававшую купцамъ, русскимъ подданнымъ, деньги по предъявляемымъ ими векселямъ, съ вычетомъ по полтора процента съ рубля въ мѣсяцъ⁵⁶⁾.

Въ виду характера одесской торговли, зависѣвшей, главнымъ образомъ, отъ наибольшаго прилива иностраннѣхъ негощантовъ и капиталовъ, герцогъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры для привлечения иностранцевъ въ Одессу и съ этою цѣлью старался обеспечить, какъ можно болѣе, ихъ интересы, доставить имъ всѣ удобства. Вслѣдствіе представленія герцога, что торговцы, особенно иностранные, не привыкшіе къ нашимъ законнымъ обрядамъ, избѣгаютъ всякихъ разсчетовъ и сдѣлокъ,

если они хотя малѣйшимъ образомъ подлежать судебному разби-рательству, и что со временемъ обстоятельство это можетъ уменьшить довѣренность къ одесскому порту,—въ Одессѣ образованъ былъ Коммерческій судъ, съ назначеніемъ въ составъ его, кромѣ членовъ по выбору мѣстнаго купечества, предсѣдателя, двухъ членовъ, прокурора и юрисконсульта отъ короны⁵⁷⁾). Высшая администра-тивная власть организована была такимъ образомъ, что ея вышею инстанціе являлся городской комитетъ, состоявшій, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, изъ коменданта, инспекторовъ карантинного и таможеннаго, надзирающаго надъ портовыми работами инженера, градскаго головы и двухъ членовъ, по выбору, отъ гражданъ⁵⁸⁾). Ремесленники и мастеровые, въ составъ которыхъ входили, главнымъ образомъ, выселенцы изъ Германии, пользовавшіеся особенною любовью и заботливостью герцога, распредѣлены были по цехамъ⁵⁹⁾). Благодаря неутомимымъ хлопотамъ герцога, иностранцы могли найти теперь въ Одессѣ прекрасно устроенную гавань, удобный и помѣстительный карантинъ съ огромными амбарами для склада ихъ товаровъ, предупредительную администрацію, скорый и правый судъ и всевозможныя удобства для жизни, начиная отъ удобныхъ помѣщеній, дешевизны продуктовъ⁶⁰⁾ и оканчивая такими учрежденіями, которыя служили для развлечения и приятнаго провождения времени, какъ: театръ съ учрежденою при немъ пѣвческою капеллою, концертная и бальная зала, равно какъ и такими общеполезными учрежденіями, какъ коммерческая гимна-зія съ одной стороны и хорошо организованная медицинская помощь, съ особымъ комитетомъ для наблюденія за прививаніемъ оспы, подъ личнымъ предсѣдательствомъ герцога⁶¹⁾.

Наилучшею репутациею для одесского порта служили не столько всѣ перечисленныя учрежденія, сколько тотъ духъ, который господствовалъ въ нихъ. Далеко за предѣлами южной Россіи распространилась молва о высоко-гуманной, неутомимой, всеобъемлющей дѣятельности герцога. Иностранные негоціанты, не слыхавши до тѣхъ поръ даже имени Одессы, начали стекаться отовсюду въ гостепріимный портъ, гдѣ царствовали неслыханная для того грознаго и смутнаго времени свобода, миръ, тишина, порядокъ, гдѣ каждый, безъ различія націи и религіи, находилъ одинаково дружественный приемъ и покровительство, гдѣ каждый имѣлъ во всякое время свободный доступъ къ начальнику города и края, снабженного почти царскими полномо-

чіями, умѣвшаго войти въ интересы всѣхъ и каждого, объяснявшися съ каждымъ пріѣзжимъ на его родномъ языѣ, обладавшаго массою чарующихъ личныхъ свойствъ⁶²⁾). Земляки герцога, французы, прослышиавъ о назначеніи своего соотечественника въ Одессу, десятками и сотнями начали выселяться въ „новый го-родъ“⁶³⁾). Одни изъ нихъ привозили съ собою значительные капиталы, другіе, столь полезные для возрождающейся въ куль-турномъ смыслѣ страны,—практическія свѣдѣнія всякаго рода. За французами шли въ еще большемъ количествѣ итальянцы, греки, арнауты и болгары. Нѣмецкіе поселенцы приливали въ Новороссію цѣлыми десятками тысячъ; число ремесленниковъ между ними было такъ велико, что они населили собою цѣлую улицу въ Одессѣ, носящую еще и теперь название ремеслен-ной⁶⁴⁾). Помимо перечисленныхъ націй, въ Одессу переселялись еще: англичане, испанцы, евреи, а также турки, египтяне и персіяне. Во времена Ришелье возникли многія торговыя фирмы, изъ которыхъ нѣкоторыя существуютъ еще и понынѣ. Назовемъ хорошо извѣстныя всѣмъ одесситамъ имена: Сикара, Инглези, Крамарева, Гари, Новикова, Филиберта, Кольба, Кетли, Пол-нера, Гюберта, Кониса, Стефенса, Фронже⁶⁵⁾). Достаточно взглянуть на этотъ списокъ, чтобы убѣдиться, изъ какихъ раз-нообразныхъ элементовъ слагалось подъ могучею эгидою герцога высшее коммерческое сословіе Одессы. Въ сословіи этомъ, равно какъ и во всемъ населеніи города и Новороссійскаго края, мирно сливались для общей культурной работы представители самыхъ разнородныхъ національностей, и всѣ они смотрѣли на Ришелье ни какъ на своего начальника, а какъ на своего покро-вителя и отца.

Торговля Одессы возростала подъ управлениемъ Ришелье съ изумительною быстротою. Въ 1805 году, черезъ два года послѣ пріѣзда герцога, въ одесскій портъ прибыло 643 судна, а пшеницы въ этомъ году вывезено на сумму около трехъ мил-лионовъ рублей. Съ наступленіемъ 1806 года, обстоятельства начали слагаться для торговли самыи неблагопріятныи обра-зомъ. Къ войнѣ, свирѣпствовавшей на западѣ Европы, между Францией и европейскими державами, присоединился еще раз-рывъ между Россіею и Турциею. Повидимому, всѣ торговыя сношенія по Черному морю должны были прекратиться, но гер-цогъ, хорошо понимавшій всѣ гибельныя послѣдствія подобнаго обстоятельства для Одессы и юга Россіи вообще, ходатайство-

валъ передъ особою государя, чтобы, не смотря на войну, турецкимъ подданнымъ разрѣшенъ быль свободный торгъ и пребываніе въ Одесѣ, и чтобы одесский портъ открытъ быль, какъ и въ мирное время, для турецкихъ торговыхъ судовъ. Такая, неслыханная не только для того, но и для всякаго другаго времени, мѣра вызвала аналогичныя распоряженія и со стороны Турціи. Наступило зрелище, небывалое въ исторіи⁶⁶⁾. Въ то самое время, когда русскія и турецкія арміи боролись между собою на Дунаѣ, подданные обѣихъ враждующихъ державъ мирно обмѣнивались своими товарами во всѣхъ портахъ Чернаго моря, и въ одну Одессу прибыло въ теченіе навигаціи 1806 года 399 торговыхъ судовъ, частью турецкихъ, частью нейтральныхъ⁶⁷⁾. Одесса и другіе порты Чернаго моря спасены были, такимъ образомъ, отъ гибельныхъ послѣдствій войны и гуманная идея герцога одержала побѣду надъ дикими, разрушительными силами, задерживающими и въ наши quasi просвѣщенные и гуманные дни истинный прогрессъ культурнаго человѣчества.

Съ твердостью держался герцогъ своей системы свободной торговли въ теченіе 1807, 1808 и 1809 годовъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, не смотря на войну, торговыя сношенія черноморскихъ портовъ съ Турціею происходили безпрепятственно, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвигалось быстрыми шагами впередъ и культурное развитіе Новороссії. Но съ 1810 года обстоятельства нѣсколько измѣнились и побудили Ришелье измѣнить свою систему. Въ Одесѣ получены были извѣстія, что въ Константинополѣ, благодаря неурожаю въ областяхъ европейской Турціи, господствуетъ страшная дороговизна на хлѣбъ и что населеніе оттоманской столицы возлагаетъ всѣ свои надежды на обычную доставку хлѣба изъ русскихъ портовъ. Герцогу казалось, что необходимо воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы вынудить турецкое правительство заключить столь желанный для обѣихъ сторонъ миръ. Исходя изъ этого убѣждѣнія, герцогъ собственною властью запретилъ вывозъ хлѣба въ Турцію изъ Одессы и другихъ черноморскихъ портовъ⁶⁸⁾. Распоряженіе герцога было одобрено высшимъ правительствомъ, но оно оказалось крупною ошибкою. Прошелъ цѣлый годъ, торговля Одессы совершенно упала и гавань опустѣла, но ожидаемаго голода въ Константинополѣ не воспослѣдовало. Изъ Египта, изъ Албании и изъ Сиріи начали доставлять въ изобилии хлѣбъ въ Константинополь, и турецкое правительство, совершенно успо-

коенное на счетъ продовольствія столицы, далеко было отъ всякой мысли о мирѣ. Ришелье понялъ сдѣланную имъ ошибку и рѣшился исправить ее, какъ можно скорѣе. Съ наступленіемъ зимы 1810 года, герцогъ лично отправился въ Петербургъ и, послѣ долгихъ усиленныхъ стараній, успѣль достигнуть отмѣны предложенной имъ самимъ мѣры. Вывозъ хлѣба былъ разрѣшенъ и уже 3-го Мая 1811 года въ Одессу прибылъ съ этимъ важнымъ извѣстіемъ нарочно отправленный герцогомъ курьеръ. По приказанію герцога, курьеръ явился прежде всего на биржу и объявилъ здѣсь во всеуслышаніе привезенное имъ извѣстіе. Этимъ простымъ, но вѣрнымъ средствомъ Ришелье предупредилъ возможность всякихъ недобросовѣстныхъ, частныхъ спекуляцій⁶⁹⁾.

Тщательно слѣдя за общимъ ходомъ торговли, Ришелье не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы не воспользоваться имъ въ интересахъ Одессы и южнаго края вообще. Между прочимъ, ему удалось извлечь громадную выгоду изъ той безпощадной борьбы, которая кипѣла въ это время между властелиномъ Франціи, Наполеономъ, наложившимъ свою жѣлезную руку на весь европейскій материкъ и Великобританіею, тирански владычествовавшею на всѣхъ моряхъ. На континентальную систему, это чудовищное измышеніе Наполеоновскаго деспотизма, Англія отвѣчала безпощаднымъ уничтоженіемъ всѣхъ торговыхъ судовъ, плававшихъ на моряхъ подъ флагомъ Франціи, ея васаловъ и союзниковъ. Франція и ея союзники существенно страдали отъ этой репрессаліи; морская торговля ихъ была уничтожена въ конецъ; ихъ фабрики и мануфактуры ощущали крайній недостатокъ въ сырье материалѣ, необходимомъ для ихъ производства. Особенно чувствителенъ былъ недостатокъ въ турецкихъ товарахъ, преимущественно въ хлопчатой бумагѣ, получаемой въ то время исключительно изъ Египта, Сиріи, Персіи и Индостана. Въ прежнее мирное время складочнымъ пунктомъ и мѣстомъ отправленія этихъ товаровъ являлась Смирна. Теперь, когда морская экспедиція сдѣлалась невозможна, торговля, какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, избрала себѣ новый путь. Товары, назначавшіеся во Францію и другія континентальныя государства западной Европы, направлялись теперь сухимъ путемъ вдоль западнаго побережья Малой Азіи къ берегу Мраморнаго моря. Здѣсь, въ портѣ Артакѣ, они грузились на суда и доставлялись въ Родосто, расположенный на европейскомъ берегу Мраморнаго моря. Изъ Родосто товары

шли сухопутьемъ черезъ европейскую Турцію и Австрію ⁷⁰⁾. Уже съ 1804 года, когда вновь возгорѣлась война между Франціею и Англіею, начала устанавливаться эта новая транзитная дорога, и уже съ этого времени нѣкоторые экспортёры начали направлять свои грузы черезъ Черное море въ Одессу, откуда они двигались черезъ наши юго-западныя стени, Галицію и Австрію, въ Германію и Францію ⁷¹⁾. Это особое развѣтвленіе транзита представляло на первый взглядъ значительное неудобство, такъ какъ путь черезъ Одессу и юго-западную Россію былъ во всякомъ случаѣ кружный и требовалъ большой затраты времени. Неудивительно поэтому, что въ первое время на Одессу шла лишь незначительная часть транзита, но вскорѣ отправители пришли къ убѣждѣнію, что перевозъ черезъ юго-западныя стени, не смотря на потерю времени, обходится значительно дешевле. Такая дешевизна обусловливалась изобилиемъ скота, служившаго для перевозки, даровыи подножнымъ кормомъ и удобными грунтовыми дорогами. Сообразивъ свои выгоды, отправители начали съ 1808 года направлять массу своихъ грузовъ на Одессу. Въ теченіе навигаціи этого года въ одесскій порт доставлено было для транзита громадное количество восточныхъ товаровъ, на сумму около десяти миллионовъ, семи сотъ восьми-десяти семи тысячи рублей ⁷²⁾. Этотъ неожиданный притокъ товаровъ захватилъ Одессу совершенно врасплохъ. Оказался недостатокъ и въ помѣщеніяхъ тогдашняго карантина, и въ личномъ составѣ администраціи, и въ дѣйствовавшемъ регламетѣ и даже въ рабочей силѣ, а между тѣмъ необходимо было принять весь этотъ товаръ, устроить для него склады, обеспечить его дальнѣйшій транзитъ, однимъ словомъ, оправдать надежды экспортёровъ и не упустить ни въ какомъ случаѣ изъ рукъ эту внезапно открывшуюся возможность для обогащенія Одессы и всего прилегающаго края. Герцогъ былъ именно и созданъ для успѣшнаго разрѣшенія такой сложной и столь неожиданно представшей задачи. Его административный геній не затруднился ни на одинъ моментъ передъ изысканiemъ самыхъ вѣрныхъ и скорыхъ средствъ. Съ своею обычно твердою рѣшительностью, никогда не останавлившуюся передъ личною отвѣтственностью тамъ, гдѣ шло общество интересъ, съ твердою увѣренностью въ одобреніи своихъ распоряженій Высочайшею властью, герцогъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, не спрашивая и не дожидаясь разрѣшенія, не теряя времени на безполезную переписку и

формальности. Онъ приказалъ приступить съ наивозможнouю поспѣшностью къ сооруженiu временнаго помѣщенія въ карантинѣ, онъ издалъ своею властью дополнительный регламентъ, нашелъ и организовалъ необходимыя рабочія силы ⁷³⁾. Всѣ распоряженія герцога были утверждены указомъ 26-го Октября 1808 года, въ коемъ разрѣшено было, для ободренія торговли собственно одесскаго порта, отправлять всѣ иностранные товары, кромѣ запрещенныхъ, доставляемыи въ Одессу транзитомъ, въ Молдавію и Валахію, Австрію и Пруссію, а привозимые изъ этихъ странъ на русскую границу товары пропровождать транзитомъ же въ Одессу для отпуска за море ⁷⁴⁾. Тогда-же разрѣшены, для безпощлинного храненія этихъ товаровъ, складочные магазины. Всѣ распоряженія Ришелье получили, такимъ образомъ, санкцію высшаго правительства; но пока получена была эта санкція, Одесса и прилегающій къ ней край извлекли уже, благодаря энергіи герцога, около двухъ миллионовъ чистой прибыли за храненіе и перевозъ 300,000 пудовъ товара и обезпечили, повидимому, за собою транзитъ и на будущее время. И дѣйствительно, транзитъ черезъ Одессу получилъ еще большее развитіе въ 1809 году. Этого мало. Съ этого года Германія, Франція и Италія, лишенныя возможности доставлять свои товары въ Константинополь моремъ, начали направлять ихъ транзитомъ черезъ Одессу. Торговое движеніе въ Одессѣ приняло размѣры колоссальные. У герцога явилась мысль основать, въ виду такого подъема дѣлъ, въ Одессѣ конторы для страхованія грузовъ. Подобныя учрежденія были тогда совершенно неизвѣстны въ Россіи; ихъ не существовало ни въ Петербургѣ, ни въ Ригѣ, но Ришелье не остановился ни передъ новизною, ни передъ трудностью этого дѣла. Онъ самъ нашелъ акціонеровъ среди негоціантовъ и богатыхъ помѣщиковъ; конторы морскаго страхованія кладей были основаны и уже въ слѣдующемъ году доставили своимъ участникамъ чистую прибыль отъ 150 до 200 тысячъ рублей. Широкому развитію одесскаго транзита положенъ былъ, впрочемъ, въ скоромъ времени, неожиданный конецъ деспотическимъ распоряженіемъ Наполеона. Въ 1810 году французское правительство, желая направить весь транзитъ черезъ свои Иллірійскія провинціи, наложило запретительныя пошлины на товары, шедшии во Францію черезъ Страсбургъ, и сняло, наоборотъ, пошлины съ товаровъ, шедшихъ черезъ Италію ⁷⁵⁾.

Съ этого момента транзитный путь через южную Россію, Австрію и Германію заглохъ окончательно.

Съ лѣта 1811 года Одесская торговля оживилась вновь, благодаря разрѣшенію вывоза хлѣба въ Константинополь, но уже съ этого же времени начали ясно обнаруживаться симптомы приближающейся грозной борьбы между Россіею и Франціею. Наступалъ 1812 г. и опасность нашествія Наполеона на Россію сдѣлалась очевидною. Ришелье, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ своего Государя, посвящаемый самимъ Александромъ во всѣ тайны высшей политики, давно уже не сомнѣвался въ неизбѣжности войны. Отдавая полную справедливость несравненному военному генію Наполеона, вѣрно оцѣнивая громадность средствъ, бывшихъ въ распоряженіи завоевателя, герцогъ не сомнѣвался, однако же, ни на минуту въ побѣдѣ Россіи и ея праваго дѣла. Готовясь къ борьбѣ, герцогъ намѣренъ былъ разыграть въ ней двойную роль. Какъ намѣстникъ Новороссійскаго края, онъ считалъ первымъ своимъ долгомъ возбудить патріотизмъ подчиненного ему населенія, вызвать энтузиазмъ къ пожертвованіямъ всякаго рода среди разноплеменныхъ народовъ, заселявшихъ югъ Россіи и организовать для противодѣйствія нашествію всѣ тѣ силы и средства, которыя могли дать управляемыя имъ провинціи. Какъ старый воинъ, какъ пламенный врагъ революціи и ея преемника Наполеона, какъ полководецъ, доказавшій свою опытность и таланты въ войнѣ съ турками и въ экспедиціяхъ противъ Кавказскихъ горцевъ, Ришелье горѣлъ желаніемъ принять личное участіе въ борьбѣ за свободу Россіи и Европы и за права своего законнаго короля. Неоднократно высказывалъ онъ это свое желаніе Государю, и Александръ далъ свое согласіе на личное участіе Ришелье, но прежде всего онъ ожидалъ отъ него другой услуги: возбужденія патріотического одушевленія въ краѣ.

Задача, возложенная, такимъ образомъ, на герцога, могла показаться, на первый взглядъ, крайне трудною, почти неразрѣшимою. Возможно ли было ожидать, чтобы Новороссія, переполненная чуждыми элементами, населенная нѣмецкими колонистами, кочевыми ногайцами и татарами, русскими бѣглыми и сектантами, могла одушевиться идею русскаго патріотизма? Чего, какихъ пожертвованій достояніемъ и жизнью для спасенія Россіи можно было требовать отъ края, въ коемъ вся интеллигенція и материальная богатства сосредоточены были

въ рукахъ иностранцевъ: грековъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, евреевъ, гдѣ можно было встрѣтить всѣ религіи, начиная отъ христіанства и оканчивая грубымъ идолопоклонствомъ, гдѣ ни у кого не могло еще быть ни настоящей родины, ни живаго, национального сознанія. Всякій другой администраторъ отшатнулся бы передъ трудностями задачи, возложенной теперь на Ришелье. Но то, что было тяжело и невозможно для всякаго другаго, было легко и возможно для герцога, на котораго населеніе всей Новой Россіи привыкло смотрѣть, какъ на своего благодѣтеля и отца, къ словамъ котораго относилось оно съ безграницымъ довѣріемъ, примѣру и зову котораго готово оно было слѣдовать всегда и повсюду.

28-го Іюля 1812 г. герцогъ созвалъ въ залѣ клуба представителей всѣхъ сословій и народностей Одессы. Въ пламенной рѣчи, исходившей отъ самой глубины его сердца, изобразилъ онъ страшную опасность, грозившую общему отечеству, Россіи; онъ напомнилъ русскимъ о лежащемъ на нихъ священномъ долгѣ жертвовать своимъ состояніемъ и самою жизнью за спасеніе родины; онъ указалъ имъ на примѣръ Сѣвера Имперіи, готоваго подняться какъ одинъ человѣкъ по зову своего монарха. Обращаясь затѣмъ къ грекамъ, герцогъ напомнилъ имъ о ихъ страданіяхъ подъ игомъ турокъ и о томъ, что сдѣлано было для нихъ Россіею; онъ указалъ имъ на славный примѣръ ихъ предковъ и выразилъ твердую надежду, что они послѣдуютъ ихъ знаменитому примѣру. Обращаясь затѣмъ къ иноземцамъ различныхъ национальностей и исповѣданій, герцогъ напомнилъ имъ о той нуждѣ, которая побудила ихъ оставить прежнее отечество, и томъ спокойствіи, выгодахъ и преимуществахъ, которая обрѣли они въ Россіи. Герцогъ напомнилъ собравшимся и о томъ, что сдѣлано было имъ лично для пользы края и закончилъ такими словами: „Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ и льщу себя надеждою, что заслужилъ нѣкоторое право на вашу признательность. Для блага новаго отечества, для спасенія его, я жертвовалъ и жертвую всѣмъ. Покажите и вы единодушно въ нынѣшній день, что вы истинные россіяне, и я не буду ожидать лестнѣйшей награды за попеченія, которыя имѣлъ о васъ“ ⁷⁶⁾.

Закончивъ свою рѣчь, герцогъ объявиль, что онъ вносить въ священное казнохранилище отечества 40, 00 р., т. е. сумму, равняющуюся всему его личному состоянію ⁷⁷⁾. Неслыханный

энтузиазмъ объяль въ этотъ моментъ всѣхъ присутствующихъ. Со слезами восторга и умиленія спѣшили всѣ принести свою посильную лепту на алтарь отечества. Всѣ сословія, всѣ народности соперничали въ дѣлѣ служенія отечеству. Уже черезъ нѣсколько дней, Ришелль могъ донести государю, что одесские жители дворянскаго сословія пожертвовали 28,316 рублей, жители греческаго сословія 100,000 рублей, жители русскаго сословія 94,000 рублей, а иностранные 18,230 рублей. Съ быстротою степнаго пожара распространился энтузиазмъ изъ Одессы по всему Новороссійскому краю. Повсюду читали воззваніе герцога и повсюду его пламенная рѣчъ, его благородный примѣръ вызывали одинаковое соревнованіе, одинаковую готовность жертвовать на святое дѣло и свое достояніе, и самую жизнь. Пожертвованія во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Новороссійскаго края насчитывались сотнями тысячами, а общая сложность ихъ доходила до двухъ миллионовъ. На ряду съ деньгами жертвовали скотъ лошадей и массу всевозможнаго провианта для арміи. Призывъ герцога къ составленію народнаго ополченія встрѣченъ былъ общимъ восторгомъ. Таврическое дворянство постановило зачислить въ ополченіе всѣхъ дворянъ, способныхъ носить оружіе и всѣхъ крѣпостныхъ, занесенныхъ въ послѣднюю ревизію и годныхъ къ военной службѣ. Русское населеніе, магометане, татары, нѣмецкіе колонисты, однимъ словомъ, люди всѣхъ состояній и племенъ поставляли въ армію рекрутъ и ополченцевъ и заявляли готовность идти въ случаѣ надобности поголовно противъ общаго врага ⁷⁸⁾. Ришелль не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Оказалось, что онъ имѣлъ полное право писать государю, что провинціи, находящіяся подъ его управлѣніемъ, не отстанутъ отъ остальной Россіи ни въ энтузиазмѣ, ни въ пожертвованіяхъ. Весь югъ поднимался какъ одинъ человѣкъ противъ общаго врага. Не ощущалось недостатка ни въ людяхъ, ни въ припасахъ всякаго рода. Уже въ срединѣ юля были сформированы и готовы къ выступленію 64 батальона. Для сформированія народнаго ополченія готово было все, недоставало только достаточнаго количества оружія, о присылкѣ котораго настойчиво ходатайствовалъ герцогъ ⁷⁹⁾. И самъ герцогъ готовъ былъ выступить въ походъ во главѣ своей дивизіи, онъ ожидалъ только послѣднихъ распоряженій государя, но его пламеннымъ желаніямъ не

суждено было осуществиться. Провидѣніе обрекло его на иное, болѣе тяжелое испытаніе. Ему предстояла борьба съ инымъ невѣдомымъ и болѣе страшнымъ врагомъ, нежели Наполеоновскія полчища. Въ первыхъ числахъ Августа въ Одесѣ были констатированы первые случаи восточной чумы. Герцогу приходилось разстаться съ мыслью о личномъ участіи въ войнѣ. Ему самому приходилось просить Государя оставаться въ виду появленія заразы на своемъ посту въ Новороссії. „Не колеблясь“, говорить одинъ изъ его приближенныхъ, „пожертвовалъ Ришелль въ виду новой грозной перспективы, всѣми своими личными склонностями, всѣмъ своимъ вполнѣ законнымъ честолюбіемъ, обязанностямъ своего поста и общественнымъ интересамъ, кои были ввѣрены его попеченію. Вместо того, чтобы спѣшить на поле битвъ и славы, онъ посвятилъ себя дѣлу спасенія жителей Одессы и Новороссійскаго края, глубоко сознавая, что только его личное присутствіе, его примѣръ и его неутомимая дѣятельность могутъ положить предѣлы бѣдствію болѣе страшному по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, нежели самое грозное нашествіе могущественнѣйшаго непріятеля. Принимая свое великодушное и самоотверженное рѣшеніе, герцогъ принесъ своему отечеству болѣе великую и бессмертную услугу, нежели та, которую онъ могъ бы оказать ему на поляхъ битвъ“ ⁸⁰⁾.

Въ концѣ 1812 г. эпидемія обнаружилась почти одновременно въ Одесѣ, въ Феодосіи, на Кубані и въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссії ⁸¹⁾. Число заболѣваній въ началѣ не было особенно велико, но смертность была ужасающая. Не смотря на всѣ мѣры предосторожности, принятые герцогомъ, эпидемія быстро распространялась по Новороссіи, а паника и невѣжество населенія являлись самыми вѣрными и могущественными ея союзниками. Первая карантинная мѣры, учрежденная въ Одесѣ, вызвали съ одной стороны ропотъ въ средѣ эгоистовъ-спекулянтовъ ⁸²⁾, а съ другой оказывались безплодными въ виду пассивнаго сопротивленія населенія. Санитарные комиссары, назначенные герцогомъ, не въ состояніи были исполнять свои обязанности и провѣрять то, что происходило внутри домовъ. „Народъ, невѣжественный, какъ и вездѣ“, говорить очевидецъ, „руководился лишь своими предразсудками, не обращая вниманія на опасность, грозившую его здоровью и жизни. Случалось нерѣдко, что цѣлая семья

толпилась вокруг трупа одного изъ своихъ членовъ, погибшаго отъ чумы, осыпая его прощальными поцѣлуйми, обливая слезами. Результаты получались ужасные. Тщетно убѣждали врачи и комиссары, что всякое прикосновеніе не только къ трупу, но даже къ одеждѣ умершаго отъ чумы переносить неизбѣжно заразу, — никто не обращалъ вниманія на ихъ доводы. Невѣжество торжествовало, и даже самая смерть безумцевъ не останавливалась другихъ подобныхъ имъ слѣдоватъ ихъ примѣру⁸³⁾

Тогда герцогъ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Одесса, вся Забугская часть Херсонской губерніи, Феодосія и всѣ другія зараженныя и сомнительныя мѣстности подвергнуты были строжайшей карантинной обсервациіи и отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ сосѣдними областями. Въ самой Одессы герцогъ не останавливался ни передъ какими мѣропріятіями для подавленія эпидеміи. Не дожидаясь разрѣшенія высшей власти, герцогъ взялъ изъ отдѣленія государственного банка денежныя суммы, необходимыя для борьбы съ чумою⁸⁴⁾, сжегъ всѣ постройки въ Карантинной и Военной балкѣ, гдѣ зараза свила себѣ главное гнѣздо, и вывелъ рабочее населеніе, тѣснившееся въ этихъ кварталахъ, въ заранѣе устроенные имъ бараки. Далѣе онъ взялъ въ свои руки продовольствіе всего неимущаго класса и наконецъ съ 22-го Ноября установилъ въ Одессы общій карантинъ. Прервано было всякое сношеніе между жителями, изолированъ каждый домъ и каждая семья, организованы особые отряды людей для доставленія припасовъ въ дома, для перевозки больныхъ въ особые лазареты, для погребенія умершихъ⁸⁵⁾.

Изолирия всѣхъ и все, герцогъ не изолировалъ только самаго себя. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ему и самоотверженныхъ лицъ, въ томъ числѣ аббата Николя и Испанскаго консула⁸⁶⁾, онъ безстрашно появлялся именно тамъ, гдѣ чума свирѣпствовала съ наибольшою силою. Онъ исповѣдывался и причастился въ эти тяжелые дни и готовъ былъ къ смерти. Для него и его немногихъ спутниковъ не было болѣе ни отдыха ни настоящаго сна. День и ночь видѣли ихъ посѣщающими госпитали, заботящимися о больныхъ, помогающими бѣднымъ; съ лопатою въ рукахъ помогалъ герцогъ закапывать умершихъ и изъ рукъ умирающихъ принималъ онъ на свое попеченіе сиротъ⁸⁷⁾. И сама зараза, въ виду его героизма, не осмѣшивалась посягнуть на его жизнь.

Благородныя и разумныя усилія герцога не замедлили принести свои плоды. Результатъ карантинныхъ мѣръ не замедлилъ сказаться какъ въ самой Одессы, такъ и въ другихъ зараженныхъ мѣстахъ. Въ теченіе Декабря мѣсяца 1812 г. смертность быстро уменьшалась, а 7-го Января 1813 г. Одесса была объявлена свободною отъ чумы. Благодѣтельная дѣятельность герцога не ограничивалась предѣлами одной Одессы и ея окрестностей. Онъ находилъ время посѣтить во время эпидеміи всѣ зараженные мѣстности ввѣренного ему края, и повсюду его появленіе возстановляло тишину и порядокъ, утѣшало и ободряло жителей. Онъ обратилъ весь край въ цѣлый рядъ строгихъ карантиновъ, и нигдѣ эта спасительная, хотя и суровая, мѣра не вызвала не только сопротивленія, но даже ропота со стороны жителей. Населеніе оказалось на высотѣ своей задачи; воодушевляемое примѣромъ герцога, оно съ твердостью и съ достоинствомъ перенесло всѣ обрушившися на него тяжелыя испытанія. Можно сказать, не ошибаясь, что дѣятельность Ришелье по борьбѣ съ чумою не нашла себѣ достаточной оценки и по настоящее время. Зараза вторгнулась въ Новороссію при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и Ришелье долженъ былъ вести борьбу съ нею при условіяхъ крайне невыгодныхъ. Отрѣзанный отъ остальной Россіи непріятельскимъ нашествіемъ и карантиномъ, лишенный достаточныхъ материальныхъ средствъ и вооруженной силы, онъ вынужденъ былъ создавать самъ средства для борьбы и принимать на свою личную отвѣтственность такія мѣры, предъ которыми задумался бы всякий другой, менѣе рѣшительный человѣкъ. Спрашивается, чтосталось бы съ Россіею, занятою чуть не на половину непріятелемъ, если бы зараза успѣла проложить себѣ путь въ сердце Имперіи? Ришелье заградилъ ей всѣ пути на сѣверъ, онъ задушилъ ее въ Новороссіи и оказалъ этимъ безсмертную услугу своему новому отечеству⁸⁸⁾.

Тяжелы были послѣдствія стихійныхъ бѣдствій, обрушившихся на Новороссію въ теченіе 1812 года. Крайнее напряженіе силь, вызванное патріотическимъ движениемъ, чума и ея неизбѣжное послѣдствіе — карантины, парализовавшіе всякое торговое движение въ краѣ, отрѣзавшіе на долгое время всѣ сношенія съ остальнымъ міромъ, суровая зима 1812 года, погубившая массу скота, и наконецъ скудный урожай 1813 г., повергли страну въ крайне печальное положеніе. Паника, вызванная эпидеміею, побудила правительство принять самыя стѣснительныя мѣры по

отношению къ торговлѣ. Чума прекратилась уже давно, въ Одессѣ не было уже около года ни одного случая заболѣванія, а между тѣмъ вывозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Одессы по прежнему былъ строго воспрещенъ. Одесская торговля несла вслѣдствіе этого запрещенія колоссальные убытки; складочные магазины были завалены массою хлопчато-бумажныхъ, шелковыхъ, полотняныхъ издѣлій; многія торговая фирмѣ совершенно разорились. А тутъ еще истекалъ срокъ безпошлиного храненія товаровъ въ складочныхъ магазинахъ карантина, и требованія таможенного вѣдомства о немедленной уплатѣ причитающихся ему суммъ грозили конечною катастрофою многимъ торговымъ домамъ⁸⁹⁾). Караантинное опѣпленіе Херсонской и Таврической губерній, продолжавшееся безъ всякой нужды и вопреки совѣтамъ дюка до самой весны 1814 года, отозвалось на благосостояніи всего населенія этихъ еще недавно цвѣтушихъ областей. „Совершенное прекращеніе нашихъ сношений съ сосѣдними губерніями“, писалъ Ришелье, „лишило насъ всякой возможности доставать необходимое для насъ и сбывать излишekъ нашего производства. Зимою 1813—1814 г. четверть ржаной муки продавалась въ Елисаветградскомъ уѣздѣ по 12—13 рублей, тогда какъ въ предѣлахъ Киевской губерніи, за какихънибудь 30—40 верстъ, она стоила отъ двухъ до трехъ рублей. Несчастные крестьяне Херсонской губерніи вынуждены были продавать, вслѣдствіе безкормицы, свой скотъ за безцѣнокъ, по 10 руб. за корову и по 50 руб. за пару воловъ. Безчисленные карантинные кордоны, поддерживаемые безъ всякой надобности въ теченіи цѣлаго года послѣ прекращенія болѣзни, отнимали отъ сельскихъ работъ большую часть рукъ, и мы не въ состояніи были собрать даже скучной жатвы 1813 г. Я не буду говорить о массѣ людей, погибшихъ на коронахъ отъ холода, голода и болѣзней, не стану повторять исчисление убытокъ, нанесенныхъ нашему скотоводству сурою зимою 1812 г.“⁹⁰⁾.

Всею душою скорбѣль герцогъ о бѣдствіяхъ, обрушившихся на управляемый имъ край. Истощая свои силы въ борьбѣ съ неразумною ревностью администраторовъ сосѣднихъ губерній, съ недобросовѣстностью и продажностью лицъ, облеченныхъ волею правительства самими широкими полномочіями, герцогъ лишенъ былъ въ то же время возможности искать защиты и помоши у престола Государя. Императоръ Александръ I находился далеко за предѣлами Россіи. Занятый важнѣйшими воен-

ными и политическими дѣлами, онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности помнить о тяжеломъ положеніи Новороссіи и вести свою обычную переписку съ Ришелье. Дюкъ пробовалъ обращаться къ министру финансовъ Гурьеву. Въ краснорѣчивомъ письмѣ къ нему отъ 9 Февраля Ришелье говорилъ, между прочимъ: „Жатва 1813 года была болѣе нежели скучная. Засуха, продолжавшаяся до самого июня, и ливнѣ, вслѣдъ затѣмъ, до самого сентября дожди, уничтожили надежды земледѣльца. Но если бы урожай оказался и обильнымъ, то мы не въ состояніи были бы убрать его, благодаря системѣ кордоновъ. Непрерывныя, обязательныя работы, содержаніе почтъ,—измучили окончательно населеніе. И при такомъ положеніи дѣль страна эта не только не получила ни малѣйшей помощи отъ правительства, но и была еще обременена частыми рекрутскими наборами и усиленными и чрезвычайными налогами. Недоимки взыскивались безъ всякаго послабленія и съ крайнею беспощадною строгостью; не принималась даже во вниманіе абсолютная невозможность уплаты. Подобное положеніе дѣль безпримѣрно во всей исторіи. Повсюду и всегда правительства приходять на помощь провинціямъ, постигнутымъ какимъ либо бѣдствіемъ, а тутъ, послѣ трехъ самыхъ страшныхъ бичей, ниспосыпаемыхъ когда либо небомъ на смертныхъ, всѣ повинности и поборы взимаются съ удвоенною строгостью и безъ всякаго снисхожденія. Я знаю, что нужды государства громадны, настоятельны, мнѣ не пришло бы въ голову просить какихъ либо освобожденій и милостей, если бы непріятель стоялъ въ нашихъ предѣлахъ, но въ настоящій моментъ, когда всякая опасность устранина, неужели же Россія нуждается въ одномъ лишнемъ миллионѣ, когда дѣло идетъ о благосостояніи одной изъ лучшихъ частей имперіи? Я получаю отовсюду самыя печальныя донесенія о положеніи сельскаго населенія; арестантскія роты въ Херсонѣ уже переполнены людьми, посаженными туда за неплатежъ недоимокъ, а масса другихъ сами просятъ, чтобы ихъ отвели туда-же. Крестьяне положительно не въ состояніи платить, они продаютъ свое послѣднее имущество, а черезъ два года, а можетъ быть и раньше, они перемрутъ съ голода, если правительство не возьметъ на свой счетъ ихъ продовольствія. Сердце мое обливается кровью, когда я подумаю, въ какую ништу впали эти бѣдные люди въ теченіе двухъ лѣтъ изъ того довольства, которымъ пользовались они. Не подумайте, чтобы я рисовалъ слишкомъ мрачными красками; приведенныхъ

мною причинъ вполнѣ достаточно, чтобы разорить любую страну. Всѣ наши желанія сводятся къ освобожденію отъ податей на три года и къ прощенію недоимокъ. Если правительство нашло возможнымъ сдѣлать всевозможная облегченія для винныхъ откупщиковъ, въ томъ числѣ для Екатеринославской губерніи, потерпѣвшей такъ мало отъ чумы, то неужели оно будетъ поступать такъ строго съ нашимъ несчастнымъ крестьянствомъ? Я не могу повѣрить этому, хорошо зная духъ нашего правительства, тотъ характеръ кротости и благотворительности, которымъ отличалось оно всегда⁹¹⁾.

Настойчивыя жалобы и требованія дюка не нашли на первыхъ порахъ законнаго удовлетворенія. Только рѣшительная побѣда союзниковъ, низложеніе Наполеона и заключеніе первого Парижскаго мира дали, наконецъ, Императору Александру I возможность удовлетворить желаніе собственнаго сердца и даровать всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ всѣ зависѣвшія отъ него облегченія. Возстановленіе европейскаго мира повлекло, однако же, за собою и одно крайне тяжелое послѣдствіе для Одессы и всего Новороссійскаго края; они лишились главнаго виновника своего благоденствія, своего неутомимаго покровителя и ходатая, дюка де-Ришелье. Съ восторгомъ привѣтствовалъ Ришелье паденіе Наполеона и возвращеніе старой королевской династіи на престоль Франціи⁹²⁾, охотно послѣдоваль онъ зову Императора Александра, пригласившаго его на конгрессъ въ Вѣну, но продолжительная разлука съ Одессою и краемъ, которые онъ такъ полюбилъ, съ интересами которыхъ онъ такъ сроднился, казалась ему страшно тяжелою. Правда, герцогъ не могъ помышлять въ этотъ моментъ серьезно о вѣчной разлукѣ съ любимымъ краемъ, правда, онъ разсчитывалъ возвратиться въ скоромъ времени на свой постъ, но какое то смутное предчувствіе говорило ему, что разлука эта будетъ навсегда. И странное дѣло, — подобное же предчувствіе овладѣло всѣми жителями города и края съ того момента, какъ только распространилось извѣстіе о предстоящемъ отѣзѣ герцога. Трудно изобразить тѣ чувства глубокой, истинной скорби, которая овладѣла всѣмъ населеніемъ въ этотъ моментъ. Особенно велика была печаль въ Одессѣ, гдѣ не было ни одного человѣка, который не зналъ бы герцога, гдѣ всѣ знатные и простые, богатые и бѣдные привыкли смотрѣть на Ришелье, какъ на своего отца и

благодѣтеля. Когда наступилъ горестный день отѣзда, 26-го Сентября 1814 г., то все населеніе города вышло провожать герцога. Многіе поѣхали до первой станціи и здѣсь почитателями дюка устроенъ былъ прощальный обѣдъ. Число собравшихся доходило до 200 человѣкъ. Настроеніе было самое тяжелое; напрасно старались скрыть присутствующіе свои чувства, они силою вырывались наружу. Наконецъ, наступилъ послѣдній моментъ. Кто-то провозгласилъ прощальный тостъ за счастливое путешествіе и скорое возвращеніе дюка. Раздались крики ура, но они были заглушены подавленными рыданіями. Дюкъ собирался сѣсть въ экипажъ, но въ эту минуту всѣ присутствующіе бросились къ нему и окружили его, какъ окружаютъ дѣти своего отѣзжающаго отца. Всякій старался обнять герцога, поцѣловать его руку, или хотя прикоснуться къ краю его одеждъ. Каждый силился выразить по своему свою горесть, свои пожеланія, свою надежду. Окруженный рыдающею толпою, герцогъ заплакалъ самъ. „Отпустите меня, друзья мои“, сказалъ онъ наконецъ, не разрывайтъ моего сердца⁹³⁾. И присутствующіе поняли, что надо положить конецъ тяжелой сценѣ. На рукахъ понесли герцога и усадили его въ экипажъ. Напутствуемый всеобщими молитвами и благословеніями, оставилъ навсегда дюкъ тотъ край, надъ возрожденiemъ котораго работалъ онъ такъ неутомимо и съ такою страстью любовью въ теченіи лучшихъ II лѣтъ своей жизни⁹⁴⁾.

Результаты дѣятельности Ришелье говорять сами за себя. Современники оцѣнили ихъ по достоинству, но неблагодарное потомство уже начало забывать герцога⁹⁴⁾. Неудивительно, что простой народъ, обитающій въ Одессѣ, утратилъ въ настоящее время всякое представленіе о Ришелье, что онъ съ недоумѣніемъ смотрѣтъ на статую герцога, красующуюся на Николаевскомъ бульварѣ. Несравненно удивительнѣе то, что современная Одесса такъ мало знаетъ своего величайшаго гражданина, что она такъ мало чтить его память. И въ самомъ дѣлѣ, въ Одессѣ есть Ришельевская улица, есть Ришельевская гимназія и есть еще совершенно заброшенный Дюковскій садъ, который такъ любилъ герцогъ, въ которомъ работалъ онъ такъ много, гдѣ проводилъ онъ пріятнѣйшіе часы своего досуга. Но, спрашивается, кому изъ современныхъ обывателей Одессы приходитъ при этихъ названіяхъ въ голову хотя сколько-нибудь ясное представление о герцогѣ Ришелье и его значеніи для Одессы и всего

юга Россії? А печальная, еще свѣжая въ памяти, исторія съ возстановленіемъ Дюковскаго сада, развѣ она не показываетъ ясно, что громадное большинство современныхъ одесситовъ не хочетъ знать своей исторіи, не желаетъ уважать памяти своихъ великихъ людей.

Далеко не такъ относились къ дюку его ближайшіе преемники по управлению городомъ и краемъ. Графъ Ланжеронъ, назначенный Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ на мѣсто герцога, считалъ себя прямымъ продолжателемъ дѣла, начатаго Ришелье, и старался управлять Одессою и краемъ въ его духѣ. По всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ онъ списывался и совѣтовался съ герцогомъ, который въ свою очередь не забывалъ ни на одинъ моментъ Одессы и Россіи, слѣдилъ съ сердечнымъ участіемъ за ихъ успѣшнымъ развитиемъ и лаваль самые благіе совѣты въ этомъ смыслѣ. При Ланжеронѣ въ исторіи Одессы совершился знаменательнѣйший и благодѣтельнѣйший по своимъ послѣдствіямъ поворотъ. 16-го Апрѣля 1817 года учреждено было въ Одессѣ порто-франко. Кому не извѣстно значеніе этого учрежденія въ исторіи нашего города, кто станетъ отрицать, что безъ порто-франко Одесса никогда бы не сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ является она въ настоящее время. А между тѣмъ и идея этого учрежденія всецѣло принадлежитъ Ришелье. Принципіальный сторонникъ экономической свободы, онъ ясно созналъ все значеніе для юга Россіи подобнаго учрежденія и явился ходатаемъ за его осуществленіе предъ Императоромъ Александромъ. Подробный мемуаръ, присланный имъ по этому вопросу Императору, разсѣялъ сомнѣнія государя и подалъ первый толчокъ къ осуществленію этого великаго дѣла ⁹⁵⁾.

Въ томъ-же 1817 году совершилось и другое знаменательное событие въ жизни Одессы. 2-го Мая открыто было высшее учебное заведеніе — Ришельевскій лицей. Уже одно имя, данное этому учрежденію, показываетъ, кто былъ его истиннымъ основателемъ. И здѣсь графъ Ланжеронъ явился лишь вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній дюка, и въ этомъ дѣлѣ онъ руководился его совѣтами и указаніями. Эпоха Ланжерона, благодаря отчасти случайному обстоятельствамъ, повсемѣстному неурожаю на западѣ Европы и необычайно обильной жатвѣ на югѣ Россіи, была одною изъ выдающихся въ исторіи одесской торговли. 1816 и 1817 годы и по сию пору могутъ считаться совершенно необычными и выдающимися въ исторіи одесского

экспорта. Въ 1816 году общій оборотъ отпускной торговли въ Одессѣ возвысился до 37,700,000 рублей, въ томъ числѣ вывезено было одной пшеницы на 33 миллиона. Въ 1817 году экспортъ русскихъ продуктовъ за-границу усилился еще болѣе и достигъ до колоссальной цифры 40,000,000 рублей. Широкая волна богатства хлынула чрезъ ворота Одессы на весь югъ Россіи.

1822-й годъ долженъ считаться чернымъ въ исторіи Одессы. Въ этомъ году сошѣль со сцены преемникъ дюка, графъ Ланжеронъ, уволенный указомъ отъ 17-го Іюля, для излеченія за границу. И въ этомъ-же году, 2-го Мая, скончался и истинный основатель Одессы, дюкъ де-Ришелье. Герцогъ умеръ какъ-разъ среди приготовленій къ поѣздкѣ въ Одессу, „неотступно приковывавшей его взоры“. „Я оплакиваю герцога Ришелье, какъ истиннаго друга“, сказалъ Александръ I франпузскому послу при получении извѣстія о его кончинѣ, „говорившаго мнѣ истину. Заслуги егоувѣковѣчиваются благодарность всѣхъ честныхъ русскихъ людей“ ⁹⁶⁾). Вся лучшая часть русскаго общества раздѣляла скорбь своего монарха по усопшемъ. Имя Ришелье навсегда слилось въ сознаніи русскихъ людей съ именемъ Одессы.

Преемникъ Ланжерона, графъ М. С. Воронцовъ, продолжалъ дѣйствовать въ духѣ Ришелье. Стоить припомнить весь характеръ его долголѣтнаго управления, его неусыпное попеченіе о развитіи Одессы и ея торговли, о сохраненіи порто-франко, его гуманное отношеніе къ иностранцамъ, его заботы о благоустройствѣ и украшеніи города, о насажденіи и развитіи просвѣщенія, чтобы убѣдиться, что Воронцовъ работалъ въ духѣ Ришелье, что онъ продолжалъ начатое имъ дѣло. Послѣ ухода Воронцова и прекращенія порто-франко начинается новый періодъ въ исторической жизни Одессы. Городъ продолжаетъ рости и развиваться во всѣхъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постепенно измѣняетъ свой характеръ, превращается изъ города разноплеменного въ городъ русскій. Эта метаморфоза пока еще далеко не закончилась. Одесса и по сию пору можетъ еще считаться до извѣстной степени городомъ разноплеменнымъ; старыя черты, столь хорошо подмѣченныя Пушкинъ, еще не успѣли изгладиться изъ ея физіономіи. Безъ сомнѣнія, Одессѣ предстоитъ еще большая будущность; не слѣдуетъ полагать, что кризисъ, переживаемый нынѣ городомъ, обозначаетъ собою уже начало упадка. Но для истиннаго поднятія города необходимо прежде всего поднятіе духа

его обитателей. Пусть вспомнятъ одесситы какими путями поднялся и развился ихъ городъ, пусть сознаютъ они, что ихъ будущность зависитъ прежде всего отъ ихъ самодѣятельности, отъ вѣрнаго пониманія своихъ интересовъ и отъ неуклоннаго служенія благу общему на ряду съ благомъ личнымъ. Прошлое Одессы даетъ въ этомъ отношеніи самые поучительные уроки. Не мѣшаетъ оглянуться сознательно на это прошлое, хотя бы въ виду истекающаго столѣтія существованія города Одессы.

Примѣчанія къ I-й Главѣ.

- 1) В. А. Яковлевъ. Къ исторіи заселенія Хаджибая. Одесса, 1889 года, стр. 5, 6.
- 2) Кому неизвѣстны заботы Екатерины II и князя Потемкина объ этихъ трехъ городахъ. См. М. Пр. рукописное дѣло, хранящееся въ Библіотекѣ Общества Исторіи и Древностей, подъ заглавіемъ: „Разсмотрѣніе актовъ предполагавшихся въ исторической архивѣ“.
- 3) Остатки эти, по словамъ специалистовъ-знатоковъ, крайне ничтожны, да и самое мѣстонахожденіе подвергнуто большому сомнѣнію.
- 4) Мнѣніе о существованіи двухъ Одессъ опирается, главнымъ образомъ, на авторитетъ Делиля. См Атласъ его, изданный въ Амстердамѣ въ первой половинѣ XVIII в.
- 5) См. статью Бруна, Труды Одесского Статистического Комитета, в. I, стр. 15.
- 6) Мнѣніе Беккера, см. статью его въ Запискахъ Одесского Общества Исторіи и Древностей, III, стр. 202.
- 7) Ссылки на польскихъ авторовъ см. у В. А. Яковлева къ исторіи заселенія Хаджибая и у А. Орлова, Исторический очеркъ Одессы, стр. XIII.
- 8) Cromeri de origine et rebus gestis Poloniae, Lib. XVIII.
- 9) Труды Одесского Статистического Комитета, в. III, стр. 48.
- 10) А. Скальковскій, Статистическое описание Новороссійского края, Т. II, стр. 468.
- 11) См. описание Хаджибейской крѣпости у К. Смольянинова, Исторія Одессы, 1853, составленное по показаніямъ Грека Антона Феогности и другихъ старожиловъ, стр. 13, 14.
- 12) В. А. Яковлевъ. Къ исторіи заселенія Хаджибая, стр. 13.
- 13) А. А. Скальковскій. Первое 30-лѣтіе города Одессы. Одесса, 1837.
- 14) Подробности завоеванія Хаджибая см. у Скальковскаго, 30-лѣтіе Одессы и Смольянинова, Исторія Одессы.
- 15) В. А. Яковлевъ. Къ исторіи заселенія Хаджибая.
- 16) П. Левашевъ. Любопытная исторія славнаго города Одессы. Изд. 2. Одесса. 1844 г.
- 17) В. А. Яковлевъ. Къ исторіи заселенія Хаджибая, стр. 16.
- 18) А. Скальковскій. Тридцатилѣтие Одессы. Тамъ-же ссылка на подлинный документъ, стр. 27.

- 19) В. А. Яковлевъ. Къ исторії заселенія Хаджибея, стр. 49, 50.
 20) А. Орловъ. Исторический очеркъ Одессы, стр. 33 и слѣд.
 21) О похищении женщины см. любопытный документъ, напечатанный
 В. А. Яковлевымъ въ Запискахъ Одесского Общества Исторіи и Древностей,
 Т. 15, стр. 681 — 82.
 22) Подробности у Скальковскаго и Смольянинова.
 23) Скальковскій. 30-лѣтіе Одессы.
 24) Текстъ обоихъ реескриптовъ см. у Смольянинова.
 25) В. Яковлевъ. Къ исторії заселенія Хаджибея, стр. 8.
 26) А. Скальковскій. Тридцатилѣтіе Одессы, стр. 36, 37.
 27) Напрасно стали-бы мы искать отвѣта на эти вопросы въ документахъ,
 такъ какъ они не говорятъ ни слова о пребываніи Гавріила въ Хаджибѣ.
 28) А. Орловъ. Историч. очеркъ Одессы, стр. 76 и слѣд. В. Яковлевъ,
 „Когда заложены были первыя церкви въ Одессѣ“, Южный Сборникъ. Одесса.
 1892 года.
 29) В. Яковлевъ. „Когда заложены были первыя церкви въ Одессѣ“.
 30) Объ ассигнованіи суммъ см. Скальковскаго, Смольянинова и Орлова.
 Копія съ Высочайшаго реескрипта объ ассигнованіи суммъ на постройку порта
 находится въ рукописномъ дѣлѣ, хранящемся въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи
 и Древностей.
 31) О расходованіи суммъ см. Смольянинова, гдѣ и ссылки на документы.
 32) Свѣдѣнія о Де-Рибасѣ находимъ у всѣхъ историковъ Одессы, въ
 военныхъ реляціяхъ того времени, въ его собственныхъ ордерахъ и письмахъ,
 изданныхъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей.
 33) Де-Воланъ получилъ за эти работы Высочайшую денежную награду—
 10,000 рублей.
 34) Журналъ экспедиціи строенія города найденъ Смольяниновымъ въ
 архивѣ Одесского строительного комитета.
 35) „О переименованіи Гаджибея въ Одессу“, говоритъ Орловъ, „ни въ
 полномъ Собраниі Законовъ, ни въ архивныхъ документахъ указаній не имѣется“.
 Истор. очеркъ Одессы, введеніе, стр. XI.
 36) Смольяниновъ. Исторія Одессы, стр. 44, 45. Полное Собрание Законовъ. Т. XXIII, стр. 642.
 37) А. Орловъ. Исторический очеркъ Одессы, введеніе, стр. XI.
 ✓ 38) Полное Собрание Законовъ. Т. XXIII, стр. 686.
 ✓ 39) О Кесоглу и его дѣяніяхъ см. въ особенности. Орловъ, Исторический
 очеркъ Одессы, стр. 5 и слѣд.
 40) Смольяниновъ, стр. 68 — 70.
 41) Полное Собрание Законовъ. Т. XXIII, стр. 933.
 42) Подробности о переписи Де-Рибаса см. у Смольянинова, стр. 52, 53.
 43) Какъ доказано это окончательно архивными данными, опубликован-
 ными у А. Орлова.
 ✓ 44) О злоупотребленіяхъ Кесоглу см. особую главу у А. Орлова, со-
 стоящую исключительно изъ архивныхъ данныхъ. Исторический очеркъ Одессы,
 II ч. Заселеніе города и злоупотребленія греческаго попечителя подполковника
 Кесоглу.
 45) О бѣгствѣ поселенцевъ за границу, см. архивныя данныя у А. Орлова,
 стр. 16, 17.
 46) Полное Собрание Законовъ. Т. XXIV, стр. 3, 229, 255.
 47) Де-Рибасъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ чинѣ адмирала
 2-го декабря 1800 года.

- 48) Рескриптъ на имя Бердяева гласить такъ: „Господинъ генераль-
 лейтенантъ Бердяевъ. Войдите въ разсмотрѣніе хозяйства по земству въ Одесѣ,
 распорядя межеваніе и при томъ смотрѣть, чтобы въ однихъ рукахъ никакого
 рода монополій не было. Павелъ“.
 49) Подробности въ высшей степени интересной ревизіи Лорера см. у
 Смольянинова, стр. 76 и слѣд. и у Орлова, гл. 3.
 50) Полное Собрание Законовъ. Т. XXIV, стр. 614.
 51) О дѣятельности Магистрата см. у Орлова и Смольянинова.
 ↓ 52) Кесоглу погибъ отъ руки неизвѣстнаго убийцы. См. статью В. А.
 Яковлева въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“. О голодѣ 1799 года, статью его же въ
 Южномъ Сборникѣ. 1802. О землетрясеніи см. Смольянинова, стр. 106.
 53) См. книга журналовъ Одесского Магистрата. Ссылка у Смольянинова,
 стр. 108.
 54) Скальковскій, Смольяниновъ.
 55) Скальковскій, Смольяниновъ.
 56) Дѣло Одесской градской думы. 1801 г. № 8.
 57) Дѣло Одесского Магистрата, № 97.
 58) Ордеръ Президента Коммерцъ-Коллегіи Князя Гагарина Надв. Сов.
 М. Кириакову. Приложеніе 4 къ 30-лѣтію Одессы А. Скальковскаго.
 59) Комміssія для отстройки Одесской гавани состояла изъ слѣдующихъ
 лицъ: полковникъ Чехненко, хранитель казны; надворный совѣтникъ Бицилій,
 коллекцій ассесоръ Григорій Кириаковъ, купцы: Иванъ Кафаджи и Андрей
 Желѣзновъ — смотрителями работъ; подпоручикъ Кривчиковъ и купецъ Георгій
 Патеракъ — пріемщиками матеріаловъ. Производителями работъ были назна-
 чены: инженеръ-полковникъ Харламовъ и шляхтный мастеръ Вассеникъ. Книга
 журналовъ Одесского Магистрата за 1800 годъ, цитируемая у Смольянинова,
 стр. 116.
 60) Книга Павла Сумарокова издана въ Москвѣ въ 1800 г., она заклю-
 чаетъ въ себѣ 238 с.
 61) Сумароковъ одинако-же замѣчаетъ, что Одесса сильно упала вслѣдствіе
 всеобщей войны 1799 г.
 62) А. Орловъ. Исторический очеркъ Одессы, стр. 75, 76.
 63) Письмо графа Н. П. Румянцева герцогу Ришелье 14-го мая 1803 г.
 Сборникъ Исторического Общества. Т. 54, стр. VIII.

Примѣчанія ко II-й главѣ.

1) Полное Собрание Законовъ. Т. XXVI, стр. 699. О выборахъ въ новый магистратъ и о закрытии старого, т. е. иностранного магистрата, см. ссылку на дѣло Одесской градской полиціи у Смольянинова, стр. 117.

2) Полное Собрание Законовъ. Т. XXVII, стр. 25.

3) Текстъ реокрипта Румянцеву у Смольянинова, стр. 124.

4) Ришелье фактически оставилъ Одессу 26-го сентября 1814 г.,名义上 онъ оставался въ своей должности до 18-го ноября 1815 г.

5) Memoire sur Odessa, par le duc de Richelieu. Сборникъ Исторического Общества. Т. 54, стр. 369—370.

6) Главнѣшими документальными материалами для исторіи Ришелье вообще, и для его дѣятельности въ Россіи, въ частности, является въ настоящее время издание Императорскаго Историческаго Общества. Т. 54, подъ заглавиемъ:

Герцогъ Армандъ-Эммануиль Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и дѣятельности. Въ это драгоценное изданіе, кромѣ писемъ, записокъ и меморій самого лука де-Ришелье, вошли многія письма Императора Александра I, графа Кочубея, графа Румянцева и другихъ лицъ, а также въ высшей степени интересныя записки и замѣтки о герцогѣ и его жизни: его супруги м-ме де-Ришелье, графа Ланжерона, графа Лене и извѣстнаго современника и близкаго къ Ришелье него-шантца Сикара. Важнымъ источникомъ для исторіи дѣятельности Ришелье въ Одесѣ и южной Россіи являются также записки его племянника графа де-Рошешуара, изданная въ 1889 году подъ заглавиемъ: Souvenirs sur la revolution, l'empire et la Restauration. Чрезвычайно интересныя данныя встрѣчаются также въ сочиненіи маркиза Г. де-Кастельно, друга герцога Ришелье, бывшаго испанскаго консула въ Одесѣ, подъ заглавиемъ: Essai sur L'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie etc. въ III томахъ, изд. въ Парижѣ въ 1820 г. Важныя документальныя данныя для исторіи администраціи герцога Ришелье найдены были въ мѣстныхъ Новороссийскихъ архивахъ А. Скальковскимъ и отчасти опубликованы въ его трудахъ по исторіи края. Изъ позднѣйшихъ трудовъ отмѣтимъ, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи реставраціи во Франції: Волабеля и Виль-Кастеля, монографію Л. Пэнго: Duc de Richelieu en Russie».

7) Свѣдѣнія о воспитаніи герцога мы получаемъ изъ биографическихъ замѣтокъ его супруги, графа Ланжерона и графа Лене. Сборникъ И. И. Об. Т. 54, стр. 2, 9—II, 79—80.

8) Свѣдѣнія о т-ме де-Ришелье въ источникахъ, цитированныхъ въ примѣч. 7.

9) Кромѣ первого своего путешествія, Ришелье еще два раза посѣщалъ Вѣну до начала революціи. Во время этихъ поездокъ онъ былъ принятъ любезно императоромъ Йосифомъ II и близко сошелся съ молодымъ принцемъ Карломъ де-Линемъ, сыномъ извѣстнаго фельдмаршала. См. цитированныя уже биографическія замѣтки о герцогѣ.

10) См. Записку графа Ланжерона. С. И. И. Об., стр. 13.

11) Объ этомъ путешествіи Ришелье мы имѣемъ подробный и въ высшей степени интересный разсказъ самого герцога, напечатанный въ С. И. И. Об. Т. 54, стр. 111—198, подъ заглавиемъ: Journal de mon voyage en Allemagne.

12) Journal de mon voyage, стр. 141.

13) Journal de mon voyage, стр. 147—149.

14) Подробное описание осады и штурма Иззайла см. у самого герцога въ Journal de mon voyage, стр. 150—193, а также записки Ланжерона, стр. 14—21.

15) Сб. И. И. Об. Т. 33, стр. 522.

16) Сб. И. И. Об. Т. 54, стр. 198. Extrait du proces verbal de l'Assemblée National, 25 июля 1791 г.

17) Сб. И. И. Об. Т. 54, введеніе, стр. VI.

18) Подробности проекта въ Сб. И. И. Об. Т. 54, стр. 201—208.

19) Сб. И. И. Об. Т. 54, введеніе, стр. VI.

20) Замѣтки Ланжерона. Тамъ же говорится, что Павелъ ненавидѣлъ полкъ военнаго ордена, такъ какъ онъ былъ наполненъ шпионами, которые слѣдили за нимъ при Екатеринѣ II. Сб. И. И. Об. ст. 24. Другое, впрочемъ, мало вѣроятное сказаніе о причинахъ немилости Павла I къ Ришелье см. у Лене, тамъ-же 81 стр.

21) Note de la duchesse de Richelieu sur le Duc de Richelieu. Сб. И. И. Об. Т. 54, стр. 6.

22) Note de la duchesse de Richelieu sur le Duc de Richelieu, стр. 6 и 7.

23) Тамъ-же, стр. 8.

24) Письма герцога Ришелье къ его мачихѣ м-ме Ришелье и м-ме Монкальмъ отъ 8-го ноября 1802 г. и 14-го февраля 1803 г. Сб. И. И. Об. Т. 54, стр. 222—224, стр. 227.

25) Полное Собрание Законовъ. Т. XXVII, стр. 272.

26) Рескрипты на имя лука де Ришелье отъ 30-го января 1803 г. Сб. И. И. Об. Т. 54, стр. VII.

27) В. А. Яковлевъ. „Изъ дѣлъ о бѣглыхъ въ г. Одесѣ“. Новороссійскій календарь за 1892 г. Лит. отдѣлъ, стр. 114.

28) Исторический этотъ домикъ, находившійся на углу теперешнихъ Ришельевской и Ланжероновской улицъ, въ настоящее время не существуетъ. На его мѣстѣ возвышается громадное зданіе товарищества Беллино-Коммерель.

29) Подробности домашней обстановки герцога см. главнымъ образомъ, у Сикара: Notice sur onze ann閑s de la vie du duc de Richelieu à Odessa, etc. Т. 54. Сб. И. И. Об., стр. 25 и слѣдующія.

30) Notice Sicard, стр. 68 и другія.

31) Notice Sicard, стр. 67.

32) Notice Sicard, стр. 68.

33) Тамъ-же.

34) Тамъ-же.

35) Любопытнѣшія свѣдѣнія о садѣ герцога въ водяной балкѣ, въ томъ числѣ нѣсколько подлинныхъ писемъ, находятся въ Мемуарахъ Рошешуара.

Я воспользовался уже этимъ материаломъ въ моей статьѣ „Дюковскій садъ“, помещенной въ „Одесскомъ Вѣстнике“ за 1892 г.

36) Дюкъ строго преслѣдовалъ азартныя игры, онъ находилъ, что онъ никоимъ образомъ не должны быть терпимы въ большомъ портовомъ городѣ. Лицъ, виновныхъ въ такой игрѣ, онъ прямо высылалъ изъ города, не обращая вниманія на ихъ знатность и общественное положеніе. Notice par Sicard, стр. 74, примѣчаніе 7.

37) Notice Sicard, стр. 69.

38) Тамъ-же, стр. 70. Стараніями герцога въ Одессѣ устроена была прекрасная публичная библіотека, богато снабженная книгами на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ. См. Memoires de Roscheschouart, стр. 86.

39) Notice Sicard, стр. 62.

40) Тамъ-же.

41) Notice Sicard, стр. 63.

42) „И вы увидите“, говорилъ герцогъ, „что все остальное придется само собою“. Тамъ-же.

43) Указъ Сенату отъ 26-го июня 1803 г.

44) Указы Сенату отъ 7-го июля 1803 г. и отъ 11-го октября 1813 г.

45) Герцогъ Ришелье графу Кочубею 31-го января 1806 г.

46) Независимо отъ этихъ ассигнованій баронъ Штиглицъ пожертвовалъ на благородный институтъ, основанный Ришелье въ Одессѣ, 100,000 руб., а впослѣдствіи на учрежденіе Ришельевскаго лицея 200,000 рублей.

47) Указъ отъ 19-го февраля 1804 г.

48) Планъ города Одессы былъ утвержденъ Высочайшимъ указомъ отъ 26-го июня 1803 г.

49) Заботы герцога о насажденіяхъ деревьевъ, разведеніи садовъ, плантацій и огородовъ составляютъ одну изъ крупныхъ его заслугъ. См. мою статью „Дюковскій садъ“, „Одесский Вѣстникъ“ 1892 г.

50) Высочайший приказъ отъ 13-го марта 1805 г.

51) Высочайший рескрипты у Смольянинова, стр. 148.

52) Тамъ-же.

53) О мнимомъ пристрастіи Ришелье къ Одессѣ см. въ Notice Sicard.

54) Notice Sicard, стр. 64.

55) Указъ сенату отъ 1-го мая 1803 г. Тогда-же, по ходатайству герцога, учреждены были въ Одессѣ двѣ ярмарки, впрочемъ, въ скоромъ времени прекратившіяся, кажется, „по незначительному сѣзду на оныя“. Смольяниновъ, стр. 132, примѣчаніе 113.

56) Высочайшая повелѣнія отъ 23-го февраля 1804 г. и 2-го февраля 1806 г. Указъ сенату отъ 2-го марта 1806 г.

57) Полное собраніе законовъ, т. XXX, стр. 115.

58) Этотъ-же комитетъ завѣдывалъ всѣми постройками въ городѣ и портѣ.

59) Въ высшей степени интересныя подробноти объ отношеніяхъ герцога Ришелье къ нѣмецкимъ колонистамъ и ремесленникамъ см. въ Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Gemeinde zu Odessa Фр. Бинемана, см. въ особынности стр. 41 и слѣд. и 52.

60) Объ удобствахъ и условіяхъ одесской жизни, а также о характерѣ общественныхъ увеселеній—любопытныя подробноти въ мемуарахъ Рошешуара, стр. 90—91 и въ другихъ мѣстахъ. Какой контрастъ между этими увеселеніями и вечеринками у купчихъ Рожновой и еврейки Рухли!

61) Коммерческая гимназія, основанная Ришелье въ Одессѣ, отличалась отъ губернскихъ гимназій тѣмъ, что къ общимъ предметамъ въ ней присоеди-

нялись еще коммерческія науки. Герцогъ учредилъ также „Благородный институтъ“ для дворянскихъ дѣтей, готовящихся въ военную службу, съ особымъ отдѣленіемъ для дѣвицъ дворянского происхожденія. См. Смольяниновъ, стр. 137—139.

62) Подробными свѣдѣніями о чарующихъ личныхъ свойствахъ герцога переполнены всѣ свидѣтельства современниковъ.

63) Сикаръ отправился изъ Марселя въ Одессу, узнавъ о назначеніи туда герцога. „Я пріѣхалъ туда на нѣсколько мѣсяцевъ, а остался тамъ на всегда. Такова же и история почти всѣхъ иностранцевъ, живущихъ нынѣ въ Одессѣ“, говорить онъ самъ. Стр. 71, прим. I.

64) Подробности у Бинемана.

65) Введеніе къ документамъ и бумагамъ Ришелье. С. И. И. Об., т. 54, стр. X.

66) Подробности объ одесской торговлѣ вообще въ извѣстномъ сочиненіи Сикара „Письма объ Одессѣ“, а также въ его Notice.

67) Sicard, Notice, стр. 37.

68) Sicard, Notice, стр. 38, см. также переписку по этому дѣлу между герцогомъ и графами Кочубеемъ и Румянцовымъ, письма №№ 61, 63, 64, 66, 67, 70, С. И. И. Об., т. 54, стр. 296 и слѣд.

69) Sicard, Notice, стр. 38—39.

70) Подробности о транзитѣ у Сикара въ его письмахъ объ Одессѣ, стр. 64 и слѣд.

71) Тамъ-же и въ Notice etc.

72) Sicard, Notice, стр. 40.

73) Тамъ-же.

74) Тамъ-же.

75) Тамъ-же, стр. 41.

76) Рѣчь герцога у Скальковскаго, Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссийскаго края, т. II, стр. 199—202.

77) Скальковскій, т. II, стр. 202.

78) Скальковскій, т. II, стр. 203—209. См. также „Нашествіе и чума“ статьи профес. В. Надлера въ „Одесскомъ Вѣстнике“ за 1892 г.

79) Письмо герцога Ришелье Императору Александру I, 54 т. Сб. И. И. Об. № 86, стр. 339.

80) Рошешуаръ, Memoires, стр. 174.

81) Подробности о чумѣ заключаются прежде всего въ письмахъ и доносеніяхъ самого герцога государю (см. №№ 90, 91, 92, 93, 94, 97 54 тома Сб. И. И. Об.), затѣмъ въ замѣткахъ современниковъ-очевидцевъ, преимущественно Сикара и Костельно. См. также Скальковскаго, т. II, стр. 210 и слѣдующія и статьи В. Надлера въ „Одесскомъ Вѣстнике“ за 1892 г.

82) Essai sur L'histoire de la Nouvelle Russie. Кастельно, т. III, стр. 320.

83) Essai sur L'histoire de la Nouvelle Russie etc., т. III, стр. 324.

84) Письмо герцога Ришелье Императору Александру I, отъ 20-го октября 1812 г., 54 томъ Сб. И. И. Об. № 93, стр. 347.

85) Подробности о карантинѣ въ Одессѣ см. въ письмахъ герцога, замѣткахъ Сикара, у Кастельно, т. III, стр. 325 и слѣд.

86) Сикаръ, Рошешуаръ.

87) Рошешуаръ, Memoires, стр. 175.

88) „Нашествіе и чума“ В. Надлера, „Одесский Вѣстникъ“ за 1892 г.

89) Письмо герцога Ришелье къ графу Гурьеву отъ 9-го февраля 1814 г. (54 т. Сб. И. И. Об., № 105, стр. 396—399).

90) Тоже письмо.

- 91) Тоже письмо.
 92) Письмо герцога Ришелье къ королю Людовику XVIII, отъ 6-го мая
 1814 г., изъ Херсона (т. 54 Сб. И. И. Об., № 107, стр. 402).
 93) Прощаніе дюка съ Одессою, у Сикара, Notice etc., стр. 60—61.
 94) Само собою, мы говоримъ здѣсь о современныхъ жителяхъ Одессы.
 95) См. записку, представленную герцогомъ Александру I въ кониѣ
 1814 г. (54 т. Сб. И. И. Об., № 118, стр. 412—426).
 96) № 255, стр. 639 (54 т. Сб. И. И. Об.).

1320/361

684610

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

